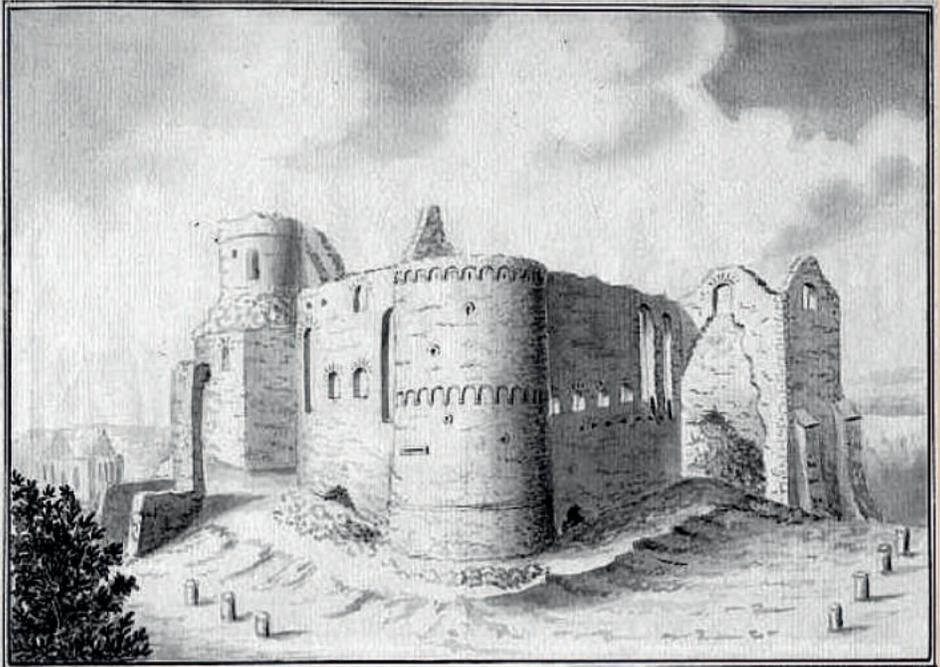

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЫПУСК 12

ISSN 2079-1488

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»

КАФЕДРА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

**STUDIA HISTORICA
EUROPAE ORIENTALIS**

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Научный сборник

Основан в 2008 году

ВЫПУСК 12

Минск
РИВШ
2019

Рекомендовано
Советом Государственного учреждения образования
«Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 26 декабря 2018 г.)

Редакционная коллегия:

- А. В. Мартынюк** – кандидат исторических наук, главный редактор (Минск)
Г. Я. Голенченко – доктор исторических наук, зам. гл. редактора (Минск)
О. А. Яновский – кандидат исторических наук, зам. гл. редактора (Минск)
А. А. Любая – кандидат исторических наук, зам. гл. редактора (Минск)
М. Вайерс – доктор исторических наук (Бонн)
М. Волощук – доктор исторических наук (Ивано-Франковск)
В. А. Воронин – кандидат исторических наук (Минск)
О. И. Дзярнович – кандидат исторических наук (Минск)
Д. Домбровский – доктор исторических наук (Быдгощ)
Л. В. Левшун – доктор филологических наук (Минск)
А. В. Любый – кандидат исторических наук (Минск)
И. А. Марзалюк – доктор исторических наук (Могилев)
В. Нагирный – доктор истории (Краков)
Н. В. Николаев – доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
В. А. Теплова – кандидат исторических наук (Минск)
В. А. Федосик – доктор исторических наук (Минск)
А. И. Филюшкин – доктор исторических наук (Санкт-Петербург)
В. Янкаускас – доктор истории (Каунас)

Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории
И87 Восточной Европы : науч. сб. Вып. 12. – Минск : РИВШ, 2019. – 232 с.

В научном сборнике представлены актуальные исследования белорусских и зарубежных ученых, посвященные широкому кругу проблем истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. Сборник включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям и научным работникам, а также всем, кто интересуется историей восточных славян.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	5
<i>Кулаков В. И.</i> Пути торговли янтарем в юго-восточной Балтии во II веке н.э.....	7
<i>Сердюк Б. В.</i> Какое христианство проповедовал Торвальд Путешественник?.....	14
<i>Варонін В. А.</i> Беларускія землі і Чэхія ў X–XII стст.....	20
<i>Нагурный В. Н.</i> Туровский посадник Жирослав Иванкович. Просопографический очерк	31
<i>Зімніцкі А. А.</i> Першыя факты (?) выкарыстання Тэўтонскім ордэнам агнастрэльнай зброі супраць войскаў Вялікага Княства Літоўскага (па матэрыялах хронікі Мацея Стрыйкоўскага).....	42
<i>Русина Е. В.</i> Киев Средневековья: город и миф.....	62
<i>Введенский А. М.</i> Новгородская владычная летопись как источник Летописи Авраамки	80
<i>Бенцианов М. М.</i> «Литвины» и «паны». Выходцы из Великого княжества Литовского на московской службе в XV–XVI столетиях.....	86
<i>Подберезкин Ф. Д.</i> «Избегая даней прародителей»: вопрос о лене и дани в отношениях Великого княжества Московского и Священной Римской империи с Ливонией (XV – первая половина XVI в.).....	126

Любы А. У.

Паміж літоўскім і польскім часам: сучасная ўкраінская гістарыяграфія Вялікага Княства Літоўскага эпохі Ягелонаў 143

ИСТОЧНИКИ..... 161

Дзярновіч А. І.

«*Militares Livoniensum*»: Рээстр лівонскага войска пад Пасволем у 1557 г. і праблемы мілітарнай гісторыі рэгіёна 163

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ..... 195

Любы А. У.

Апошнія дваццаць пяць год гісторыі Вялікага Княства Літоўскага ў Беларускам дзяржаўным універсітэце..... 197

Риер Я. А.

IX міжнародная навучная коонференция из серии *Colloquia Russica* «Русь и Польша (X–XIV вв.)» (Перемышль, Польша, 5–8 декабря 2018 г.) 203

Риер Я. А.

X міжнародная навучная коонференция из серии *Colloquia Russica* «Дипломатия средневековой Руси (X–XVI вв.)» (Краков, Польша, 9–11 октября 2019 г.)..... 208

Подберезкин Ф. Д.

«Древена баня» Виталия Нагирного: личные заметки участника к десятилетнему юбилею проекта *Colloquia Russica* 213

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 219

РЕЗЮМЕ 221

SUMMARY 225

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 229

СТАТЬИ

ПУТИ ТОРГОВЛИ ЯНТАРЕМ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ ВО II ВЕКЕ Н.Э.

Во второй половине II тысячелетия н.э. известный польский археолог Ежи Веловейски на основе кропотливого анализа археологических находок, в разной степени связанных с янтарной торговлей, определил янтарную трассу римского времени, проходившую по рекам Висле и Дунаю, и назвал ее Главный/Великий янтарный путь [1].

Перспектива участия в янтарной торговле привлекала на Самбию взоры представителей различных племен древней Европы и вызывала миграцию их групп (прежде всего – романизованных кельтов) уже с фаз V_{1a} и V_{1b} [2, s. 169]. В первом десятилетии на Янтарный берег проникают группы германцев, известные под именем *Vidivarīi* [3, с. 33]. Таким образом, янтарная торговля способствовала не только проникновению в среду эстив новаций европейской материальной культуры (в т.ч. – технологий), но и иноэтничным включениям в западнобалтскую среду. В связи с этим представляется актуальным выявление локальных направлений торговли в северной, начальной фазе Великого/Главного янтарного пути.

Несколько лет тому назад автор этих строк продолжил предложенную Е. Веловейски методику выявления путей янтарной торговли по находкам продуктов, получавшихся эстиями в обмен на янтарь – провинциально-римских фибул. Мною были показаны на карте пункты находок фибул I н.э. [4, рис. 1–4]. Учитывая возможность размещения находок фибул не только непосредственно у трассы Янтарного пути, но и распространение их в близлежащих микрорегионах, где они выпали в землю на могильниках, можно составить варианты Янтарного пути для фибул I века н.э., найденных в вельбарском, пшеворском и в западнобалтском ареалах (**рис. 1**). Информация комплекса этих карт свидетельствует о распространении фибул I века н.э. в основном в северной части Янтарного пути. Исключение составляют фибулы типа AIV,84, основное скопление которых представлено в бассейне р. Тисса и на близлежащих берегах р. Дунай. Второй базовый вывод, полученных при картировании находок фибул групп AII–AIV заключается в том, что они отсутствуют на территории Великопольском и Лодзинском воеводств Польши. Однако на карте Янтарного пути, опубли-

кованной Е. Веловейски, после поворота течения р. Висла на север у современного г. Быдгощ (Bromberg/Bydgoszcz) направление трассы Янтарного пути устремляется на юг [2, табл. 2]. Именно на этой трассе расположено местонахождение знаменитого янтарного клада у Калиша (Kalisz). Однако скопление находок фибул типа AIV,75 к западу от впадения рек Нарев и Буг в Вислу указывает на существование версии трассы Янтарного пути через северную часть пшеворского ареала и через западную окраину Мазурского Поозерья (ареал «богачевской» культуры). Примечательно, что на карте Е. Веловейски данный вариант трассы допускается [2, табл. 2].

Применение указанной выше методики для выяснения направлений северного отрезка Великого/Главного Янтарного пути дало довольно неожиданные результаты. Фибулы типа AIV,88, являющиеся на фазе B₂ переходной фазой между застежками-прототипами перекладчатых фибул и фибулами формы Hauptmann 1 [5, S. 159, 160], встречены исключительно на Самбии (рис. 2). Таким образом, на Янтарном берегу находятся прототипы для фибул форм 1–9, являющихся хроноиндикатором для археологических комплексов любовидзской фазы вельбарской культуры. Так как находок фибул типов AIV,88 и AV,96 в верхнем течении р. Висла не обнаружено, а в бассейне р. Одер указанный последним тип застежек представлен обильно, связывать появление таких фибул с Великим Янтарным путем не представляется возможным. Распространение фибул типа AV,96 и форм Hauptmann 1–9 шло, очевидно, с северо-востока, от Самбии (там найдены их прототипы) по рекам Нотечь и Варта, правым притокам р. Одер. Судя по находкам этих фибул в бассейне указанной реки они могли являться здесь результатами торговых операций, возможно, даже с янтарем, но не самбийским, а ютландским. С другой стороны, обнаружение сугубо вельбарских фибул типа AV,96 и форм Hauptmann 1–9 как в вельбарском ареале, так и вне его может предполагать эти фибулы как основной продукт торговли в раннеримское время, а также свидетельствовать о широких матримониальных межплеменных связях на восточной границе германского мира.

Вельбарские перекладчатые фибулы, встреченные попарно в погребальных комплексах грунтового могильника Lauth/Б. Исаково (г. Калининград), прямо свидетельствуют о том, что представительницы восточногерманского этноса на фазах B₁–B₂/C₁ стали невестами для обитателей Янтарного края. Например, в погр. L-233 (рис. 3) представлены бронзовые фибулы типов AII,39, AII,40, AII,41, браслет типа Kameńczyk и накладки для самбийского пояса. По фибулам данный

комплекс датируется фазой V_1 , при этом вещевые признаки западно-балтских древностей в данном погребении отсутствуют [6, с. 63]. Т.е. весь инвентарь женщины из погр. L-233 представляет ее приданое, с которым она поступила на Самбию из вельбарского племенного ареала. Единственными свидетельствами присутствия балтов в коллективе, осуществлявшем погребальные церемонии с этой женщиной, являются нож и поясные накладки, нехарактерные для восточногерманских традиций. Сходным образом можно интерпретировать вещевые комплексы еще нескольких женских погребений из могильника Lauth/Б. Исаково. Так, например, в погр. L-2 встречена пара «шапкообразных» фибул типа AVI,128 (рис. 4) (форма 9а), датирующих комплекс фазой V_2/C_1 [7, S. 192], соответствуя самой северо-восточной точке распространения восточногерманского женского убора [6, с. 63]. Правда, наличие в этом комплексе ножа и остатков поясного набора подвигло малоопытного К. Скворцова определить данный комплекс как мужской [8, S. 117]. До проведения антропологического анализа остатков из погр. L-2 окончательный вердикт относительно гендерной принадлежности погребенных здесь индивидуумов преждевременен, однако нахождение здесь вместе с фибулами железных ведерковидных подвесок, перстня и оплавленных бусин прямо указывает на присутствие в погр. L-2 женских останков. Наконец, в погр. L-244 вместе с парой браслетов типа Trötrau, оплавленными бусинами и ножом выявлены остатки обожженных двух пар перекладчатых фибул, одна из которых уверенно относится к типу AV,95 и относится к фазе V_2/C_1 [6, с. 36]. Балтские по своему историко-этнографическому характеру находки в данном комплексе также отсутствуют.

Фибулы типа AVI,128 представлены и в вельбарском ареале, и на Янтарном берегу столь небольшим числом находок (рис. 2), что можно лишь предполагать эти артефакты продуктом межплеменных контактов между восточными германцами и эстиями. Местонахождение конкретной трассы этой торговли установить пока нельзя. Сходный вывод можно сделать о распространении роскошных по своему оформлению фибул AVI,130 (фаза V_2/C_1) [6, с. 39]. Их локальные скопления на восточной окраине Поморья и в западной части Самбии свидетельствуют об обретении племенной аристократией своих невест среди восточногерманской знати на рубеже ранне- и позднеримской эпох [6, с. 40]. Наконец, анализ скоплений находок фибул типа AVI,133 (рис. 2) указывает на «Мазурский вариант» истоков Великого Янтарного пути, уже ранее выявленный на примере распространения фибул AIV,75 (рис. 1).

Приведенный выше анализ версий северного отрезка Великого/Главного Янтарного пути в раннеримское время позволяет сделать следующие выводы:

1. Распространение в I веке н.э. в юго-восточной Балтии провинциально-римских фибул типа AIV,75 позволяет полагать прохождение части Янтарного пути через ареал пшеворской культуры, носители которой охотно пользовались фибулами как продуктом янтарной торговли.

2. Начиная с фазы B₁ вельбаркские фибулы форм Hauptmann 1–9 поступают (очевидно, как в рамках торговых отношений, так и как результат матримониальных контактов) на юго-западную окраину балтского мира. Анализ погребальных комплексов, содержащих на могильнике Lauth/Б. Исаково такие фибулы, свидетельствует о том, что восточногерманские женщины, оказавшиеся в качестве невест/жен в балтской среде, как правило, до конца жизни сохраняли элементы своего приданого, выполненные в вельбаркских традициях. Однако наличие отдельных балтских по своему происхождению компонентов погребального инвентаря в их захоронениях свидетельствует скорее в пользу проведения заупокойных церемоний эстиями, носителями западнобалтских традиций.

Список литературы

1. Wielowiejski, J. Kontakty Noricum i Pannonii z ludami północnymi / J. Wielowiejski. – Wrocław, Warszawa, Kraków: Ossolineum, 1970. – 335 s.
2. Wielowiejski, J. Główny szlak bursztyniowy w czasach cesarstwa rzymskiego / J. Wielowiejski. – Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Ossolineum, 1980.
3. Кулаков, В. И. Пути янтарной торговли и миграция племен в I–V вв. н.э. / В. И. Кулаков // Торговые пути янтаря. Материалы международной научно-практической конференции; 30 июня 2011 г. – Калининград: Издательство БФУ, 2011. – С. 25–34.
4. Кулаков, В. И. Трассы межэтнических контактов у истоков Янтарного пути в I в. н.э. (по данным распространения фибул) / В. И. Кулаков // Научные чтения, посвященные Виктору Владимировичу Маргынову. Сборник научных трудов, вып. IV, часть 2. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 36–44.
5. Hauptmann, T. Studien zu den Dreisprossenfibeln / T. Hauptmann // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg, Bd. 5. – Wünsdorf: Verlag Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte, 1998. – S. 159–173.
6. Кулаков, В. И. Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н.э. / В. И. Кулаков. – Калининград: Калининградская книга», 2016. – 359 с.
7. Machajewski, H. Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas / H. Machajewski // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren, Forschungen

zur Archäologie im Land Brandenburg, Bd. 5. – Wünsdorf: Verlag Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte, 1998. – S. 187–196.

8. Skvorzov, K. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'soe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 / K. Skvorzov // Offa, Bd. 61/62. – Neumünster: Wachholtz Verlag, 2007. – S. 11–219.

9. Скворцов, К. Н. (Отчет о работах) в г. Калининграде (на участке строительства коллектора от ул. Партизанской до ул. Горького) и могильника Лут-Большое Исаково в Гурьевском районе в 2005 г. / К. Н. Скворцов // Архив Института археологии РАН, Р-1., № 00898 (форма № 4).

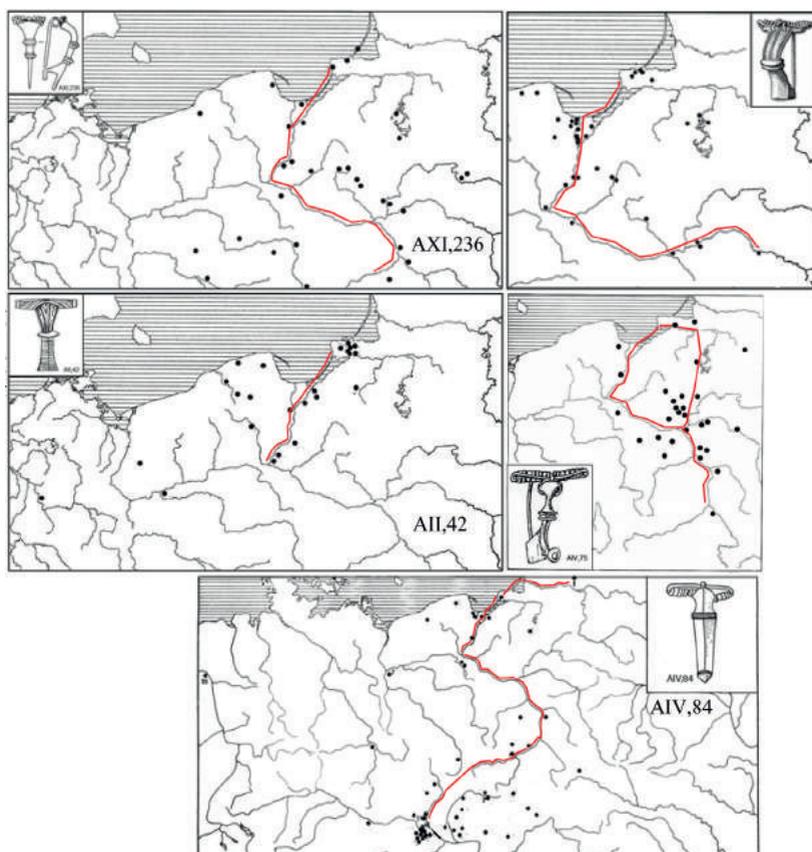

Рис. 1. Варианты трасс янтарной торговли в юго-восточной Балтии в I веке н.э. [4, рис. 1–5].

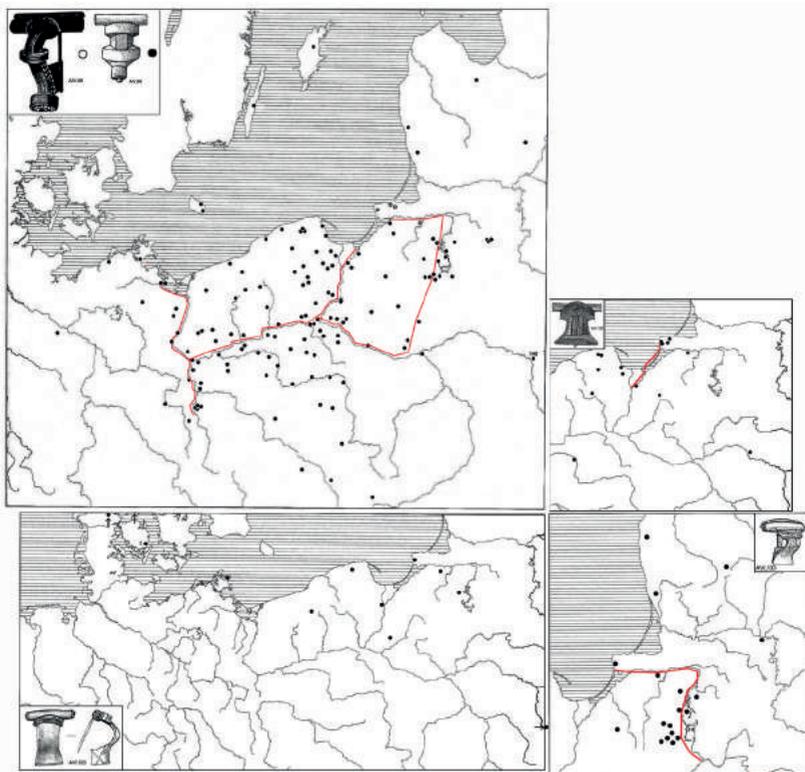

Рис. 2. Варианты трасс янтарной торговли в юго-восточной Балтии во II веке н.э. [6, рис. 28, 34, 35, 37].

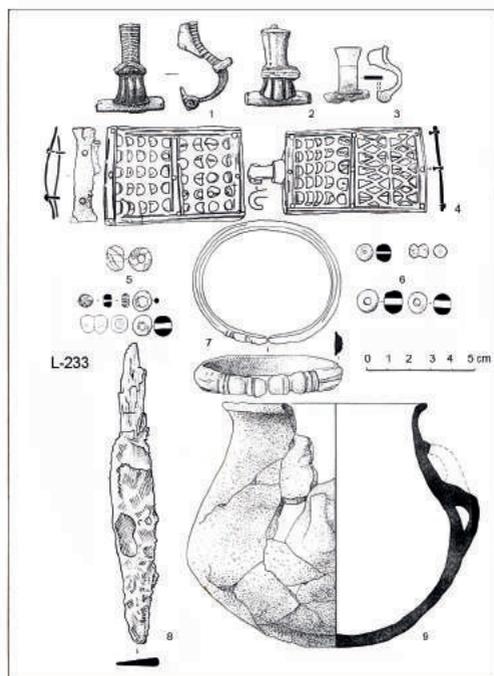

Рис. 3. Инвентарь погр. L-233 могильника Lauth/Б. Исаково [6, рис. 65].

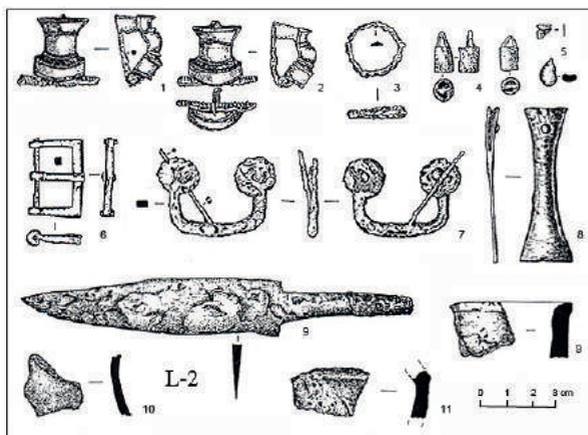

Рис. 4. Инвентарь погр. L-2 могильника Lauth/Б. Исаково [8, Taf. 2].

КАКОЕ ХРИСТИАНСТВО ПРОПОВЕДОВАЛ ТОРВАЛЬД ПУТЕШЕСТВЕННИК?

Торвальд Кодранссон (Торвальд Путешественник) (ок. 950 – ок. 1002) – знаменитый исландский миссионер, в конце жизни проповедовавший христианство на территории Полоцкого княжества. Годы деятельности Торвальда приходятся на конец X века, то есть до официального разделения христианской Церкви на православную и католическую, случившегося в 1054 г., когда папский легат кардинал Гумберт от имени Льва IX анафематствовал константинопольского патриарха Михаила I Керулария. Означает ли это, что христианская проповедь Торвальда находилась вне конфессионального контекста?

Чтобы ответить на данный вопрос, прежде всего стоит посмотреть, в каких отношениях находились Восточная и Западная церкви накануне официального разрыва отношений. Современные исследователи уже давно определяют дату «1054 год» как довольно условную. Христианство на востоке и западе Римской империи начало развиваться отдельно уже в V веке. Различия в языке и культуре постепенно дополнились различиями в богословии и культуре [1].

В IX в. борьба за влияние на Балканском полуострове привела к первому официальному расколу христианства, получившему название «Фотиева схизма». Раскол продолжался с 863 по 867 год, и аргументы сторон лежали преимущественно в плоскости церковного права. Манифестируя принцип примата папы, Николай I признал неканоничным избрание патриарха Фотия, который, в ответ на попытку Рима распространить свою юрисдикцию на епархии Балканского полуострова, отлучил понтифика от Церкви. Аргументы, связанные с различием латинского и греческого обрядов, практически не встречаются в данной полемике, ведь христианство с самых первых веков своего существования совмещало различные богослужebные и богословские традиции. Раскол официально был преодолен на Четвертом Константинопольском соборе, который ненадолго разрядил обстановку, однако вскоре был признан Греческой церковью недействительным.

Конфликт конца X – начала XI века был также первоначально связан с вопросами территориального влияния Рима и Константинополя, однако на этот раз спор перешел в плоскость традиций и обряда. Рим-

ская церковь стремилась распространить свою юрисдикцию на земли южной Италии, исторически относившиеся к Константинопольскому патриархату. В приходах на данной территории греческое богослужение стало заменяться латинским. На основании различия в обряде начала определяться принадлежность прихода к греческой либо римской юрисдикции. Аргументация сторон перешла из сферы канонического права в сферу культа.

В среде греческих богословов стали появляться сочинения против латинян, обличающие различные элементы латинского обряда: служение литургии на хлебе из пресного теста; пост в субботу во время Великого поста; отсутствие пения «Аллилуйя» во время Великого поста; употребление в пищу удушенной и прочее. Таким образом, накануне официального раскола обстановка в Церкви была накалена, а вопрос обряда перешел в разряд принципиальных.

Итак, учитывая чрезвычайную напряженность отношений Восточной и Западной церквей в конце X века и принципиальную значимость в их полемике вопросов обряда, трудно согласиться с исследователями, утверждающими, что Торвальд Кодранссон проповедовал в Полоцке некое «неразделенное еще христианство», ставшее «основой духовного единства белорусов» [6, с. 235].

Какое же христианство принес на земли Полоцкого княжества исландец Торвальд? Чтобы разобраться в конфессиональной ориентированности скандинавов, кратко рассмотрим основные пути их конверсии.

Прежде всего, христианизация скандинавов была связана со скандинавскими миссиями, первая из которых состоялась в VIII веке. Нельзя сказать, что данная миссионерская деятельность была успешной, ведь официальная христианизация Скандинавии завершилась лишь в середине XIII века (Швеция). Миссионеры, отправляющиеся из Саксонии в «Северные страны» часто не владели языком местных народов. Это явствует, например, из «Пряди о Торвальде Путешественнике», повествующей о епископе Фридрекке, направленном в Исландию гамбургским архиепископом Адальдагом. Миссионеру Фридрекку понадобился переводчик, так как он не знал местного языка. Он отслужил торжественную мессу на латыни, и, как следует из пряди, именно пышность и красота богослужения явились фактором, побудившим ряд язычников принять христианство (как это было с послами князя Владимира в Константинополе).

Несмотря на ряд неудач, английским и немецким миссионерам все же удалось обратить в христианство часть скандинавских конунгов [3, с. 547]. Начиная с конца X века начинают появляться мемориальные

рунические камни, отражающие принадлежность человека к христианству [7, с. 20]. Таким образом, часть скандинавов была крещена у себя на родине латинскими миссионерами.

Еще один путь конверсии скандинавов – оглашение (катехизация) и крещение в рамках восточной христианской традиции во время путешествия в Грецию. Заметное влияние греческого православия в скандинавских странах, отмечаемое современными исследователями, связано с функционированием знаменитого пути «из варяг в греки», проходившего по славянским землям [9, с. 104]. Часть скандинавов, принявших христианство в Константинополе, осела на Руси еще до ее официального крещения при князе Владимире. Согласно древнерусским источникам, двумя первыми святыми мучениками на Руси стали православные варяги. Норвежский король Олаф Трюгвассон, приняв крещение в Греции, вероятно также способствовал христианизации Руси в рамках греческой традиции [9, с. 105].

Проповедь Торвальда Кодранссона аналогично связывают с греческим христианством: ведь он прибыл в Полоцк из Константинополя, в качестве посланника византийского императора [9, с. 105]. Однако конфессиональную принадлежность миссионера в данном случае следует определять не на основе метрополии, от лица которой он прибыл, а на основе традиции, в рамках которой был воспитан. Дело в том, что Торвальд, прежде чем попасть в Грецию, принял христианство тем же путем, каким его принимали многие викинги, участвовавшие в военных походах и служившие в войсках западноевропейских правителей. Находясь длительное время на христианских землях, викинги перенимали часть местных культурных традиций. Некоторые крестились, и, возвращаясь на родину, приносили с собой христианскую веру. Так, согласно скандинавским источникам, произошло и с Торвальдом.

«Прядь о Торвальде Путешественнике», сохранившаяся как часть «Большой саги об Олафе Трюгвассоне», говорит о том, что будущий миссионер родился на севере Исландии в семье бонда (мелкого землевладельца). В юности он отправился путешествовать по Скандинавии и устроился на службу к сыну датского конунга Свейну Вилобородому, будущему королю Дании, Норвегии и Англии. Несколько лет Торвальд провел со Свейном в походах по западным землям. Он отличался большой физической силой и рассудительностью и зарекомендовал себя как мужественный воин. Автор пряди отмечает, что еще будучи язычником, Торвальд стремился во всем поступать по совести: после удачных набегов он справедливо распределял добычу, а пленных отпускал домой.

Во время набега на Ирландию викинг впервые познакомился с христианством. Новое учение настолько увлекло Торвальда, что он оставил службу у конунга Свейна и перебрался в Саксонию, где на землях Гамбургской архиепископии прошел катехизацию и был крещен епископом Фридрекком. После этого Торвальду удалось уговорить епископа отправиться вместе с ним в Исландию в качестве миссионера.

На родине викинг много лет провел с епископом и священниками, проповедуя христианство. Торвальд был женат, поэтому, по традиции Западной церкви, не мог принять священный сан. Он занимался катехизацией и приводил готовых креститься людей к епископу для совершения таинства.

Торвальду удалось обратить в христианство свою семью и близких родственников, а также часть населения северной Исландии. При дальнейшем продвижении вглубь страны миссия столкнулась с яростным сопротивлением со стороны язычников. После того, как язычники сожгли церковь и издевались над миссионерами, Торвальд убил нескольких недоброжелателей. Данный эпизод привел к тому, что миссию пришлось свернуть, и миссионеры вынуждены были бежать из Исландии в 985 г. [8].

Епископ Фридрек вернулся в Саксонию, а Торвальд Кодранссон отправился в торговые поездки, а также предпринял паломничество в Иерусалим. Кроме того, он посетил Константинополь, где, согласно пряди, удостоился аудиенции византийского императора Василия II. Император вел аскетическую жизнь воина, заботясь о своей армии больше, чем о повседневном благополучии. Его не интересовали ни придворная роскошь, ни науки и искусства. Вероятно, викинг Торвальд более импонировал ему как мужественный и опытный воин, нежели как религиозный деятель. Василий направил Торвальда на Русь «к конунгам Восточного пути» в качестве своего посла.

В данном эпизоде показательно то, что прядь, повествуя о встрече исландского миссионера со светским правителем, ничего не говорит о визите к патриарху. Нет ничего удивительного в том, что подобная встреча не состоялась: патриарх Николай II Хрисоверг, возглавлявший в то время константинопольскую кафедру, был крайне негативно настроен в отношении приверженцев латинского обряда. С особым тщанием Николай II боролся против *Filioque*, которое к тому времени из богословского положения стало превращаться в политический инструмент. Стоит заметить, что *Filioque* являлось характерным положением именно саксонского богословия, в традициях которого был наставлен исландский миссионер. Поэтому Торвальд, как представитель Бремен-

ской миссионерской архиепископии, вряд ли мог рассчитывать на радужный прием в патриархии.

Из Константинополя Торвальд вместе со своим другом Стевниром Торгильссоном, возвращавшимся из Рима в Данию, отправился на север по Днепру и достиг Киева. После этого он двинулся дальше на север и прибыл в Полоцк не ранее 986 г. [9, с. 105]. Там он расстался с Стевниром, который продолжил свой путь на север.

Торвальд до конца своих дней оставался в Полоцкой земле, где довольно успешно продолжал свою проповедь и даже основал монастырь рядом с храмом в честь святого Иоанна Крестителя. Современные исследователи высказывают предположение, что успех проповеди Торвальда в Полоцке во многом зависел от покровительства правящих там скандинавов [9, с. 106].

«Сага о крещении» говорит о том, что Торвальд скончался недалеко от Полоцка и был погребен в основанном им монастыре «на одной горе у храма Иоанна Крестителя» [4, с. 195]. Бранд Путешественник, проходя через Полоцкую землю и побывав на могиле своего соотечественника, составил такую вису: «Пришел я туда, где Торвальду, сыну Кодрана, Христос дарует покой. Там он похоронен на высокой горе, вверх по Дравну подле церкви Иоанна» [4, с. 196].

Сага указывает место погребения миссионера: «под высокой горой, которая называется Дрэвн» [2, с. 138]. Т. Н. Джаксон полагает, что под топонимом *Drafn/Dröfn* следует понимать реку в окрестностях Браслава. Исследователь подчеркивает возможность захоронения Торвальда поблизости от городища XI–XIII веков у деревни Масковичи, расположенного на берегу озера Дербо [2, с. 139]. Данное поселение было одним из форпостов Полоцкого княжества на его северо-западных рубежах. Там размещался варяжский гарнизон, подчиненный полоцкому князю. В ходе археологических раскопок на территории поселения было обнаружено значительное количество бытовых предметов, содержащих скандинавские рунические надписи эпохи викингов. Е. А. Мельникова интерпретировала ряд из них как относящиеся к христианству латинского обряда (*Ave Maria, curatio*). Слово *curatio* (душепопечение) имело в языке латинских миссионеров весьма важное значение, охватывая совокупность пастырских обязанностей священнослужителя [7, с. 246]. Поэтому весьма вероятно существование в поселении неподалеку от Масковичей христианской общины латинского обряда, возглавляемой священником. Наличие священнослужителя также подтверждается находкой трех крупных богато украшенных крестов [5, с. 15].

Таким образом, есть основания полагать, что именно к своим соотечественникам-варягам, проживающим в поселении близ Масковичей, обратился с проповедью Торвальд Путешественник. Ему удалось сформировать крепкую общину, которая, судя по наличию латино-рунических памятников XI–XIII веков, на протяжении еще нескольких столетий сохраняла свои традиции, пока не была окончательно ассимилирована. Успешность проповеди и культ Торвальда среди местного варяжского населения засвидетельствовал и Бранд Путешественник, говоря, что «на горе, вверх по Дравну» люди почитают его святым. Локальность проповеди Торвальда и ее скандинаво-латиноязычный характер косвенно подтверждается отсутствием упоминаний об этом успешном и плодотворном миссионере в древнерусских источниках.

Список литературы

1. Асмус, В. Разделение Церквей / В. Асмус // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/religious_studies/text/3490589. – Дата доступа: 05.10.2019.
2. Джаксон, Т. Н. Austr i Gödum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках / Т. Н. Джаксон. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 208 с.
3. Древняя Русь в свете зарубежных источников: учеб. пособие / Е. А. Мельникова [и др.]; под ред. Е. А. Мельниковой. – М.: Логос, 1999. – 605 с.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия: в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории; под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. – Т. 5: Древнескандинавские источники / сост.: Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова. – 378 с.
5. Дучыц, Л. У. Маскавічы / Л. У. Дучыц // Полоцкий летописец. № 1 (2). – Новополоцк: МПКП «Диана», 1993. – С. 13–18.
6. Катлярчук, А. Шведы ў гісторыі і культуры беларусаў = Svenskar i vitrysk historia och kultur / А. Катлярчук. – 2-е выд., папраўл. і дап. – Вільня: Ін-т беларусістыкі, 2007. – 303 с.
7. Мельникова, Е. А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации: тексты, перевод, комментарии / Е. А. Мельникова. – М.: Восточная литература, 2001. – 496 с.
8. Пряди истории: Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии / пер. с древнеисландского И. Б. Губанов, В. О. Казанский, М. В. Панкратова, Ю. А. Полуэктов; под ред. Ю. К. Кузьменко. – М.: Водолей Publishers, 2008. – 320 с.
9. Самонова, М. Н. Скандинаво-славянские связи на белорусских землях в IX–XIII вв. (по письменным источникам): дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / М. Н. Самонова. – М., 2014. – 145 л.

БЕЛАРУСКІЯ ЗЕМЛІ І ЧЭХІЯ ў Х–ХІІ стст.

На сённяшні дзень мы не так шмат ведаем пра сувязі, якія існавалі паміж беларускімі землямі і заходнімі славянамі ў эпоху еўрапейскага Высокага Сярэднявечча. Гэта звязана перш за ўсё са станам крыніц. Кола пісьмовых помнікаў даўно вядома і практычна не пашыраецца, а археалагічны матэрыял назапашваецца вельмі марудна. Аднак падаецца, што магчымасці павялічваць нашы веды ў гэтай галіне яшчэ далёка не вычарпаны. Так, напрыклад, новыя вынікі можа прынесці вывучэнне межных крыніц і іх супастаўленне з матэрыяламі айчыннага паходжання. Праводзячы такія даследаванні, неабходна ўлічваць самыя розныя аспекты гістарычнага мінулага – важнымі могуць аказацца рэчы, якія на першы погляд падаюцца нязначнымі ці выглядаюць як выпадковыя супадзенні. Але пры іх бліжэйшым разглядзе могуць быць выяўлены тыя ці іншыя сувязі і заканамернасці – часам зусім нечаканыя.

Ёсць падставы лічыць, што полацкая княская дынастыя ўжо на раннім этапе свайго існавання была нейкім чынам звязана з Чэхіяй. Так, вельмі рэдкае на Русі імя Брачыслаў, якое ўпершыню атрымаў сын полацкага князя Ізяслава Уладзіміравіча, а потым насіў цэлы шэраг іх нашчадкаў, знаходзіць прамыя аналогіі ў іменаслове чэшскай і мараўскай знаці ХІ–ХІV стст. [15, с. 27, 28].

Малодшым сучаснікам Брачыслава Ізяславіча, які кіраваў Полацкам у 1003–1044 гг., быў чэшскі князь Бржэціслаў I. Ён нарадзіўся паміж 1002 і 1005 гг. і быў сынам князя Ольдржыха (Удальрыха). Бржэціслаў займаў княскі пасада з 1034 г. і да сваёй смерці 10 студзеня 1055 г. Князь праводзіў актыўную знешнюю палітыку, з пераменным поспехам вядучы войны супраць германскіх імператараў, якім у выніку быў вымушаны падпарадкавацца, а таксама супраць Польшчы і Венгрыі. Тагачасныя ці хрानалагічныя блізкія да жыцця Бржэціслава крыніцы перадаюць яго імя вельмі падобна на імя полацкага князя. Так, напрыклад, на манетах яго адчаканена як «Bracizlavs» ці «Bracislaw» і практычна так жа (*Bracizlaus*) напісана ў арыгінальным лацінскім тэксце «Хронікі чэхаў» Казьмы Пражскага [17, р. 75, 81, 83, 101, 103].

Гісторыя з’яўлення на свет Бржэціслава была не зусім звычайнай. Яго бацька, князь Ольдржых у сваім першым шлюбе не меў дзяцей. Тады, дзеля нараджэння спадкаемца, ён узяў другую жонку, сялянку

Бажэну з рода Кржэсіны [4, с. 83, 120]. Менавіта ў гэтым шлюбе і нарадзіўся Бржэціслаў. Цікава, што ажаніўшыся з Бажэнай, Ольдржых не развёўся з першай сваёй княгіняй. Такім чынам, з пункту гледжання хрысціянства, Бржэціслаў быў незаконным дзіцём. Аднак тут трэба браць у разлік тое, што нават прыняўшы хрышчэнне, народы Цэнтральнай, Паўночнай і Усходняй Еўропы яшчэ доўга захоўвалі шматлікія перажыткі старых вераванняў. Іх князі і каралі таксама не спяшаліся адмаўляцца ад язычніцкіх звычаяў. Паводзіны гэтых манархаў-неафітаў часта былі вельмі далёкімі ад хрысціянскіх канонаў. Гэта ў поўнай меры датычылася і сямейна-шлюбнай сферы. Добра вядома, што многія новахрышчаныя манархі мелі палюбоўніц, фактычны статус якіх мала чым адрозніваўся ад статуса іх законных хрысціянскіх жонак. Напрыклад, дзеці, якія былі народжаны ў нявенчаных шлюбах, мелі практычна такія самыя правы, як і тыя, якія з’явіліся на свет у шлюбах, асвечаных царквой. Нярэдка яны становіліся і каралямі. Так, вядомы нарвежскі і дацкі кароль Магнус I (каля 1024 – 1047) быў незаконным сынам нарвежскага караля-хрысціцеля Олафа II Святога. Паходжанне Бржэціслава I таксама зусім не перашкодзіла яму пераняць уладу ад бацькі.

Брачыслаў Ізяславіч Полацкі і Бржэціслаў I Чэшскі не толькі жылі ў адзін час, але і, магчыма, былі сваякамі. Той факт, што сын Ізяслава меў вельмі рэдкае на Русі імя, наводзіць на думку пра паходжанне яго маці з нейкай іншай славянскай краіны. Гэта цалкам магла быць Чэхія. Як мы ведаем, імя Бржэціслаў было там дастаткова папулярным. Ці, наадварот, – гэта чэхі запазычылі полацкае княскае імя? На гэта можа ўказваць той факт, што Брачыслаў Ізяславіч быў старэйшым за Бржэціслава I. Але, у любым выпадку, бяспрэчна тое, што рускія Рурыкавічы мелі шчыльныя дынастычныя сувязі з чэшскай знаццю. Тут варта ўгадаць хаця б той факт, што дзве жонкі вялікага князя кіеўскага Уладзіміра Святаславіча былі «чехинями». І сын адной з іх насіў вельмі рэдкае для ўсходніх славян імя Вышаслаў [7, с. 56].

Той факт, што цёзкамі аказаліся князі, якія нарадзіліся прыкладна ў адзін час у такіх геаграфічна аддаленых краях, як Полацкая зямля і Чэхія, выглядае прынамсі нечакана. Якія ён можа мець тлумачэнні? Самым праўдападобным падаюцца шлюбныя сувязі паміж мясцовымі княскімі дынастыямі. Нельга выключыць таксама наяўнасці нейкіх, лепей нам, на жаль, невядомых, але, відаць, дастаткова трывалых трансславянскіх зносін.

Калі з’яўленне гэтага незвычайнага імя ў полацкай княскай сям’і было звязана з дынастычнымі сувязямі, дык яно было прынесена

туды, па ўсёй бачнасці, жонкай Ізяслава Уладзіміравіча. У яе чэшскім паходжанні няма нічога неверагоднага. Так, напрыклад, вядома, што вялікі князь кіеўскі Уладзімір Святаславіч падтрымліваў не проста мірныя, а сяброўскія адносіны з Ольдржыхам [7, с. 86]. Яны цалкам маглі прывесці да заключэння шлюбных саюзаў паміж членамі іх сем'яў. Добра вядома, што Уладзімір шырока практыкаваў шлюбы сваіх сыноў з замежнымі прынцэсамі. Жаніцьба Ізяслава з чэшскай князёўнай добра ўпісвалася ў гэты рад і была б толькі чарговым такім прыкладам. Полацка-чэшскія сувязі маглі праходзіць і праз Ноўгарад. Менавіта там княжыў сын Уладзіміра ад чэшкі Вышаслаў [7, с. 83]. Вельмі верагодна, што ён падтрымліваў кантакты са сваёй заходнеславянскай раднёй. Полацкі князь Ізяслаў Уладзіміравіч таксама быў нейкім чынам звязаны з Ноўгарадам – менавіта там была знойдзена яго пячатка.

Згодна з паведамленнямі Казьмы Пражскага, Бржэціслаў атрымаў сваё імя ад бацькі – Ольдржыха. Мяркуючы па ўсім, наданне імя старэйшаму сыну менавіта бацькам было тады звычайнай практыкай. Што ж датычыцца полацкай княскай сям'і, дык тут трэба ўзгадаць, што Брачыслаў быў другім, малодшым сынам Ізяслава. Яго першы сын Усяслаў кіраваў Полацкам кароткі час у 1001–1003 гг., адразу пасля смерці бацькі. Калі дапусціць, што імя старэйшаму сыну надаў бацька, дык другога магла назваць маці, у чым таксама няма нічога дзіўнага.

Імя Брачыслаў мела вялікую папулярнасць у полацкай княскай дынастыі на працягу ўсяго часу яе існавання, г. зн. у XI–XIII стст. Затое яно надзвычай рэдка сустракаецца ў сем'ях іншых рускіх князёў. Брачыславам звалі, здаецца, усяго аднаго Рурывіча – сына вялікага князя кіеўскага Святаполка Ізяславіча (1093–1113). Ён нарадзіўся ў 1104 г. ад другой жонкі князя – дачкі палавецкага хана Тугаркана [7, с. 185]. Прычым вельмі падобна на тое, што сваё імя княжыч атрымаў у гонар Брачыслава Ізяславіча Полацкага. Так у сям'і кіеўскага ўладара адгукнуўся факт княжання Святаполка Ізяславіча ў Полацку ў 1069–1071 гг. Між іншым, наданне імя Брачыслаў сыну Святаполка сведчыць пра тое, што яго цэзка пакінуў па сабе добрую славу ў сваёй роднай зямлі. Але не толькі. Відавочна, што Брачыслава Полацкага памяталі і шанавалі таксама ў княскім асяроддзі.

Бржэціслаў I вядомы ў гісторыі як спрытны дзяржаўны дзеяч, рашучы і смелы палкаводзец. Скарыстаўшы зручную сітуацыю (разлад, які пачаўся ў Польшчы ў 1034 г., пасля смерці караля Мешкі II), ён здзейсніў у 1038–1039 гг. напад на польскія землі, захапіў і разрабаваў Кракаў,

Познань і сталіцу першага польскага арцыбіскупства – Гнезна. Грандыёзны паход чэшскага князя пакінуў глыбокі след у тагачаснай і пазнейшай храністыцы. Пра яго падрабязна распавядае Казьма Пражскі [4, с. 101–110], згадвае Гал Анонім [2, с. 51] і іншыя крыніцы. На падставе іх матэрыялаў мы можам зрабіць выснову, што свой паход на Польшчу Бржэціслаў правёў з вялікім размахам. Князь перасяліў у Чэхію насельніцтва цэлых гарадоў – напрыклад, града Гедзеч і яго ваколіц. Захапіўшы Гнезна, яго ваяры разрабавалі не толькі сам горад, але і галоўную яго святыню – кафедральны сабор. Чэхі вывезлі з Польшчы незлічоныя скарбы, у тым ліку вялізныя званы, якія знялі з гэтага храма. Яны таксама вывелі з Гнезна вялікі палон, куды трапілі, у ліку іншых, знаць і святары. Казьма Пражскі, які апісаў трыумф Бржэціслава, заклікаў праслаўляць гэту перамогу чэхаў і той дзень, калі яны са сваімі трафеямі вярнуліся ў Прагу.

Пры гэтым храністы сцвярджаюць, што адной з мэтай выправы Бржэціслава на Гнезна (ці нават яе галоўнай мэтай) было здабыццё мошчаў другога пражскага біскупа, св. Адальберта (Войцеха), і іх вяртанне ў Прагу. Адальберт быў забіты язычнікамі-прусамі ў час сваёй прапаведніцкай місіі ў 997 г., а праз два гады кананізаваны. Яго цела было пахавана ў Гнезне. Каб дастаць мошчы св. Адальберта, ваяры Бржэціслава нават разбурылі алтар кафедральнага сабора, што было самым сапраўдным святакрадствам. Пасля складаных перагавораў, якія гнезненскі арцыбіскуп Сэвэр правёў з чэшскім князем і яго падданымі, ён пагадзіўся аддаць святыню. 1 верасня 1039 г. яна была ўрачыста прывезена ў Прагу.

Як вядома, у 1066 г. полацкі князь Усяслаў Брачыславіч (1044–1101) здзейсніў такі ж грандыёзны паход на Ноўгарад. Крыніцы данеслі да нас некалькі кароткіх, але даволі інфарматыўных яго апісанняў. Вось, напрыклад, што паведамляе пра яго Наўгародскі першы летапіс:

«Прыде Всеславъ и възя Новгородъ, съ женами и съ детми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше беда въ час тыи; и понекадила съима» [5, с. 17].

Іншы наўгародскі летапісец паўтарае яго, а таксама ўдакладняе, што Усяслаў:

«зя Новгородъ до Неревьскаго конца и пожже; и имавъ все оу святеи Софеи, и паникадила, и колоколы...» [6, с. 123].

Нарэшыце, Іпацеўскі летапіс дадае, што полацкі князь:

«ходиль ... на Новъгородъ и взяль ерусалимъ церковныи, и сосоуды слоужебныи, и погостъ одинъ завель за Полтескъ...» [3, стб. 608].

Царкоўны «ерусалім», які згаданы ў апошняй цытаце, – гэта прадмет царкоўнага начыння, які ўяўляў сабой, часцей за ўсё, невялікую мадэль храма і выкарыстоўваўся як рэлікварый, літургічны посуд ці даразахавальніца [11, с. 53–54].

Як відаць, выправы Бржэціслава і Усяслава маюць проста неверагоднае падабенства. Супадаюць нават дэталі – напрыклад, вываз званой, якія былі зняты з кафедральных сабораў. Практычна аднолькавымі былі і мадэлі паводзінаў абодвух уладароў. Сярод іншага, рабаўнічыя дзеянні князёў ў адносінах да храмаў яскрава сведчаць пра тое, што і Бржэціслаў, і Усяслаў трактавалі святыні чужых, варожых зямель як свае ваенныя трафеі. Адзначым, што такое стаўленне не было рэдкасцю для манархаў і ваенных правадыроў, якія толькі нядаўна далучыліся да хрысціянскай веры. Галоўным для іх было тое, што гэта варожае і чужое, а не тое, што гэта хрысціянскае. Хрысціянскае, якое знаходзіцца ў варожай зямлі, – таксама варожае. Але, канешне, нельга лічыць такія паводзіны накіраванымі супраць хрысціянства як такога. Напрыклад, Бржэціслаў прыйшоў да Гнезна ў тым ліку для таго, каб атрымаць мошчы святога Войцеха. Але тут неабходна яшчэ раз падкрэсліць адну важную дэталі: «свайго» святога. І ён прыйшоў, каб вярнуць «свае» мошчы. Увогуле ж, на працягу жыцця Бржэціслаў неаднаразова дэманстраваў вельмі спецыфічныя адносіны да царкоўных аб'ектаў – у прыватнасці, сваю будучую жонку ён выкраў з аднаго баварскага манастыра.

У Чэхіі ў XI ст. буйным цэнтрам хрысціянскага культу славянскай накіраванасці быў Сазаўскі манастыр. Ён быў заснаваны ў 1033 г. на паўночны ўсход ад Прагі і атрымаў шчодрыя зямельныя наданні ад князя Ольдржыха, бацькі Бржэціслава. У 1095 г. у гэты манастыр былі перанесены часціцы мошчаў рускіх святых князёў Глеба і Барыса. З аднаго боку, гэты факт выглядае нечакана: манастыр быў каталіцкім (бenedыктынскім), а Русь і Чэхію падзяляла немалая адлегласць. Але, з іншага боку, факты выразна гавораць пра тое, што гэта адлегласць не была пераадавольнай і паміж краінамі існавалі даволі шчыльныя сувязі. А. І. Рогаў, які звярнуў увагу на перадачу мошчаў рускіх князёў у Сазаўскі манастыр, прапанаваў у далейшым заняцца высвятленнем пытання, з якога рускага горада яны маглі туды трапіць? Ён звярнуў

таксама ўвагу на тое, што ў паведамленні хронікі Сазаўскага манастыра найшоў сваё адлюстраванне не барысаглебаўскі, а глебаварысаўскі культ. Менавіта такая чарговасць імёнаў замацавалася ў назве гэтага культу ў некаторых гарадах Русі – напрыклад, у Смаленску і Чарнігаве [13, с. 14]. Цалкам магчыма, што як раз яна і была першапачатковай, самай старажытнай.

Мы, на жаль, не можам дакладна сказаць, які культ – глебаварысаўскі ці барысаглебаўскі – існаваў у Полацку. Але затое выдатна вядома, што культ святых князёў-Уладзіміравічаў быў вельмі папулярны ў Полацку, дзе славыты мясцовы ўладар Усяслаў Брачыславіч даў іх імёны двум сваім сынам, а недалёка ад горада, на рэчцы Бельчыцы быў заснаваны Барысаглебскі манастыр. Выявы святых Барыса і Глеба займаюць важнае месца ў іканаграфічнай праграме фрэскавых роспісаў Спаса-Праабражэнскай царквы аднайменнага полацкага жаночага манастыра. Вядома, Полацк з’яўляецца тут не адзіным кандыдатам – але і далёка не апошнім. Тым болей, што шэраг фактаў дазваляе казаць пра тое, што полацкая княская дынастыя на працягу доўгага часу магла захоўваць памяць пра сваё чэшскае сваяцтва.

Жыццё Еўфрасінні Полацкай паведамляе, што брата прападобнай і, адпаведна, аднаго з унукаў Усяслава Брачыславіча звалі Вячаславам. Сярод роспісаў Спаса-Праабражэнскай царквы Спасакага манастыра, які быў заснаваны Еўфрасінняй, мы знаходзім фрэску, на якой прадстаўлены св. Вячаслаў [9, с. 65–67; 10, с. 200, 268, 487]. Наўрадці можна сумнявацца ў тым, што на ёй паказаны нябесны заступнік полацкага княжыча. Калі ж уважлівей прыгледзецца да гэтай княска-царкоўнай сувязі, высвятляецца наступнае.

Вячаславам (альбо Вечаславам) на Русі называлі чэшскага князя-мучаніка Вацлава – аднаго з першых тамтэйшых хрысціянскіх князёў. Вацлаў кіраваў Чэхіяй з 924 г. і быў забіты сваім родным братам Баляславам у 929 ці 935 г. У вельмі хуткім часе адбылася яго кананізацыя. Добра вядома, што культ св. Вацлава вельмі рана (ужо з XI ст.) пачаў распаўсюджвацца ў Старажытнай Русі і хутка набыў там вялікую папулярнасць. Ён глыбока ўкараніўся ў мясцовай пісьмовай традыцыі, дзе найшоў сваё адлюстраванне ў цэлым шэрагу твораў [8, с. 377–378, 609–610; 13, с. 20–22, 26, 28–30, 34–39, 59–64, 59–64, 69–86, 106–108, 111–112, 115–116, 118–122]. Яскравым сведчаннем гэтаму служаць і спаскія фрэскі. Яны датуюцца другой ці трэцяй чвэрцю XII ст., і змешчаны тут малюнак св. Вячаслава з’яўляецца самай ранняй вядомай на сённяшні дзень выявай гэтага мучаніка на Русі.

У выніку, наданне члену полацкай княскай сям’і імя Вячаслаў магло быць звязана як з яе родавай памяццю, так і з пашыраным на Русі культам аднайменнага святога. Цяжка вырашыць, як было на самой справе. Такім чынам, можна сцвярджаць, што нейкія сувязі паміж полацкай дынастыяй і Чэхіяй існавалі і ў XII ст. Незразумела толькі, якімі па характары былі гэтыя сувязі: прамымі, заснаванымі на сваяцтве, ці апасродкаванымі, сакральнымі?

Сувязі беларускіх зямель з Чэхіяй можна прасачыць і ў іншых галінах – напрыклад, у сферы інтэлектуальнага жыцця і ўяўленняў. Тут мы таксама сутыкаемся з шэрагам асоб, якія мелі тое ці іншае дачыненне да гэтых працэсаў.

Сярод гэтых асоб вылучаецца постаць гнезненскага арцыбіскупа Гаўдэнцыя, які быў братам ужо вядомага нам пражскага біскупа Войцеха. Гаўдэнцый займаў вялікапольскую кафедру з 999 г. і да сваёй смерці, якую звычайна змяшчаюць у прамежку 1006–1018 гг. Пра дзейнасць гэтага першага польскага арцыбіскупа захавалася дужа мала звестак, але ўжо на працягу бліжэйшага стагоддзя пасля смерці яго сталі шанаваць як святога.

Адальберт-Войцех і Гаўдэнцый былі з паходжання чэхамі і належалі да знакамітага княскага рода Слаўнікавічаў. Аднак, у адрозненні ад брата, Гаўдэнцый звязаў свой лёс з Польшчай. У сувязі ж з айчынай гісторыяй, уяўляе цікавасць яго славянскае імя – Радзім [4, с. 79, 145, 146]. Відаць, імя Радзім у X–XI стст. было досыць папулярным у Чэхіі. Напрыклад, Казьма Пражскі называе нейкага Радзіма сярод чэхаў, якія загінулі ў бітве з аўстрыйцамі 12 мая 1082 г. [4, с. 148]. У пазнейшы час гэта імя таксама было пашырана амаль што выключна ў Чэхіі і Маравіі [15, с. 162].

Канешне, у сувязі з гэтымі фактамі адразу прыходзіць на памяць легенда пра Радзіма, родапачынальніка радзімічаў, і пра іх паходжанне «от рода ляхов» [7, с. 14, 59]. Стаўшы гнезненскім арцыбіскупам, Гаўдэнцый-Радзім атрымаў шырокую царкоўную ўладу. Сярод іншага, у яго падпарадкаванні знаходзіліся біскупы кракаўскі, вроцлаўскі і калабжэскі. Пры гэтым калабжэскі біскуп Рэйнберн – дастаткова вядомая ў гісторыі беларускіх зямель постаць. Ён прыехаў на Русь разам з польскай князёўнай, дачкой Баляслава Храбрага, якая выйшла замуж за тураўскага князя Святаполка. Лёс Рэйнберна склаўся трагічна, ён памёр у турме, куды быў кінуты разам са Святаполкам і яго жонкай па падазрэнні ў змове супраць вялікага князя кіеўскага Уладзіміра [16, с. 162–163]. Тым не менш, ён, відаць, паспеў праявіць сябе не толь-

кі ў гэтым. Падаецца вельмі верагодным тое, што менавіта Рэйнберн прынёс на Русь звестку пра існаванне арцыбіскупа Гаўдэнцыя, які быў таксама вядомы пад сваім славянскім імем – Радзім. А адсюль заставаўся ўсяго адзін крок да той думкі, што радзімічы паходзяць з Польшчы. Па ўсёй верагоднасці, Рэйнберн меў кантакты з людзьмі, якія вялі нейкія летапісныя запісы альбо проста цікавіліся гісторыяй, збіраючы адпаведную інфармацыю. Менавіта інфармацыя пра гнезненскага арцыбіскупа, які насіў імя Радзім, і магла стаць грунтам для легенды пра польскае паходжанне радзімічаў. Адзначым таксама, што спецыялісты амаль што адзінагалосна прызнаюць першую палову XI ст. часам складання так званага Пачатковага звода старажытнарускага летапісання. Разыходжанні ёсць толькі ў больш дакладных гадавых датах.

На заканчэнне разгледжанага сюжэта варта дадаць, што сучасная гістарычная навука, грунтуючыся ў першую чаргу на дадзеных археалогіі і лінгвістыкі, упэўнена адмаўляе якую-небудзь сувязь радзімічаў з Польшчай. Помнікі матэрыяльнай культуры і тапаніміка, найбольш блізкія да радзіміцкіх, выяўлены ў Прыднястроўі, дзе яны ахопліваюць паўночна-заходні раён роменскай археалагічнай культуры [1, с. 65].

Пра кантакты беларускіх і заходнеславянскіх зямель сведчаць таксама іншыя артэфакты. Так, напрыклад, на курганным могільніку каля вёскі Азярцо пад Мінскам былі выяўлены заходнеславянскія рэчы, якія датуюцца сярэдзінай X – першай паловай XI ст. Праўда, такія знаходкі на сённяшні дзень прызнаюцца вельмі рэдкімі [14, с. 228–229]. Сапраўды, яны нешматлікія і, як правіла, адзінкавыя. Але ёсць і іншыя прыклады. Гэта, у прыватнасці, грашова-рэчавы скарб сярэдзіны XI ст., які быў знойдзены каля вёскі Дзягцяны Капільскага раёна Мінскай вобласці. Каля 40% яго чаканкі складаюць чэшскія і мараўскія манеты, а сярод іх абсалютная большасць (115 з 123 адзінак) – гэта дынарыі Бржэціслава I [12, с. 147, 148, 170–173]. Недзе ў чэшскіх і, магчыма, суседніх польскіх землях былі выраблены і ўпрыгожаны, якія складалі рэчавую частку дзягцянскага скарба [12, с. 156–157].

Сказанае вышэй дазваляе сцвярджаць, што ў X–XII стст. сувязі паміж беларускімі і чэшскімі землямі існавалі адразу ў некалькіх важных сферах, такіх як гісторыя кіраўнічых дынастый, царкоўнае жыццё, свет уяўленняў, гаспадарчы абмен. Калі ўлічыць геаграфічную адлегласць паміж краінамі і абмежаваную базу нашых крыніц па праблеме, гэта не так ужо і мала. Усходнія і заходнія славянскія народы пайшлі кожны сваім гістарычным шляхам, але кантакты паміж імі не спыняліся. Апрача таго, яны здолелі захаваць памяць пра сваё супольнае паход-

жанне, у чым асабліва важную ролю адыгралі гістарычныя наратывы (летапісы), роднасныя мовы і рэлігійныя культуры – ці, прынамсі, пэўныя іх элементы. Нават калі на змену колішняму славянскаму язычніцтву прыйшло хрысціянства, у сістэме гэтай новай веры знайшлі сваё месца супольныя для ўсходніх і заходніх славян рысы – у прыватнасці, выкарыстанне ў набажэнстве царкоўнаславянскай мовы і шанаванне тых самых святых.

Спіс літаратуры

1. Археалогія Беларусі: у 4 т. / рэдкал.: М. В. Біч (старшыня) [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 1997–2001. – Т. 3: Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) / Я. Г. Звяруга [і інш.]. – 2000. – 554 с.
2. Галл Аноним. Хроника и деяния князей, или правителей, польских / предисл., перевод и примеч. Л. М. Поповой. – М.: АН СССР, 1961. – 171 с.
3. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – Т. 2. – 2-е изд. / Имп. Археографическая комиссия; подг. к изд. А. А. Шахматов. – СПб., 1908. – XVI с., 938 стб., 87 с., IV с.
4. Козьма Пражский. Чешская хроника / вступ. статья, перевод и коммент. Г. Э. Санчука. – М.: АН СССР, 1962. – 296 с.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / подг. к изд. и ред. А. Н. Насонов. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 642 с.
6. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. – Т. 4. – 2-е изд. – Ч. 1. – Вып. 1 / Имп. Археографическая комиссия; подг. к изд. и ред. Ф. И. Покровский, под смотр. А. А. Шахматова. – Петроград, 1915. – С. 1–320.
7. Повесть временных лет: в 2 ч. / подг. к изд. Д. С. Лихачев [и др.], ред. В. П. Адрианова-Перетц. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – Ч. 1: Текст и перевод / Д. С. Лихачев, Б. А. Романов. – 1950. – 405 с.
8. Рэлігійнае пісьменства кірылічнай традыцыі XI–XV стст. / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАНБ; уклад., прадм. і камент. Л. В. Ляўшун; рэд. А. У. Бразгуноў. – Мінск: Беларуская навука, 2013. – 719 с.
9. Сарабьянов, В. Д. Изображение Вячеслава князя Чешского и патрональная программа в росписях Спасской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке / В. Д. Сарабьянов // История и археология Полоцка и Полоцкой земли: материалы VI междунар. науч. конф., Полоцк, 1–3 ноября 2012 г.: в 2 ч. / Нац. Полоцкий ист.-культ. муз.-запов.; сост. Т. В. Явич. – Полоцк, 2013. – Ч. 2. – С. 65–78.
10. Сарабьянов, В. Д. Спасская церковь Евфросиниевского монастыря в Полоцке / В. Д. Сарабьянов. – 3-е изд., доп. и перераб. – Полоцк: Спасо-Евфросиниевский женский монастырь, 2016. – 516 с.
11. Сарабьянов, В. Д. Храм-реликварий преподобной Евфросинии Полоцкой. К реконструкции первоначального замысла Спасской церкви Евфросиньева монастыря / В. Д. Сарабьянов // История и археология Полоцка и Полоцкой

земли: материалы VI междунар. науч. конф., Полоцк, 1–3 ноября 2012 г.: в 2 ч. / Нац. Полоцкий ист.-култ. муз.-запов.; сост. Т. В. Явич. – Полоцк, 2013. – Ч. 2. – С. 48–64.

12. Сидорович, В. М. Дегтянский клад середины XI века: состав и контекст / В. М. Сидорович, С. С. Рябцева, Н. А. Плавинский // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. – 2015. – № 6. – С. 143–180.

13. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности / сост. А. И. Рогов. – М.: Наука, 1970. – 127 с.

14. Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: в 2 кн. / О. Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белевец. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Кн. 2. – Минск: Беларуская навука, 2019. – 490 с.

15. Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке / сост. М. Я. Морошкин. – СПб: Типогр. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1867. – 108 (исследование) + 213 (словарь) с.

16. Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 книгах / перевод с лат. И. В. Дьяконова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русская панорама, 2009. – 256 с.

17. *Cosmas Pragensis. Chronica Boemorum* // *Scriptores Rerum Germanicarum*. – Nova Series. – Т. 2 / *Societas Aperiendis Fontibus Rerum Germanicarum Medii Aevi*; ed. B. Bretholz. – Berolini, 1923. – P. 1–241.

Іл. 1. *Помнік князю Ізяславу Уладзіміравічу
(г. Заслаўе).*

Іл. 2. *Дынарыі чэшскага князя
Бржэціслава I з Дзягцянскага скарбу,
аверс (нумізматычны кабінет
гістфака БДУ).*

ТУРОВСКИЙ ПОСАДНИК ЖИРОСЛАВ ИВАНКОВИЧ. ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*

В основных работах по истории Туровской земли в X–XIII вв. главное внимание традиционно посвящается политической истории, деятельности представителей правящих княжеских династий, формировании территории княжества или вопросам, связанным с функционированием Туровской епархии [3; 4; 7; 9; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 23; см. также: 21]. В то же время, история конкретных людей не княжеского происхождения остается вне поля зрения историков. В лучшем случае они только вскользь упомянуты в исторических работах [см.: 3, с. 46; 4, с. 104; 7, с. 17; 9, с. 69; 15, с. 256]. Такая ситуация обусловлена как спецификой сохранившихся источников – отсутствием местных летописей, актовых, эпистолярных и эпиграфических материалов домонгольского периода – так и в целом слабой заинтересованностью историков просопографическими исследованиями русской средневековой элиты.

Казалось бы, такое состояние источников полностью исключает возможность проследить деятельность политических элит Туровской земли. Тем не менее, в распоряжении историков есть некоторые возможности для воссоздания биографий отдельных ее представителей. В настоящей статье я попытаюсь показать эти возможности на примере туровского посадника Жирослава Иванковича.

Данный представитель русской средневековой элиты встречается на страницах Ипатьевской летописи под личностным обозначением «Жирослав Ёванкович» и «Жирослав Иванкович» [6, стб. 330, 497], то есть древнерусский книжник указал не только его имя, но и отчество. Последнее будет иметь важное значение для исследования происхождения и родственных связей Жирослава.

Первое из обозначений является личным мужским именем. Это двухсоставное имя славянского происхождения, в основе которого находятся слово «жир» («жизнь», «пища», «достаток») и корень «слав» («слава») [28, с. 188; 31, с. 11; 33, с. 93; см. также: 5, с. 198]. Оно было известно на Руси уже в первой половине XI века. В 1078 г. в «Повести временных

* За научные консультации при подготовке статьи благодарю к.и.н. Степана Темушева (Белорусский государственный университет, Минск).

лет» упомянут воевода Всеволода Ярославича, Иван Жирославич [6, стб. 191; 10, с. 200]. Занимаемая им должность указывает, что Иван был уже в зрелом возрасте, не менее 25–30 лет. Это дает основания считать, что он появился на свет не позднее начала 50-х гг. XI века. В свою очередь, его отец родился не позднее конца 30-х гг. этого столетия. Соответственно, имя Жирослав в то время уже функционировало. К первой половине XII века оно получило достаточно широкое распространение в среде русской элиты [6, стб. 359, 389, 479, 505; 10, с. 323, 345, 391; 19, с. 34–35, 222–224, 472; 27, с. 150–151; 28, с. 188; 31, с. 236–237], а также широко использовалось в польских землях, где встречалось как в формах «Żyrosław/Żerosław» так и в версии «Sirośław/Sierosław» [30, s. 112; 32, s. 79–80; 34, s. 95; 35, s. 12].

Второе из указанных обозначений, вне всякого сомнения**, является отчеством. В летописной версии Жирослав назван патронимами «Еванкович» [6, стб. 330] и «Иванкович» [6, стб. 497]. Первая версия отчества боярина встречается в ранней историографии [3, с. 46; 4, с. 104] и в отдельных современных исследованиях [15, с. 256] Туровского княжества. В большинстве же новейших работ Жирослава принято называть Иванковичем [9, с. 69; 26, с. 140–141; см. также: 25]. Такой подход является более оправданным, поскольку имя Яван/Яванко не упоминается ни в одном из сохранившихся русских источников [см.: 27; 28; 31]. В то же время имя Иванко было широко распространено на Руси, в том числе в XII веке [6, стб. 257, 293, 332, 338, 544; 10, с. 281, 298, 531; 19, с. 23, 34–35, 57, 60, 64–66, 68–69, 76, 208, 222–223, 257, 262, 268–269, 271–472, 275–276, 288, 445, 472, 493].

Указание в летописи отчества Жирослава открывает определенные возможности для поиска его отца. В свое время Леонид Махновец высказал предположение, что им мог быть упомянутый выше боярин Иван Жирославич [11, именной указатель]. Такая интерпретация соблазнительна, но ей противоречит достаточно большой хронологический разрыв между известиями об Иване и Жирославе. Важно обратить внимание на то, что, упоминая Ивана Жирославича, летописец сообщает, что он «оубьень быѥ» [6, стб. 191; 10, с. 200; 22, с. 81]. Произошло это во время разгрома войск Всеволода Ярославича силами князей-изгоев

** Далеко не всегда личное обозначение, которое на первый взгляд кажется отчеством, является им на самом деле. Ярким примером здесь может быть звенигородский воевода Иван Халдеевич, в случае которого второе слово является скорее прозвищем, чем отчеством [16].

Олега Святославича и Бориса Вячеславича и союзных им половцев в битве на реке Сожице 25 августа 1078 г. Таким образом, если бы Иван действительно являлся отцом Жирослава, то последний должен был родиться не позднее начала весны 1079 г. Соответственно, в 1146 г. ему было бы не менее 67 лет, а во время последнего достоверного упоминания Жирослава в 1158 г. – не менее 79 лет. Возраст, без преувеличения, очень почтительный для исполнения функций княжеского урядника.

Мне кажется, можно предложить другое решение этой проблемы. Под 1128 г. Ипатьевская, Лаврентьевская и Радзивилловская летописи упоминают Иванка, тысяцкого туровского князя Вячеслава Владимировича («Иванко Вячьслава») [6, ст. 292–293; 10, с. 298; 22, с. 106]. Хотя Иванко прямо не назван туровским тысяцким, но его пребывание на службе у Вячеслава позволяет связывать его именно с этим городом. Учитывая небольшой хронологический разрыв между появлением на страницах летописей Иванка и Жирослава (18 лет), а также пребывание обоих на службе у одного и того же князя и связь обоих с Туровской землей, можно с достаточно большой долей вероятности предположить, что именно туровский тысяцкий Иванко был отцом Жирослава.

Если предложенная догадка верна, то корни Жирослава Иванковича нужно искать в Туровской земле. Представляется вполне логичным, что сын Владимира Мономаха, оказавшись в 1127 г. на туровском троне и желая заручиться поддержкой местной знати, назначил на должность тысяцкого представителя местной элиты, Иванка. Логично также предположить, что и Жирослав начинал свою карьеру именно в Турове, при дворе Вячеслава, где к середине 40-х гг. XII века стал одним из наиболее влиятельных княжеских урядников.

Еще глубже проследить корни Жирослава, ввиду отсутствия информации об отчестве его предполагаемого отца или каких-либо других данных, проливающих свет на происхождение Иванка, практически невозможно.

Жирослав Иванкович впервые упоминается на страницах Ипатьевской летописи под 6654 (1146) г., при описании похода киевских и смоленских войск, во главе с Ростиславом Мстиславичем и Святославом Всеволодовичем, против туровского князя Вячеслава Владимировича: «Изаславъ же се слышавъ . посла брагъ своего Ростислава . и Всеволодича Стослава . на стрѣѣ своего Вячьслава . и ꙗѣ ѿ него Тоуровъ . и епспа Тоуровьского Акима . и посадника . его Жирослава . Аѣванковича . и посади сна своего . рслава [Ярослава. – В.Н.] в Тоуровѣ» [6, стб. 330]. Лаврентьевская и Радзивилловская летописи также сообщают об этом

события, но ограничиваются только общим упоминанием о том, что Ростислав «посадникы исковавъ» [10, с. 314; 22, с. 113], умалчивая имена этих посадников.

Этот поход имел место осенью 1146 г. [1, с. 146–147]. Он достаточно хорошо описан в исторической литературе [3, с. 46; 4, с. 103–104; 7, с. 17; 9, с. 69; 15, с. 256; 26, с. 140] и нет необходимости более детально останавливаться на нем. Отмечу только факт, имеющий важное значение для изучения биографии Жирослава, – летопись указывает должность, которую он занимал. По состоянию на осень 1146 г. Иванкович являлся посадником Вячеслава Владимировича в Турове.

Определить хотя бы приблизительное время, когда Жирослав стал туровским посадником, очень непросто. Поиск ответа на этот вопрос усложняет то, что источники не сохранили никаких данных ни о его предшественниках, ни даже о том, когда эта должность могла быть учреждена. Можно только предположить, что назначение Жирослава произошло во время правления Вячеслава. В то же время, открытым остается вопрос, имело ли это событие место во время его первого (перед 1127 – зима 1132/33 гг.), второго (1134–1142 гг.) или третьего (1143–1146 гг.) правления в Турове. В целом, возможные хронологические рамки появления Жирослава на должности посадника достаточно широки и могут охватывать период с конца 20-х до середины 40-х гг. XII века. Одно соображение, как кажется, может дать основания для осторожного предположения, что назначение Жирослава имело место задолго до событий 1146 г. Согласно летописи, киевский князь распорядился не только изгнать Вячеслава из Турова, но и схватить наиболее влиятельных представителей местной элиты – епископа Акима и посадника Жирослава. Стать таким значимым лицом в Турове Жирослав мог как раз благодаря длительному пребыванию на важной должности посадника. И именно политическим влиянием и значимостью Жирослава (и его рода) можно попытаться объяснить факт упоминания посадника в летописи наряду с князем и епископом.

Исследователи также обращают внимание на то, что Жирослав исполнял свои обязанности при князе Вячеславе, и что другие примеры совместного правления в одном городе и князя, и посадника в источниках не встречаются. Петр Толочко предположил даже, что «Жирослав Иванкович был посадником Вячеслава в побужской волости, отобранной у Святослава Всеволодовича» [26, с. 140]. Последнее предположение маловероятно. Летописец достаточно четко связывает и епископа Акима, и посадника Жирослава именно с Туровом. Да и о военных

действиях в Побужье в это время ничего не известно. Нельзя также согласиться с утверждением, что кроме Турова нигде больше не встречаются одновременные упоминания в одном городе и князя, и посадника – такие случаи, к примеру, достаточно типичны для Новгорода [см.: 29, с. 64–182].

Судьбу Жирослава после его пленения Ростиславом Мстиславичем проследить непросто. Ситуацию усложняет то, что в конце 40-х – 50-х гг. XII века в летописях одновременно упоминаются несколько человек с таким именем. Те известия, когда при имени дополнительно указано отчество – например, «Жирослав Васильевич» [6, стб. 497] или «Жирослав Нажирович» [6, стб. 505] – можно отбросить сразу, как не относящиеся к интересующей нас личности. Но в ряде случаев патронимы не указаны, поэтому идентифицировать этих Жирославов можно только по косвенным признакам.

В целом, летописи сообщают о трех таких случаях – под 6655/6656 (1147/1148, 1148/1149), 6657 (1149/1150), 6663 (1155/1156) годами.

В первом из них Жирослав упомянут осенью 1147 г. в контексте похода Глеба Юрьевича, сына суздальского князя Юрия Долгорукого, в Черниговскую землю на помощь Ольговичам: «Приде Глѣбъ Гюргевичъ . и-Суждала Чернигову . в помощь Сѡлговичемъ . и пребывъ оу нихъ нѣколько . приде на Городокъ . и слышавъ Изаславъ . посла и к нему зова к собѣ Къюеву . вн же вбѣщавъсѧ ити и не иде . и перестрапъ мало послушавъ Жирослава рекуща юму . поиди Переаславлю хотать тебе людье . вн же послушавъ его приде к Переаславлю вборзѣ свитающю днѣ...» [10, с. 391 (под 6656 г.); 6, стб. 359–360 (под 6655 г.); 22, с. 115 и прим. 3 к 6656 г. (под 6656 г.)]. Из летописного сообщения следует, что после прибытия в Черниговскую землю Глеб отправился в ее западную часть, где укрепился в Городце (современный город Остер Козелецкого района Черниговской области, Украина). Оттуда князь, следуя совету Жирослава, совершил поход на Переяславль. Известно, что поход этот окончился для Глеба неудачно. Князь вынужден был вернуться обратно в Городец, где вскоре был блокирован войсками Изяслава Мстиславича. Ввиду невозможности сопротивления Глеб пошел на заключение мира и согласился на альянс с киевским князем против своих бывших черниговских союзников [10, с. 391; 6, стб. 359–360; 22, с. 115].

Информация о Жирославе и его роли в событиях 1147 г. очень лаконична, что делает очень сложной его идентификацию. Можно только гадать, остался ли бывший туровский посадник урядником Вячеслава Владимировича или перешел на службу к другому князю. Если допу-

стить вторую возможность, и боярин все-таки сменил сюзерена, то он вполне мог быть тем Жирославом, который советовал Глебу отправиться в Переяславль. Если же после изгнания из Турова в 1146 г. Жирослав последовал за Вячеславом в волынскую Пересопницу, то его появление в окружении Глеба Юрьевича маловероятно. Вячеслав в то время оказался под полным контролем Изяслава Мстиславича, и хотя летопись ничего не сообщает об его участии в событиях 1147 г., бывший туровский князь, скорее всего, поддержал не брата, а племянника [8, с. 112]. Или, по крайней мере, соблюдал нейтралитет. Поэтому маловероятно, чтобы Вячеслав отправил своего ближайшего соратника к Глебу, позиции которого, ввиду существенного военного преимущества Изяслава, были достаточно слабыми. Это очень усложнило бы и без того шаткое положение Вячеслава. В таком случае в тайных переговорах с переяславцами мог принимать участие совсем другой Жирослав – или воевода Юрия Владимировича, отправленный суздальским князем вместе с сыном на юг Руси [8, с. 151], или Жирослав Нажирович [6, стб. 505], сын Нажира, известного по «Уставу» Владимира Мономаха [19, с. 493; 20, с. 113; 27, с. 265] или Нажира Переяславца [6, стб. 518]. Ввиду отсутствия убедительных аргументов в пользу одной из перечисленных версий вопрос идентификации этого Жирослава нужно оставить открытым.

В следующий раз Жирослава можно встретить на страницах летописей в феврале 1150 г. [1, с. 61, 149] при описании похода нового киевского князя Юрия Владимировича на Луцк против Изяслава Мстиславича. Участие в этой кампании приняли сыновья Юрия, Ростислав и Андрей, а также его брат, пересопницкий князь Вячеслав. Наряду с князьями летописец упоминает и половцев «съ своею воеводою Жирославомъ», которые вначале стали лагерем у городка Муравица, но достаточно быстро «всим бѣжати . назадъ» [6, стб. 389; 10, с. 323]. Далее следует рассказ о военных действиях в окрестностях Луцка, шестинедельной осаде города, заключении мира в Пересопнице и возвращении сторон на исходные позиции. Сам же Жирослав в этой летописной статье более не упоминается [6, стб. 389–393; 10, с. 323–326].

Как и в предыдущем случае, информация о Жирославе очень краткая. Известно только, что он находился в стане Юрия и его союзников, и что ему было поручено командовать отрядом союзных (наемников?) половцев. Последний факт указывает на то, что он обладал военным и управленческим опытом. Учитывая, что активное участие в походе принимал и князь Вячеслав, идентификация Жирослава с бывшим туровским посадником достаточно правдоподобна. Служил ли он дальше Вячеславу

или был уже урядником Юрия – ответить на этот вопрос сложно ввиду состояния источников. Но учитывая то, что несколько лет спустя Жирослав находился рядом с «Вачеславлѣ внукуы» [6, стб. 479; 10, с. 345], можно предположить, что он все же остался верен Вячеславу и его потомкам.

Еще один раз Жирослав упомянут как участник похода на Пересопницу и Луцк, организованного Юрием Владимировичем против Мстислава и Ярослава Изяславичей весной 1155 г. [1, с. 64, 157] Войска Юрия возглавляли пинский князь Юрий Ярославич и воевода Жирослав: «Тогожъ лѣтъ посла Гюргю Гюргѣ Ярославича с Жирославомъ . и с Вачеславлѣ внукуы . на Мстислава на Изяславича . и выгнаша . и ис Пересопницѣ в Луческъ . тогда же Гюрги повелѣ затю своему Ярославу ити на нь к Лучьску» [10, с. 345; 6, стб. 479]. Поход этот окончился безрезультатно, и войска Юрия вернулись в Киев.

Жирослав выступает здесь в качестве воеводы киевского князя Юрия Владимировича. Но обращает на себя внимание, что он действовал совместно с «Вачеславлѣ внукуы», т.е. с представителями рода Вячеслава Владимировича. Считаю вероятным, что в данном случае летописец имел в виду как раз бывшего туровского посадника. Очевидно, что после смерти Вячеслава в конце 1154 г. Жирослав Иванкович перешел на службу к киевскому князю, но поддерживал какую-то связь и с внуками своего предыдущего сюзерена.

Последнее достоверное известие о Жирославе Иванковиче относится к летописному 6667 (1159/1160) г. (правильная дата: 1158/1159 г. [1, с. 170–171]). С твердой уверенностью можно говорить, что в это время Жирослав пребывал на службе у черниговского князя Святослава Ольговича. В 1158 г. он исполнял функцию посла Святослава к киевскому князю Изяславу Давидовичу [6, стб. 497]. Дело касалось достаточно щепетильного вопроса: галицкий князь Ярослав Владимирович требовал от Изяслава выдачи пребывающего при дворе последнего бывшего звенигородского князя и своего личного врага Ивана Ростиславича (Берладника). Для реализации этой цели Ярослав заручился поддержкой наиболее влиятельных князей Южной Руси – черниговского Святослава Ольговича, смоленского Ростислава Мстиславича, владимирского Мстислава Изяславича, луцкого Ярослава Изяславича, пересопницкого Владимира Андреевича, новгород-северского Святослава Всеволодича, а также венгерского короля Гезы II и польских князей. Несмотря на все усилия коалиции, Изяслав Давидович отказался выдать Ивана Ростиславича галицкому князю [см.: 2, с. 194], и все послы, в том числе и Жирослав, возвратились к своим князьям ни с чем.

Очень осторожно и только гипотетически можно предположить, что с черниговским периодом деятельности Жирослава Иванковича может быть связано граффито № 6 Успенского собора в Чернигове, в котором прослеживаются буквы «Ж» и «РА» (Жирослава?). Надпись датируется второй половиной XII – первой половиной XIII века [21, с. 49] и хронологически соответствует времени пребывания Жирослава в Чернигове.

Неизвестно, до какого времени Жирослав находился при дворе Святослава Ольговича. П. Толочко предполагал, что на этом его политическая карьера не закончилась, и в 1171–1175 (с перерывами) гг. он посадничал в Новгороде [26, с. 141]. В 1170–1171, 1171–1172 и 1175 гг. новгородским посадником действительно был человек с таким именем. Но это был местный боярин, не имевший никакого отношения к Жирославу Иванковичу [29, с. 147–151]. Таким образом, последним достоверным упоминанием бывшего туровского посадника является известие о его посольстве в Киев в 1158 г. О дальнейшей судьбе Жирослава Иванковича источники умалчивают.

Нельзя ничего сказать о земельных владениях Жирослава. Без сомнения, в период его посадничества в Турове он должен был владеть какими-то землями в Туровской земле. Сохранил ли он их после пленения в 1146 г. и получил ли другие владения от Вячеслава Владимировича, Юрия Владимировича или Святослава Ольговича? Ответить на эти вопросы, при современном состоянии источников, не представляется возможным.

Источники не сохранили данных и о родственных связях Жирослава Иванковича. Сергей Соловьев считал, что сыном туровского посадника мог быть суздальский воевода Борис Жидиславич, участвовавший во взятии Киева в 1169 г. По мнению российского историка здесь произошла «перемена его отчества Жидиславич на Жирославич» [24, с. 527]. Механизмы и причины такой перемены российский историк не объяснил. Он также выпустил из поля зрения тот факт, что на Руси было известно не только имя Жирослав, но и Жидислав. Последнее хоть и было мало популярным, но все-таки являлось отдельным именем [27, с. 149; 31, с. 12, 16, 21] и встречалось как раз во Владимиро-Суздальской земле [10, с. 473]. Таким образом, нет серьезных оснований считать, что в данном случае произошла подмена отчества Бориса, и связывать последнее с родом Жирослава Иванковича.

Можно попытаться воссоздать родственные связи туровского посадника на основании косвенных данных – отчества Жирославич, встречающегося у представителей русской элиты середины и второй половины XII века. Таких случаев всего три. В 6654 (1146/1147) г. в Ипатьевской

летописи упомянут Дмитрий Жирославич, дружинник Мстислава Изяславича, погибший при осаде Новгорода-Северского [6, стб. 331]. Пребывание Дмитрия на службе в Мстислава в то время, когда по приказу отца последнего, Изяслава Мстиславича, был схвачен Жирослав Иванкович, фактически полностью исключает возможную родственную связь между дружинником и туровским посадником. Более вероятным представляется, что Дмитрий был сыном волынского боярина Жирослава Васильевича, служившего волынским Мстиславичам и известного по событиям 1158 г. [6, стб. 497]. В 6679 (1171/1172) г. русский книжник зафиксировал Сбыслава Жирославича, также служившего Мстиславу Изяславичу [6, стб. 544]. Его, по тем же причинам, что и Дмитрия, также можно связывать с Жирославом Васильевичем, что уже допускал С. Соловьев [24, с. 526]. На еще одного Жирославича летописец указал в статьях 6688 (1180/1181) и 6691 (1183/1184) гг. Это Сдеслав Жирославич из окружения трепольского князя Мстислава Владимировича [6, стб. 621, 677]. Но он, как справедливо отметил П. Толочко, скорее всего был сыном киевского воеводы Жирослава Нажировича [26, с. 129]. Информации о других Жирославичах летописи не сохранили, что делает безрезультативными попытки выявить потомков туровского посадника.

В завершение необходимо сказать несколько слов о возможном времени рождения и смерти Жирослава Иванковича. Принимая во внимание, что в 1146 г. он занимал должность туровского посадника, надо думать, что он был уже в зрелом возрасте и обладал нужным управленческим опытом. Предположу, что Жирослав родился не позднее конца второго десятилетия XII века, а умер после 1158 г.

Подводя итоги, хочу отметить, что подтвержденный источниками период деятельности Жирослава Иванковича охватывает 1146–1158 гг. Можно предположить, что он родился не позднее конца 1110-х гг., происходил из Туровской земли и был сыном тысяцкого Иванка. Свою карьеру он начинал в Турове, при дворе князя Вячеслава Владимировича, где достаточно быстро дослужился до посадника и к середине 40-х гг. XII в. стал одним из наиболее влиятельных лиц в княжестве. После пленения Ростиславом Мстиславичем в 1146 г. и до конца 50-х гг. судьба Жирослава прослеживается слабо. Не известно достоверно, вернулся ли он в Туров, последовал ли за Вячеславом в Пересопницу, а потом в Вышгород, или перешел на службу к Юрию Владимировичу. Возможно, что после изгнания из Турова он все же оставался в окружении Вячеслава до смерти последнего и только потом перешел на службу к киевскому князю Юрию Владимировичу. Но и после этого бывший посадник мог

сохранять связь с родом Вячеслава. Достоверно известно, что к 1158 г. Жирослав служил уже черниговскому князю Святославу Ольговичу, после чего источниками больше не упоминается. Весомых аргументов для его отождествления с новгородским посадником Жирославом нет. Ушел он из жизни после 1158 г.

Список литературы

1. Бережков, Н. Г. Хронология русского летописания / Н. Г. Бережков. – М., 1963.
2. Войтович, Л. В. Галицько-волинські етюди / Л. В. Войтович. – Біла Церква, 2011.
3. Грушевский, А. Пинское Полесье. – Т. 1: Очерк истории Турово-Пинского княжества IX–XIII вв. / А. Грушевский. – Киев, 1901.
4. Довнар-Запольский, М. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст. / М. Довнар-Запольский. – Киев, 1891.
5. Етимологічний словник української мови: В 7 т. / редкол. О. С. Мельничук (гол. ред.) та ін. – Т. 2: Д–Копці / укл.: Н. С. Родзевич та ін. – Київ, 1985.
6. Ипатьевская летопись // Полное Собрание Русских Летописей. – Т. 2 / изд. А. Шахматов. – СПб., 1908.
7. Іоў, А. Турава-Пінскае княства ў X–XII стст. / А. Іоў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 3. – С. 11–18.
8. Карпов, А. Юрий Долгорукий / А. Карпов. – М., 2006 (Серия: Жизнь замечательных людей. – Вып. 1178 (978)).
9. Кучкин, В. А. Туров и *Туровское княжество* в X–XIII вв. / В. А. Кучкин // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. – М., 2018. – С. 64–72.
10. Лаврентьевская летопись // Полное Собрание Русских Летописей. – Т. 1. – Л., 1926–1928.
11. Літопис руський / пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; відп. ред. О. В. Мишанич. – Київ, 1989.
12. Лысенко, П. Ф. Города Туровской земли / П. Ф. Лысенко. – Минск, 1974.
13. Лысенко, П. Ф. Древний Туров / П. Ф. Лысенко. – Минск, 2004.
14. Лысенко, П. Ф. К вопросу об учреждении Туровской епархии / П. Ф. Лысенко // Тураўшчына: мінулае, сучаснасць, будучыня: духоўна-асветніцкае выданне. – Вып. 7. – Тураў; Мінск, 2000. – С. 225–229.
15. Лысенко, П. Ф. Туровская земля, IX–XIII вв. / П. Ф. Лысенко. – Минск, 2001.
16. Лысенко, П. Ф. Туровское княжество (X–XIII вв.) / П. Ф. Лысенко // Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Т. 63. – 2018. – № 1. – С. 40–49.
17. Лысенко, П. Ф. Туровское княжество во время великого князя киевского Владимира Мономаха (1113–1125 гг.) / П. Ф. Лысенко // Весті Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Т. 64. – 2019. – № 4. – С. 418–431.

18. Нагірний, В. Звенигородський воєвода Іван Халдєєвич. Просопографічні замітки / В. Нагірний // Княжа доба. – Вип. 12. – Львів [в печаті].
19. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. – М., Л., 1950.
20. Памятники русского права. – Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XIII вв. / сост. А. А. Зимин. – М., 1952.
21. Подлевський, С. Графіті Чернігова у соціокультурному просторі X–XVII ст. / С. Подлевський. – Чернігів, 2018.
22. Радзивилловская летопись // Полное Собрание Русских Летописей. – Т. 38. – Л., 1989.
23. Сівко, А. Турівське князівство в X–XIII ст.: стан і перспективи історичних досліджень / А. Сівко // Студентські Історичні Зошити. – Вип. 10. – Івано-Франківськ, 2018. – С. 13–26.
24. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. В 15-ти книгах / С. М. Соловьев. – Кн. 1: Т. 1–2. – Москва, 1959.
25. Темушев, С. Н. Некоторые аспекты истории и географии Туровского княжества / С. Н. Темушев // Европейское пространство: границы власти и границы владений. Сборник статей в память В. Н. Темушева. – М. [в печати].
26. Толочко, П. П. Власть в Древней Руси. X–XIII вв. / П. П. Толочко. – СПб., 2011.
27. Тупи́ков, Н. М. Словарь древне-русских личных собственных имен / Н. М. Тупи́ков. – СПб., 1903.
28. Чучка, П. П. Слов'янські особові імена українців: історико-етимологічний словник / П. П. Чучка. – Ужгород, 2011.
29. Янин, В. Л. Новгородские посадники / В. Л. Янин. – М., 2003.
30. Malec, M. Budowa morfologiczna staropolskich złożonych imion osobowych / M. Malec. – Wrocław, Kraków, 1971.
31. Skulina, T. Staroruskie imiennictwo osobowe / T. Skulina. – Cz. 2. – Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1974.
32. Słownik staropolskich nazw osobowych / pod red. i ze wstępem W. Taszyckiego. – T. 5: Sabaszczewska–Starszy. – Wrocław, Warszawa, Kraków, 1977.
33. Svoboda, J. Staročeska osobní jména a naše přijímání / J. Svoboda. – Praha, 1964.
34. Taszycki, W. Najdawniejsze polskie imiona osobowe / W. Taszycki. – Kraków, 1925.
35. Taszycki, W. Najdawniejsze zabytki języka polskiego / W. Taszycki. – Kraków, 1951 (Серия: Biblioteka Narodowa. Seria I. – nr. 104).

**ПЕРШЫЯ ФАКТЫ (?)
ВЫКАРЫСТАННЯ ТЭЎТОНСКИМ ОРДЭНАМ
АГНЯСТРЭЛЬНОЙ ЗБРОІ СУПРАЦЬ
ВОЙСКАЎ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
(ПА МАТЭРЫЯЛАХ ХРОНІКІ МАЦЕЯ
СТРЫЙКОЎСКАГА)**

У гісторыі развіцця еўрапейскага ваеннага мастацтва, перыяд XVI–XVIII стст. стаў тым часам, калі т.з. «ваенная рэвалюцыя» ахапіла еўрапейскія арміі. Галоўным чынам гэтая рэвалюцыя ўключала ў сябе змены спосабу вядзення баявых дзеянняў і сістэм фартыфікацыі, павелічэнне ролі пяхоты і ўвогуле павелічэнне колькасці войск [26, s. 43]. У больш шырокім сэнсе, яна аказала моцны ўплыў на эканамічную, сацыяльную, палітычную і культурную сферы жыцця тагачасных дзяржаў. Канкрэтызуючы прычыны, можна адзначыць, што адбылося гэта за кошт павелічэння выдаткаў на ўтрыманне арміі, змянення адміністрацыйных прынцыпаў кіравання дзяржавай, прыцягнення ў войска большай колькасці людскіх рэсурсаў і іншых шматлікіх фактараў [28, s. 213, 218]. Разглядаючы прычынна-выніковы ланцужок усіх гэтых змен, можна канстатаваць, што ў самым яго пачатку стаяла ўсяго адна ваенная інавацыя яшчэ XIV ст., а менавіта – з’яўленне на еўрапейскіх палях бою агнястрэльнай зброі. Менавіта развіццё і распаўсюджанне гэтага віду ўзбраення на працягу XIV–XV стст., падрыхтавала тую базу, на якой і грунтаваліся наступныя ваенныя рэформы XVI–XVIII стст.

Нягледзячы на сваю інавацыйнасць, у XIV ст. агнястрэльная зброя так і не стала «панацэяй» для вырашэння тактычных і стратэгічных праблем тагачасных ваенных кампаній. Яе распаўсюджанне і ўкараненне ў еўрапейскіх арміях расцягнулася на дзесяцігоддзі. Дадзеная тэндэнцыя павольнага распаўсюджвання датычылася ў т.л. і рэгіёнаў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Напрыклад, ў Польскім каралеўстве пра дакладную фіксацыю выкарыстання гармат можна казаць толькі пад 1383 г. [31, s. 14], а ў Маскоўскім княстве на год раней – 1382 г. [4, с. 62]. Здавалася б адзіным выключэннем у гэтым плане магло быць памежжа Вялікага Княства Літоўскага з Тэўтонскім ордэнам. Менавіта

там, пастаянная ваенная напружанасць, шматлікія «госці» з Заходняй Еўропы (са сваім ваенным вопытам і тэхналогіямі) і запатрабаванасць у парушэнні склаўшагася парытэту сіл, стваралі спрыяльную глебу для ранейшага з'яўлення агнястрэльнай зброі і хутчэйшага яе ўкаранення ў войсках ў параўнанні з суседзямі. Падцверджаннем гэтай тэзы могуць быць звесткі змешчаныя ў праца Мацея Стрыйкоўскага «Хроніка польская, літоўская, жмудская і ўсёй Русі» (*Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi*), разгляду якіх і прысвечаны дадзены артыкул. Увогуле выглядае досыць сімвалічна непадробная зацікаўленасць гісторыка XVI ст. дадзеным пытаннем. Магчыма не да канца гэта ўсведамляючы, сучаснік «ваеннай рэвалюцыі» спрабаваў вызначыць на колькі глыбока сягаюць яе карані у яго рэгіёне. Аднак, нягледзячы на грунтоўнасць хронікі (пра што будзе ніжэй) логіка гістарычнага даследавання патрабуе пераправеркі змешчаных там фактаў ужыцця ручніц і гармат па трох асноўных накірунках: адкуль гэтую інфармацыю ўзяў сам М. Стрыйкоўскі, ці падцвярджаецца яе праўдзівасць іншымі крыніцамі і ці фіксуюць яны наяўнасць згаданага віду ўзбраення. Таксама варта адзначыць, што вывучэнне дадзенай тэмы датычыць не толькі гісторыі развіцця арміі крыжакоў. Самым непасрэдным чынам яно закранае і пытанне развіцця войска ВКЛ, як асноўнага праціўніка ордэнскіх войск. Вызначэнне часу з'яўлення агнястрэльнай зброі ў войску крыжакоў дае магчымасць меркаваць пра час знаёмства і верагодную крыніцу запазычання гэтага віда ўзбраення войскамі ВКЛ.

«Хроніка польская, літоўская, жмудская і ўсёй Русі»

Варта коратка ахарактарызаваць сам твор М. Стрыйкоўскага. Хроніка была напісаная ў перыяд 1575–1581 гг. і выдадзеная ў Круляўцы на польскай мове ў 1582 г. Яна ахоплівае падзеі ад самых старажытных («біблейскіх») часоў да 1581 г. [15, с. 28–29, 32]. Першае выданне складалася: з трох лацінамоўных прысвячэнняў прадстаўнікам тагачаснай эліты; рыфмаванай аўтабіяграфіі аўтара; тэкста каралеўскага прывілея; уводнай часткі з роздумамі аб карысці вывучэння гісторыі; уласна 25 кніг самой хронікі, падзеленных на раздзелы.

М. Стрыйкоўскі не быў звычайным кампільтарам ці містыфікатарам, як доўгі час лічылася ў гістарыяграфіі [17, с. 69]. Выконваючы «замову грамадства» на стварэнне сучаснай (у разуменні эпохі Адраджэння) гісторыі ВКЛ [21, с. 68], аўтар, на колькі гэта было магчыма, крытычна і досыць грунтоўна падыйшоў да працэсу даследавання. Гэта выяўляецца ў першую чаргу ў зборы і ацэнцы праўдзівасці

шырокага кола пісьмовых крыніц, наведванні мясцін дзе адбываліся гістарычныя падзеі, азнаямленнем з гістарычнымі артэфактамі і інш. Нават у спрэчных момантах ці ў выпадку ўласных інтэрпрэтацый, ён спрабаваў іх лагічна абгрунтаваць, такім чынам набліжаючысь да ісціны [29, s. 27, 57].

Прыкладам і крыніцай звестак для М. Стрыйкоўскага былі працы антычных (Геродота, Ціта Лівія, Клаўдзія Пталамея, Страбона), польскіх (Яна Длугаша, Мацьвея Мяхоўскага, Марціна Кромера, Бернарда Вапоўскага, Марціна Бельскага) і нямецкіх (Пятр з Дусбурга) гісторыкаў і храністаў. Менавіта на гэтых аўтараў М. Стрыйкоўскі часта спасылаетца на старонках сваёй працы [15, с. 35–36; 19, с. 82–83]. Апроч таго (а ў крыніцазнаўчым плане магчыма гэта найбольш істотна), М. Стрыйкоўскі выкарыстаў каля 15 летапісцаў рускіх, літоўкіх і жмудскіх, многія з якіх не дайшлі да нашага часу [15, с. 128–129].

Умоўна, згадкі агнястрэльнай зброі, змешчаныя ў хроніцы М. Стрыйкоўскага, можна падзяліць на дзве групы:

1. засведчаныя гістарычныя факты наяўнасці і выкарыстання гэтай зброі;
2. заўвагі і каментары самага аўтара, ў якіх яна так ці іначай фігуруе.

Гэтыя дзве групы цесна звязаныя паміж сабой. У большасці выпадкаў, заўвагі і каментары, дзе згадваецца агнястрэльная зброя, даюцца М. Стрыйкоўскім у кантэксте апісаных гістарычных фактаў яе прымянення, альбо з'яўляюцца адсылкай да гэтых фактаў. Менавіта гэты нюанс тлумачыць храналогію разглядаемых падзей: для першай групы – гэта час кіравання вялікага князя літоўскага Гедыміна і ягонай войны з крыжакамі (па датыроўцы М. Стрыйкоўскага гэта падзеі 1315 г. і 1328 г.). Факты выкарыстання агнястрэльнай зброі, якія сустракаюцца ў працы М. Стрыйкоўскага пасля смерці Гедыміна (як напрыклад аблога Коўна 1362 г.), будуць разгледжаныя намі ў наступных артыкулах. Для другой групы – гэта ўсё XIV ст. на працягу якога сустракаюцца заўвагі і каментары аўтара (заўвагі змешчаныя пад 1315 г., 1320 г., 1328 г., 1337 г., 1362 г., 1378 г.). Такое шырокае храналагічнае поле для другой групы абумоўлена тым, што большая частка заўваг і каментароў з другой паловы XIV ст. адсылае чытача да часоў ці абставін смерці таго ж Гедыміна. У сваю чаргу, пасля XIV ст. М. Стрыйкоўскі ўжо не акцэнтуюе сваю увагу на агнястрэльнай зброі і яго заўвагі на гэты конт фактычна знікаюць. У адпаведнасці з дадзеным падзелам і будзе пабудавана структура нашага артыкулу.

Частка 1. Факты наяўнасці і выкарыстання агнястрэльнай зброі

а) Бітва на рацэ Зеймле

Упершыню агнястрэльная зброя на старонках працы М. Стрыйкоўскага з'яўляецца пры апісанні пачатку кіравання Гедыміна. Па сведчаннях аўтара, адразу ж пасля смерці Віценя і ўзыходжання Гедыміна на вялікакняскі сталец, крыжакі арганізавалі буйную вайсковую выправу на Жмудскую зямлю. Акцыя аказалася досыць паспяховай: пасля працяглага рабавання, узяцця шэрагу замкаў (у ліку якіх Коўна) і захопу ў палон гетмана Гаштольда, Жмудская зямля фактычна перайшла пад кантроль ордэна. Пад 1315 г. пазначана, што сабраўшы войска з літвы, русі і татараў, Гедымін зладзіў выправу з мэтай вызвалення сваіх тэрыторый [29, s. 358–361]. Яму супрацьстаяла ордэнскае войска, сабраное з Прусіі, Ліфлянтаў і Сьвяшчэннай Рымскай імперыі, а таксама кантынгент змушаных да вайны жмудзінаў. Сустрэча для вырашальнай бітвы адбылася на рацэ Зеймле, дзе літоўскае войска і сутыкнулася з выкарыстаннем крыжакамі ручніц (тут і далей перакладзена на беларускую мову і **вылучана** аўтарам, усе асабістыя імёны і геаграфічныя назвы прыведзены ў адпаведнасці з хронікай, у {...} пазначаны каментары на палях хронікі зробленыя самім М. Стрыйкоўскім):

«... Гедымін наперадзе пашыхтаваў татар з лукамі, а літву сабраў у вялікі галоўны гуф, у які стаў і сам, русь, наваградцаў і палачанаў, паставіў з бакоў і ззаду. А калі абодва войскі сыйшліся да бітвы над Зеймлай ракой на [адлегласці. – А.З.] двух стрэлаў з лука, тады з вялікім крыкам, гіканнем, вігам і воем абодва бакі ў запале наскочылі [адзін на аднаго. – А.З.], розныя галасы паміж рознымі народамі чуваць было. Немцы з сошак, ці з укарочаных дзідаў стрэлілі некалькі разоў з **ручніц** (каторыя прыкладна ў той час былі вынайдзеныя) і напіралі на татараў» (... *Giedymin zasię Tatory z lukami na czoło uszykował, a Litwę w walny wielki uff, w którym sam stał, sprawił, Russaki zaś Nowogrodce i Połoczany z boków i na zadzie rozsadził. A gdy się obiedwie wojska jako na dwoim strzelbischu z łuku nad Zejmlę rzekę ku bitwie ściągaly, wnet z wielkim a ogromnym wołaniem, krzykiem, hukiem i wraskiem, obiedwie stronie zapalczywie do siebie skoczyły, różne głosy między różnymi narody słyhać było. Niemcy z drzewami albo kopiami drożonymi, wystrzeliwszy kilka **rusznic** (które tego czasu prawie były wymyślone) do Tatarów przytarli...*) [29, s. 360].

У канчатковым выніку, за кошт пераходу жмудзінаў на бок Гедыміна, вялікі князь выйграў бітву і вярнуў аднятыя крыжакамі землі.

Важнасць гэтай згадкі палягае на тым, што фактычна яе можна разглядаць як самае ранняе сведчанне выкарыстання войскам Тэўтонскага ордэна агнястрэльнай зброі. У той жа час, яна можа разглядацца і як самы ранні факт знаёмства з гэтай зброяй войска ВКЛ. Менавіта па гэтым прычынам, інфармацыя прыведзеная М. Стрыйкоўскім заслугоўвае падрабязнага разбору і праверкі.

На самым пачатку вярта заўважыць, што ў структуры працы М. Стрыйкоўскага звесткі пра захоп крыжакамі Жмудскай зямлі і выправу Гедыміна для яе вызвалення ўяўляюць сабой дзве асобныя часткі, размешчаныя ў асобных раздзелах, але датаваныя адным годам. Паміж імі змешчаныя яшчэ інфармацыя пра іншыя крыжацкія выправы (у т.л. 1316 г.), паход Давыда Гарадзенскага ў Прусію, а таксама пра міжусобіцу Баляслава і Конрада ў Сілезіі [29, s. 358–359]. Таксама яны адрозніваюцца аб’ёмам і інфарматыўнасцю – вызвольны паход Гедыміна і наступная бітва на Зеймле апісаная падрабязней.

Як адзначае сам М. Стрыйкоўскі, інфармацыя пра напад крыжакоў на Жмудскую зямлю адсутнічае ў хроніках М. Мяхоўскага і Пятра з Дусбурга (а апошні з’яўляўся прынамсі сучаснікама тых падзей [14, с. 220–221]). Запасычыў ён яе з лівонскіх хронік і рускіх летапісцаў [29, s. 358].

Што за лівонскія хронікі аўтар меў на ўвазе вызначыць не ўдалося. А вось пад летапісцамі ў дадзеным выпадку трэба разумець некалькі спісаў аднаго і таго ж твора – «Хронікі Вялікага Княства Літоўскага і Жамойцкага» (створанай ў 20–30-х гадах XVI ст.) [20, с. 4]. Сапраўды, у Альшэўскім, Румянцаўскім, Археалагічнага таварыства, Рачынскага, Еўраінаўскім спісах гэтага твора мы знаходзім апісанне як нападу крыжакоў, так і кароценькую згадку пра наступную бітву з імі [20, с. 211, 241–242, 270, 291, 332]. Але фактычна, у большай ступені, ўсё гэта датычыць толькі першай часкі аповеду М. Стрыйкоўскага – аповеду пра напад крыжакоў.

Апісваючы самую бітву, аўтар не дае ніякіх спасылак на крыніцу інфармацыі. А між іншым, акрамя падрабязнага апісання падрыхтоўкі паходу Гедыміна, пастраення войскаў, ходу бітвы і драматычнай перамогі вялікага князя ў выніку пераходу на яго бок жмудзінаў, там прысутнічаюць істотныя дэталі якімі яна адрозніваецца ад «Хронікі Вялікага Княства...». Па першае, гэта сама назва ракі на якой усё адбылася. У М. Стрыйкоўскага гэта «*Zejmłq rzeka*», у спісах «Хронікі

Вялікага Княства...» – «*Oszmiana/Oшмена/Oшмгъна/Oнмена*». Па другое, гэта прысутнасць у войску Гедыміна татараў. У «Хроніцы Вялікага Княства...» ніякіх згадак пра іх няма.

Улічваючы адсутнасць спасылкі на крыніцу інфармацыі, бачацца некалькі варыянтаў паходжання гэтай часткі звестак М. Стрыйкоўскага з усімі яе адрозненнямі:

- Выкарыстанне аўтарам недайшоўшых да нас крыніц з апісаннем гэтай бітвы, магчыма тых самых лівонскіх хронік, альбо незахаваўшыхся летапісцаў [15, с. 154–155]. Аднак тады узнікае пытанне, чаму аўтар не даў на іх асобнай спасылкі, як рабіў гэта звычайна? Размежаванне паміж двума часткамі аповеду занадта вялікае, каб аднесці апісанне вызвалення Жмудскай зямлі да папярэдняй спасылкі. Таму больш верагоднымі бачацца наступныя варыянты.

- Улічваючы агульную драматычнасць сюжэта, М. Стрыйкоўскі мог выкарыстаць нейкія фальклорныя звесткі легенд ці песень (напрыклад А. І. Рогаў лічыць што падобнае было пры апісанні пахавання Гедыміна [15, с. 165]).

- Сам аўтар дадумаў дэталі да кароткай згадкі летапісцаў.

У кожным з пералічаных выпадкаў гістарычная дакладнасць апісання дадзенай бітвы здаецца вельмі сумнеўнай.

У канчатковым выніку мы маем: кароткую згадку пра інтэрвенцыю крыжакоў у Жмудскую зямлю і наступную бітву з імі Гедыміна на рацэ Ашмяне, што фіксуецца толькі ў хроніцы 20–30-х гадах XVI ст. і адсутнічае у іншых крыніцах. Таксама маецца падрабязнае, але яшчэ менш верагоднае па сваёй праўдзівасці (легендарнае, альбо літаратурнае?), апісанне самага ходу бітвы (па версіі М. Стрыйкоўскага на іншай рацэ і з удзелам татараў), дзе фіксуецца выкарыстанне крыжакамі агнястрэльнай зброі. Усё гэта – напэўнае апісанне бітвы ў напэўнай ваеннай кампаніі – наштурхоўвае на думку, што наяўнасць у 1315 г. у крыжакоў агнястрэльнай зброі – гэта фальклёрная дэталі XVI ст. альбо дадумка самага М. Стрыйкоўскага.

Для аб'ектыўнасці трэба адзначыць, што ў Альшэўскім спісе (а па сутнасці перакладзе на польскую мову) «Хронікі Вялікага Княства Літоўскага і Жамойцкага», пры апісанні аблогі Коўна і наступнага палання Гаштольда, ёсць згадка пра гарматы:

«... і з вялікіх гармат усё збілі, і таго гетмана з замку таго звялі і ў палон павялі...» (... i z wielkich **dział** wszitek zbili, i tego hetmana s tego zamku zviedli i w polon poviedli...) [20, с. 211].

Дадены нюанс можа паставіць пад сумнеў наяўнасць у М. Стрыйкоўскага Альшэўскага спісу пры напісанні яго твора. Наўрадці б ён не скарыстаў мажлівасць згадаць артылерыю яшчэ і пры аблозе Коўна, але ў яго працы фігуруюць толькі падкопы, драбіны і тараны. У той жа час, позні характар самаго Альшэўскага спісу, створанага ў 1550 г. [19, с. 59], які да таго ж яшчэ сам па сабе з'яўляецца перакладам, змушаюць прызнаць у гэтых гарматах хутчэй перанос аўтарам рэалій XVI ст. на аблогу XIV ст. Хаця гэтая тэма таксама можа быць развітая ў асобнае даследаванне.

б) Бітва на рацэ Дрвенцы

Наступная цікаваячая нас згадка належыць да 1328 г. Апісваючы паход караля польскага Уладзіслава I Лакетка з вялікім князем літоўскім Гедымінама і венгерскім каралём на Хелмскую зямлю, М. Стрыйкоўскі згадвае, што Прускі і Ліфлянскія магістры:

«... на некалькі міль усе берагі ракі Дрвенцы, пнямі, калодамі, і іншымі перашкодамі ўмацаваўшы, з тых шанцаў з **гармат і ручніц і розных стрэльбаў**, палякам, літве і угорцам пераправу на другі бок зрабіць не дазвалялі. {Ужо у той час у немцаў адзначаныя **гарматы і ручніцы**} (... *na kilka mil wszystkie brzegi Drwiącej rzeki, pniami, kłodzinami i inszymi zawadami obrąbiwszy i zatarasowawszy, z onych szanców z **dział i z rusznic i rozmaitych strzelbą**, Polakom, Litwie i Węgom przebycia na drugą stronę bronili.* {*Już się w ten czas ukazywały **działania i rusznice u Niemców***}) [29, s. 383].

Як адзначае сам аўтар, звесткі пра гэты паход ён запазычыў у Я. Длугаша і М. Мяхоўскага. Праўдападобна, што даціроўка Я. Длугаша (1230 г.) больш карэктная [22, s. 142–143; 16, с. 294; 24, s. 202], а М. Стрыйкоўскі звёў две асобныя выправы на Хелмскую зямлю (1328 г. і 1330 г.) [23 s. 115; 14, s. 214, 216] пад адной датай. Апісанне М. Стрыйкоўскім таго боя фактычна ідэнтычнае з хронікай Я. Длугаша, акрамя таго нюанса, што апошні згадвае не агнястрэльную зброю, а перастрэлку з арбалетаў і катапультаў:

«... мятаннем з **арбалетаў** снарадаў, змагаючысь не дапусцілі яго пераправы / ... і настойліва абстрэльвалі яго выпускаючы з вялікіх **катапультаў** снарады і стрэлы» (... *wyrzucaniem z **kusz pocisków i staczaniem walki nie dopuszczą mu przeprawy** / ... i natarczywością razili go wypuszczaniem z **proc wielkich pocisków i grotów***) [23, s. 122–123].

Сам Я. Длугаш інфармацыю пра гэта сутыкненне на Дрвенцы узяў з хронікі Віганда з Марбурга, дзе таксама агнястрэльная зброя не згаданая, а толькі узаемнае абстрэльванне стрэламі і снарадамі (у лацінскамоўным арыгінале: *sagittis et jactibus*) [33, s. 158–159]. Дзе пад стрэламі і снарадамі хутчэй за ўсё маюцца на ўвазе, ўласна, стрэлы і арбалетныя балты. У той жа час, Віганд кажа, што літвы там ужо ўвогуле магло не быць, яна, адпаведна ўзнагароджвая, скіравалася дадому з-за супярэчнасцей паміж Гедымінама і Лакеткам, а таксама непрыняцця венгерскім каралём факту супрацы з паганцамі [22, с. 142–143; 16, с. 294; 24, с. 202; 33, с. 158–159].

Такім чынам, факт прысутнасці літвы ў тым сутыкненні як і наяўнасць у крыжакоў на той момант агнястрэльнай зброі выяўляецца хутчэй зноў жа інтэрпрэтацыяй самага М. Стрыкоўскага.

в) Заснаванне крыжакамі замкаў Фрыдбург і Байер. Смерць Гедыміна

Наступныя згадкі агнястрэльнай зброі ў творы М. Стрыкоўскага носяць у пэўным сэнсе «кульмінацыйны» характар. Пад тым жа 1328 г. апісаныя драматычныя падзеі, якія разгарнуліся пад сценамі літоўскага замку Велёна. Па версіі М. Стрыкоўскага, пасля таго як паміж Уладзіславам I Лакеткам і крыжакамі быў заключаны мір, апошнія вырашылі адпомсціць літве за дапамогу палякам. Галоўны іх удар быў скіраваны на Велёну. Вялікі маршал Тэўтонскага ордэна Тэадор (альбо Дзітрых) граф з Альдэнбурку і Генрык князь Баварскі, пасля непрацяглай аблогі, вырашылі блакаваць літоўскі гарнізон, збудаваўшы па суседству два сваіх замкі Фрыдбург і Байер, і як сведчыць М. Стрыкоўскі:

«... дастаткова забяспечыўшы абодва тыя замкі ўсялякай жыўнасцю і рыцарствам, і **стрэльбамі** добра ўмацаваўшы, там жа **гарматы** князя Баварскага пакінуўшы, самі да Прусіі ад'ехалі, наказаўшы пастаяннымі вылазкамі з абодвух замкаў літву абложаную ў Велёне мучаць, пакуль яна з замкам не здасца. {На тым месцы ўжо **гарматы** згадваюцца}» (... *naspiżowawszy obadwa ony zamki dostatkem wszelkiej żywności, i rycerstwem, i **strzelbą** porządnie obwarowawszy, tudzież **działa** xiążęcia Bawarskiego w nich zostawiwszy, sami do Prus odciągnęli, rozkazawszy ustawicznymi wycieczkami z obudwu zamku Litwę obłożony na Welonie dręczyć, ażby się z zamkiem podali. {Na tym miejscu już **historie działa** wspominają}*) [29, s. 385].

Адстутнасцю Тэадора і Генрыка скарыстаўся Гедымін, які хутка аблажыў крыжацкія ўмацаванні. Пад час бою вялікі князь вырашыў «страсянуць даўніной» і сам пад'ехаў пад сцены замка. Менавіта там яго напаткала смяротная куля, выпушчаная адным з крыжакоў:

«{Літва Баер і Фрыдбург здабывае. **Ручніцы**} Тую гвалтоўную небяспеку і наезды нямецкія, Гедымін вялікі князь літоўскі хацеў адбіць, а рыцарства сваё з аблогі цяжкай вызваліць, сабраў войска вялікае з літвы і жмудзі з сынамі Альгердам, Яўнуціям і Кейстутам, агарнуўшы моцным войскам тры два замкі новыя, Фрыдбург і Байер, дабываў іх дваццаць два дні безперапыннымі штурмамі, падкопамі, абстрэламі і таранамі; але немцы мужа бараніліся **стральбой ручнічнай** яшчэ непрывычнай літве і шмат гедымінавых людзей пабілі, сам Гедымін дадаючы рыцарству свайму ахвоты, бліжэй пад сцены пад'ехаўшы, {Небяспечна самаму князю пад замак хадзіць} указваў шанцам і таранам месца слушнае, для разбіцця і разломвання бастыёну аднаго. І калі ён так страсянуў даўніной, **падстрэліў яго ў хрыбет з ручніцы** немец адзін з байніцы {Гедымін забіты з **ручніцы**}, як прускія хронікі сведчаць, а Мяховіўс піша, што «**вогненная страла** патрапіла у яго спіну», але падобна, што была гэта хутчэй **вогненная кулька з ручніцы**, бо ў той час **ручніцы** немцы пачалі вынаходзіць, праўда яшчэ без кросаў [кросавых замкоў. – А.З.], якіх некалькі на замку Віленскім у скарбе пабачыў, а таксама ў Рызе, у Дынамюндзе і ў прускіх замках іншых тых **старадаўніх ручніц** я шмат бачыў. Гедымін ад таго стрэлу адразу ж аддаў душу і памёр, а па яго смерці войска літоўскае ад аблогі замкаў адступіла, з вялікім смуткам, плачам і нараканнямі сыноў яго Альгерда, Кейстута, Яўнуція і іншых, і простых людзей і рыцарства са звыклым кшталту спявання лямантанваннем і пералічэннем вартасцей і справаў яго, па звычаю літоўскім аплавання памерлых...» (*{Litwa Bejeru i Frydburgu dobywa. **Rusznice**} Tę gwałtowną niebezpieczność i najazdy Niemieckie, Giedymin Wielki Xiądz chcąc odbić, a rycerstwo swoje z oblężenia ciężkiego wybawić, zebrał wojsko wielkie z Litwy i Żmodzi z Olgierdem, Jawnuciem i Kiejstutem synami, a obegnawszy mocnym wojskiem ony dwa zamki nowe, Fridburg i Bejer, dobywał ich przez dwadzieścia i dwa dni ustawicznymi szturmami, podkopy, strzelbą i taranami; lecz gdy się Niemcy **ruszniczną strzelbą** jeszcze Litwie nieprzywykłą mężnie bronili i wiele Giedyminiowi ludu pobili, sam Giedymin dodawając rycerstwu swojemu ochoty, bliżej pod ścianę przyjachawszy, {Niebezpieczna rzecz samemu xiążęciu pod zamek*

*chodzić} ukazał szancom i taranam miejsce słuszniejsze do tłuczenia i rozwalania baszty jednej. Tam gdy się ochotnie staruszek uwijał, **postrzelil go w grzbiet z rusznice** Niemiec jeden z blanków, {Giedymin zabity z **rusznice**} jako Pruskie Kroniki świadczą, a Miechovius pisze, iż go, «**igneae sagitta per dorsum trasfixit**», **ognistą strzałą, ale podobno rychlej ognistą kulką z rusznice, bo tego czasu rusznice** niemcy wymyślać poczęli, wszakże jeszcze bez krzossów, jako owych kilka na zamku Wileńskim w skarbie widzimy, także w Rydze, w Dunamuncie i w Pruskich zamkach inszych tych **starodawnych rusznic** wilem widział. Giedymin od onego postrzelenia natychmiast duszę wyduchnął, i skonał, a za jego śmiercią wojsko Litewskie od oblężenia zamków odstąpiło, z wielkim smutkiem, płaczem i narzekaniem synów jego Olgierda, Kiejstuta, Jawnucia i inszych, i pospolitego ludu i rycerstwa z zwykłym na xtalt śpiewania lamentowaniem i wyliczaniem cnót i dzielności jego, jako jest obyczaj u Litwy oplakiwania umarłych...» [29, s. 385].*

Коротка пра аблогу Велёны М. Стрыйкоўскі прыгадваў яшчэ пад 1307 г. (дзе таксама згадвалася агнястрэльная зброя) [29, s. 347]. Аднак асноўную ўвагу ў тым выпадку ён надае палеміцы з М. Мяхоўскім (у якога ўласна і запазычыў гэтую інфармацыю) датычна праўдзівасці такога датавання аблогі. Паводле меркавання М. Стрыйкоўскага, хлопец-перапісчык, друкар альбо карэктар твора М. Мяхоўскага, у гэтым выпадку напісаў «1307» замест «1327», што пераблытала ўсю храналогію. З гэтага ж вынікаюць і далейшыя супярэчнасці на старонках твора М. Мяхоўскага, калі вялікі князь Гедымін пасля сваёй смерці ў 1307 г. працягваў ваяваць з крыжакамі ў 1329 г. Аднаўляючы добрае імя перапісчыка ці карэктара, якіх абвінавачвае М. Стрыйкоўскі, трэба адзначыць, што памылка ў датаванні М. Мяхоўскім была запазычана ў Я. Длугаша, які першы паведаміў пра гэта пад 1307 г. [23, s. 34–35]. У той жа час, апошні, апісваючы забеспячэнне Фрыдбурга і Байера і смерць Гедыміна, згадвае толькі вялікія арбалеты (*kuszami wielkiemi*), найлепшага лучніка (*naderzręczny w strzelaniu z luku*) і вогненную стралу (*strzałą ognistą*), але ніяк не агнястрэльную зброю ці кулю. Прынамсі перакладчыкі хронікі Я. Длугаша з лацінскай мовы на польскую у выданні 1868 г. не мелі якіх-кольвек падставаў трактаваць гэтыя звесткі іначэй [18]. Паглыбляючыся далей у крыніцы, на старонках хронікі Віганда з Марбурга, якой карыстаўся Я. Длугаш, можна знайсці досыць падрабязнае апісанне тых падзей, якое, так бы мовіць, растаўляе ўсе кропкі над «і». У 1337 г. (у арыгінале: у пачатку 1338 г. – храналогія скарэкта-

ваная ўкладальнікамі перакладу хронікі на польскую мову Славамірам Зоненбергам і Кжыштафам Квяткоўскім):

«... узвялі там для абароны два дамы. І іншы моцны дом узвёў па-пблізу, у якім для узмацнення пакінуў 100 воінаў, а таксама загадаў [застацца там. – А.3.] **лучнікам** на карысьць дому. / ... у час, калі ўзгаданы дом павінен быў быць скончаны, кароль Гедымін выслухаў таго здрадніка і з дужым войскам, машынамі, таранамі і інш. аблажыў дом, праз 22 дні моцна яго атакаваў, і не мог здабыць. Здарылась тады, што адзін брат, Цілеман дэ Санпах, **камандзір лучнікаў, палаючым снарадам** спаліў харугву і потым раніў **снарадам** ў карак паміж лапаткамі караля язычнікаў з Трок і [той. – А.3.] памёр, падзяліўшы лёс з патанулымі. І так язычнікі, пацярпеўшы вялікую шкоду, адыйшлі з ганьбай. Выйшлі тады браты [з замку. – А.3.], машыны і іншае пакінутае занеслі да замку. А Генрык Баварскі надзяліў замак патрэбнай зброяй і жыўнасцю, харугвай і пячаццю» (... *duas domos ibidem erigunt, de quibus se defendant, et aliam fortem domus erexit prope, in cuius propugnaculo 100 bellicosos statuit, sed et 40 animosos fratres cum totidem sagittariis ordinavit ad utilitatem domus. /... dum domus dicta foret perfecta, rex Gedemyn concepit huiusmodi sermonem traditoris et cum gravi exercitu, machinis, arietibus etc. Circumdedit domum, xxij diebus fortiter impugnando nec vinceres valuit. Accidit, quod quidam frater Tilemannus de Sunpach magister sagittariorum telo igneo vexillum combussit et statim post paganorum regem de Tracken telo vulnerat in collum inter scapulas, et mortuus est, suscipiens partem cum dampnatis, et sic pagani post plurima dampna perpessa cum scandalo abierunt. Fratres quoque exeunt et machinas et alia relicta deducunt ad castrum. Et dominus Hinricus Bavarie ditavit castrum cum armis et victualibus necessariis, vexilio et sigillo») [33, s. 204, 206].*

У каментарыях да дадзенай часткі хронікі, укладальнікі яе перкладу з лацінскай на польскую мову С. Зоненберг і К. Квяткоўскі абгрунтаўваюць меркаванне, што кароль з Трокаў быў забіты палаючым арбалетным балом, але зноў жа, ніякім чынам не куляй з агнястрэльнай зброі. Улічваючы, што хроніка Віганда была першапачаткова напісаная па нямецку, але да нас дайшла толькі ў лацінамоўным варыянце XV ст., можна дапусціць, што з-за варыятыўнасці перакладаў, першапачаткова пад тэрмінам «*telo igneo*» мелася на ўвазе куля з рушніцы (хаця, увогуле, гэта пытанне хутчэй лінгвістычнага аналізу дадзенай крыніцы).

На нашу думку, усё ж асноўны аргумент, які можа ўказваць на палаючую стралу ці болт, гэта сам кантэкст расповеду. Тая дэталё, што трапны крыжацкі стралок спачатку падпаліў харугву (што вельмі складана зрабіць з ручніцы, але цалкам рэальна падпаленым снарадам кідальнага узбраення), а потым ужо патрапіў у «караля з Трок», ускосна ўказвае на тое, што страляў ён з луку ці арбалету. Сама па сабе куля не настолькі гарачая каб штось ад яе загарэлася. Тэарэтычна, гэта магло б зрабіць полымі, якое вырываецца з дула падчас згарання пораху, але мішэнь у такім выпадку павінна знаходзіцца перад самым дульным зрэзам зброі.

Таксама варта ўдакладніць, што «кароль з Трок» загінуў пад сценамі Баера, а не Фрыдбурга, які Вігандам увогуле не згадваецца. Не усё так адназначна выглядае і з асобай забітага. У адрозненні ад М. Стрыйкоўскага, большасць навукоўцаў схільныя датаваць смерць Гедыміна 1341/42 г. [24, s. 228; 12, с. 397; 32, s. 20; 7, с. 71; 5, s. 162]. На гэта ўказвае паведамленне Наўгародскага першага летапісу:

«В лето 6849... Той же зимъ умре князь великий Гѣдимень Литовский...» [11, с. 353].

А таксама шэраг іншых летапісаў [9, с. 173; 6, с. 207]. Разыходзяцца меркаванні хіба толькі пра гвалтоўны ці не гвалтоўны характар смерці Гедыміна. На нашу думку, усё ж досыць перканаўча ўдакладніў дату – студзень-сакавік 1342 г. – і акрэсліў негвалтоўны характар смерці вялікага князя Стэфан Роўэл [16, с. 311–323]. У той жа час, азначэнне «кароль з Трок», абумоўленае недакладнасцю пераклада тытулатыры з нямецкай на лацінскую мову ў XV ст., хавае пад сабой аднаго з сыноў Гедыміна – Вітаўта [32, с. 45]. На існаванне гэтай гістарычнай асобы ўказвае асоба яго сына, Юрыя Вітаўтавіча, вядомага па старажытнарускім летапісам і загінушага як і бацька ў сутыкненні з крыжакамі, але пад сценамі Ізборска ў 1349 г. [8].

Такім чынам, гістарычныя крыніцы падцвяржаюць факт асады замка Баер. Адбылося гэта праўда ў 1337 г. Верагодна, падчас баёў за замак загінуў не сам вялікі князь Гедымін, а яго сын Вітаўт, і не ад стрэлу з агнястрэльнай зброі, а ад палаючай стралы ці арбалетнага балта. Агнястрэльная зброя і тая фатальная роля, якую яна адыграла, з'яўляюцца ў дадзеным выпадку дадумкай самага М. Стрыйкоўскага. У сувязі з гэтым становіцца зразумелай і згадка аўтарам стрэльбаў і гармат якія пакінуў Генрых Баварскі ў Фрыдбургу і Баеры (але якія, зноў жа, не фіксуецца ў іншых крыніцах) – для таго, каб агнястрэльная зброя адыграла

сваю ролю ў сюжэце забойства Гедыміна, яна павінна была аднекуль з’явіцца ў тых замках.

Частка 2. Заўвагі-каментары М. Стрыйкоўскага ў тэксце хронікі ў якіх фігуруе агнястрэльная зброя

Як адзначалася раней, акрамя засведчаных М. Стрыйкоўскім фактаў наяўнасці і выкарыстання агнястрэльнай зброі, можна вылучыць яшчэ і заўвагі-каментары самага аўтара, ў якіх яна так ці іначай фігуруе. Пад апошнімі выступаюць выказванні М. Стрыйкоўскага ў тэксце, альбо каментары на палях, якія выбіваюцца з агульнага кантэксту расповеду пра гістарычную падзею. У іх аўтар звяртае ўвагу чытача на тые ці іншыя асобныя аспекты, палемізуе з іншымі гісторыкамі, нагадвае пра раней апісання падзеі, альбо спасылаецца на ўласны даследчыцкі вопыт.

Для нагляднасці, заўвагі М. Стрыйкоўскага звязаныя з агнястрэльнай зброяй, якія сустракаюцца ў хроніцы цягам усяго XIV ст., мы звялі ў тэблицу разам з кароткім пераказам кантэксту ў якім яны згадваюцца.

Кантэкстэст заўвагі і каментароў	Заўвагі і каментары М. Стрыйкоўскага
1315 г. Бітва Гедыміна з крыжакамі на рацэ Зеймле. Крыжакі выкарысталі ручніцы.	<i>{каторыя прыкладна ў той час былі вынайздзеныя}</i> <i>{które tego czasu prawie były wymyślone}</i>
1320 г. Заняцце Гедымінам Уладзімірскага і Луцкага княстваў. Адпачынак у Брэсце перад паходам на Кіеў.	<i>{З лепшым поспехам чым мы зараз ваяваў, хоць гармат і не меў}</i> <i>{Z lepszym ten pożytkiem niż my dziś wojował, aczkolwiek dział niemiał}</i>
1328 г. Паход караля польскага Уладзіслава I Лакетка з вялікім князем літоўскім Гедымінам на Хелмскую зямлю. Сутыкненне з крыжакамі на рацэ Дрвенцы.	<i>{Ужо у той час у немцаў адзначаныя гарматы і ручніцы}</i> <i>{Już się w ten czas ukazywały działania i rusznice u Niemców}</i>
1328 г. Згадка пра забеспячэнне арсеналаў крыжацкіх замкаў Фрыдбург і Баер.	<i>{На тым месцы ўжо гісторыя гарматы згадвае}</i> <i>{Na tym miejscu już historie działa wspominają}</i>
1328 г. Аблога Гедымінам крыжацкіх замкаў Фрыдбург і Баер. Смерць Гедыміна ад стрэлу з рушніцы.	<i>{Літва Баер і Фрыдбург здабывае. Ручніцы}</i> <i>«... але немцы можна бараніліся стральбой ручнічай яшчэ непрывычнай літве і шмат гедымінавых людзей набілі...»</i>

Кантэкстэкт заўвагі і каментароў	Заўвагі і каментары М. Стрыйкоўскага
	<p>{Гедымін забіты з ручніцы}</p> <p>«... як прускія хронікі сведчаць, а Меховіўс піша, што «вогненная страла патрапіла у яго спіну», але падобна, што была гэта хутчэй вогненная кулька з ручніцы, бо у той час ручніцы немцы пачалі вынаходзіць, праўда яшчэ без кросаў [кросавых замкоў. – А.З.], якіх некалькі на замку Віленскім у скарбе набачыў, а таксама ў Рызе, у Дынамондзе і ў прускіх замках іншых тых старадаўніх ручніц я шмат бачыў...»</p> <p>{Litwa Bejeru i Frydurgu dobywa. Rusznice}</p> <p>«... lecz gdy się Niemcy ruszniczną strzelbą jeszcze Litwie nieprzwykłą mężnie bronili i wiele Giedyminowi ludu pobili...»</p> <p>{Giedymin zabity z rusnice}</p> <p>«... jako Pruskie Kroniki świadczą, a Miechovius pisze, iż go, ignea sagitta per dorsum trasfixit, ognistą strzałą, ale podobno rychlej ognistą kulką z rusznice, bo tego czasu rusznice niemcy wymyślać poczęli, wszakże jeszcze bez krzossów, jako owych kilka na zamku Wileńskim w skarbie widzimy, także w Rydze, w Dunamuncie i w Pruskich zamkach inszych tych starodawnych rusznic wilem widział...»</p>
<p>1337 г. Аблога татарамі Любліна, пад час якой стралой выпушчанай адным з абаронцаў быў забіты татарскі цар. М. Стрыйкоўскі параўноўвае гэты выпадак са смерцю Гедыміна.</p>	<p>«Я сам бачыў маляваную карціну таго здабывання Любліна і забіцця таго цара, у касцёле люблінскіх манахаў; але [гэта была. – А.З.] куля з гарматы, не страла. Бо ўжо ў той час гарматы і ручніцы пачалі з'яўляцца, такой жа стральбой Гедыміна пад Фрыдбургам ля Велёны крыжакі забілі; як вышэй было расказана».</p> <p>«Jam sam widział kortynę malowaną tego dobywania Lublina i zabicia tego carza, w kościele mnichów Lubelskich; ale kulą z działa, nie strzałą. Bo już w ten czas działa i rusznice nastawały, którą też strzelbą i Gedymina pod Fridburgiem u Welony Krzyżacy zabili; jako się wyższej powiedziało».</p>
<p>1362 г. Аблога крыжакамі Коўна. М. Стрыйкоўскі зноў звяртае ўвагу на тое, што агнястрэльная зброя ўжо была ў карыстанні крыжакоў.</p>	<p>«... якія з гарматамі і вогненнымі стрэльбамі, якую ён [М. Меховіўс. – А.З.] заве «шматлікімі машынамі для біцця і прыстасаваннямі для кідання вогненных снарадаў», у той час крыжакі Коўна дабывалі, што указвае на тое, што ўжо ў той час вогненныя стрэльбы, гарматы і ручніцы ў іх былі ўжо звычайнай справай і тым больш яны [імі. – А.З.] літвы пабілі».</p>

Кантэкстэкт заўваг і каментароў	Заўвагі і каментары М. Стрыйкоўскага
	<p>«... iż z dzilami i ognista strzelba, jako on zowie machinarum crebracontusione et telorum ignitorum projectione, w ten czas Krzyżacy Kowna dobywali, skąd się pokazuje, iż już w ten czas strzelba ognista, dzala i ruśnicy u nich w zwyczaj u począł i tym więcej Litwie tępili».</p>
<p>1378 г. Стварэнне вялікай гарматы ў Венецыі. М. Стрыйкоўскі даводзіць, што рушніцы існавалі ўжо раней і спасылаецца на смерць Гедыміна ад стрэлу з рушніцы.</p>	<p>{Гарматы вынайздзенья}</p> <p>«У той жа год, пра што нельга змаўчаць, стрэльбу велізарную і страшную, каторую гарматай на-простаму завем, да пагібелі многіх годных людзей, адзін немец у Венецыі вынайшаў, з бронзы альбо з медзі адліў; але ручніцы перад тым таксама немцы вынайшлі, стрэльбой з каторай, як вышэй апавядалася, Гедымін, вялікі князь літоўскі, бацька Альгерда і Кейстута, дзед Ягайлы і Вітаўта, быў забіты. Хаця Карнэлій Агрыппа ў кнізе аб марнасці навук, а таксама Волатэран і іншыя тое хочуць давесці, што вогненная стрэльба ручнічная са старажытных вякоў была ва ўжытку, што ў тых вершах Віргілія паказваецца, дзе сказана: Я бачыў там жорсткую расплату Салманя / Каторы грому Юнітэра і гукам Алімна хацеў упадобіцца, г.д.»</p> <p>{Dziala wynalezione}</p> <p>«Tegoż roku, czego się nie godzi zamilczeć, strzelbę ogromną i straszliwą, którą działem pospolicie zowiemy, ku zatraceniu wielu godnych ludzi, jeden Niemiec u Wenetów wymyślił, z spiżu albo z miedzi ulaną; ale rusnice przedtym także Niemcy wynaleźli, którą strzelbą, jako się wyżej powiedziało, Gedimin, Wielki Xiądz Litewski, ociec Olgerdów i Kiejstutów, dzid Jagelów i Witoltów, był-naprzód zabity. Aczkolwiek Cornelius Agrippa in libro de vanitate scientiarum, także Volateranus i inszy tego chcą dowodzić, iż strzelba ruśniczna ognista z dawnych wieków była w używaniu, co się i z tych wierszów Wirgiliussowych pokazuje, gdzie mówi: Vidī et crudeleis dantem Salmona poenas / Dum flatus Jovis et sonitus imitatur Olympi, etc.»</p>

Ужо пры павярхоўным аглядзе можна адзначыць, што М. Стрыйкоўскі стараецца звярнуць увагу чыгача на наяўнасць ужо ў той перыяд аг-

нястрэльнай зброі ў крыжакоў. У той жа час, у адным са сваіх каментароў ён падкрэслівае яе адсутнасць у князя Гедыміна:

«{3 лепшым поспехам чым мы зараз ваяваў, хоць гармат і не меў}»(*{Z lepszym ten pożytkiem niż my dziś wojował, aczkolwiek dział miał}*) [29, s. 364].

Гэты каментар верагодна адсылае да няўдалага для войск ВКЛ перыяду Інфлянскай вайны 60–70 гг. XVI ст. і звязаны з суб'ектыўнымі перажываннямі самага М. Стрыкоўскага як удзельніка тых падзей [15, с. 163–164].

Дадзеная тэндэнцыя да суб'ектыўнасці працягваецца і далей, калі аўтар аспрэчвае інфармацыю М. Мяхоўскага датычна смерці Гедыміна ад палаючай стралы і настойвае на ўжыванні там ручніц. Аднак, як было паказана вышэй, іншымі крыніцамі не падцвярджаецца наяўнасць там агнястрэльнай зброі. Такое ж аспрэчванне пісьмовых крыніц мы бачым і пры апісанні аблогі Любліна і смерці татарскага цара [30, s. 17]. Звесткі, запазычаныя М. Стрыкоўскім, верагодна, са Свентакжыскай хронікі, зноў жа, кажуць пра стралу (*sagittam*) [25, s. 78]. Але М. Стрыкоўскі, спасылаючыся на бачаную ім фрэску (якая не дайшла да нашага часу, з-за чаго сумнеўна выглядае яе дакладнасць і гістарычнасць) настойвае на кулі з гарматы [15, с. 181–183].

Згадка пра падзеі 1362 г. пад Коўна [25, s. 36–37], дзе фіксуецца наяўнасць агнястрэльнай зброі, з адпаведнай заўвагай пра яе існаванне ўжо ў той час, структурна не адрозніваюцца ад іншых заўваг М. Стрыкоўскага. Аднак з пункту гледжання факта наяўнасці агнястрэльнай зброі апісанне гэтай аблогі заслугоўвае асобнага, больш грунтоўнага разгляду (што і будзе зроблена намі ў адным з бліжэйшых артыкулаў), бо гэта адзіны падобны факт, які падцвярджаецца хаця б адной пісьмовай крыніцай [27, s. 82].

На дадзены момант не ўдалося вызначыць крыніцу інфармацыі, якой карыстаўся М. Стрыкоўскі пры складанні заўвагі пра вынаходніцтва гарматы ў Венецыі ў 1378 г. [30, s. 56]. Тым не менш, можна меркаваць, што менавіта гэта інфармацыя дазволіла аўтару суаднесці з'яўленне агнястрэльнай зброі менавіта з XIV ст. Пры гэтым М. Стрыкоўскі супярэчыць сабе, бо папярэдне неаднарозова згадваў не толькі рушніцы (якія немцы па яго меркаванні вынайшлі раней), але і ўласна гарматы.

Фактычна, прыведзеныя заўвагі і каментары можна падзяліць на дзве умоўныя групы. Першая, гэта тыя, якія звязаныя са змаганнем Гедыміна

з крыжакамі, яны падкрэсліваюць наяўнасць гэтага віду ўзбраення ў войскаў ордэна, і яго адсутнасць у вялікага князя літоўскага. Другая – гэта напамін пра смерць Гедыміна ад стрэлу з рушніцы, які прыводзіцца пад час апісання аблогі Любліна і інфармацыі пра вынаходніцтва гарматы у Венецыі. Але варта заўважыць, што ў абодвух выпадках аб’ядноўваючым фактам з’яўляецца асоба Гедыміна.

Высновы

З усіх засведчаных М. Стрыйкоўскім фактаў наяўнасці ў Тэўтонскага ордэна агнястрэльнай зброі ў перыяд кіравання Гедыміна не пацвердзіўся ні адзін. Можна меркаваць, што ўсе яны – гэта інтэрпрэтацыя самага аўтара.

Улічваючы аналіз аўтарскіх заўваг і каментароў, можна выказаць меркаванне, што гэтыя інтэрпрэтацыі верагодна з’яўляюцца спробай М. Стрыйкоўскага гераізаваць асобу вялікага князя літоўскага за кошт падкрэслівання тэхнічнай перавагі яго ворага.

Рэканструкцыя аўтарскай логікі можа выглядаць наступным чынам: М. Стрыйкоўскі меў нейкія звесткі пра з’яўленне агнястрэльнай зброі ў XIV ст., пагэтану, там, дзе на яго думку гэта дазвалялі іншыя крыніцы (пры згадках пра выкарыстанне арбалетаў альбо вогненных стрэл), у свой аповед ён устаўляў звесткі пра рушніцы і артылерыю. Рабілася гэта з мэтай падкрэсліць гераічнасць і майстэрства Гедыміна, які нават пры такой тэхнічнай перавазе крыжакоў паспяхова ім супрацьстаяў.

На суб’ектыўнасць у ацэнцы асобы Гедыміна ўказвае, напрыклад, і імкненне М. Стрыйкоўскага падкрэсліць яго вялікакняскае паходжанне і легітымнасць прыходу да ўлады [29, s. 353–356]. Вынікам гераізацыі і надання дадатковага драматызму стала і апісанне яго смерці: у баі з крыжакамі, пад сценамі абкладзенага замка, ад інавацыйнай зброі, якой літва вымушана была супрацьстаяць каб абараніць сваю айчыну. Узмацніць гэтае ўражанне таксама павінна было параўнанне пахавання павержанага князя з пахаваннямі антычных герояў, удзельнікаў Траянскай вайны Патрокла і Гектара [29, s. 368].

Такім чынам, згадкі пра агнястрэльную зброю, якія маглі б быць першымі зафіксаванымі фактамі яе выкарыстання Тэўтонскім ордэнам і знаёмства з ёй войск ВКЛ, выяўляюцца хутчэй літаратурным інструментам. Дадзеная выснова ўкладаецца ў агульную храналогію з’яўлення і распаўсюджвання агнястрэльнай зброі ў Еўропе, дзе ў другой чвэрці XIV ст. яна толькі пачынае з’яўляцца [13, с. 20]. Наўрадці б яна настолькі хутка распаўсюдзілася да мяжы з літвой, каб быць выкарыста-

най у сутыкненні на рацэ Дрвенцы ў 1330 г., не кажучы ўжо пра бітву на Зеймле 1315 г.

Таксама быў удакладнены важны аспект біяграфіі вялікага князя літоўскага Гедыміна. Склаўшаяся ў беларускай навуковай і калянавуковай гістарыяграфіі традыцыя суадносіць яго смерць з аблогай замка Баер (больш вядомы варыянт назвы – Баербург) і стрэлам з агнястрэльнай зброі [1, с. 142; 3, с. 36–37; 10, с. 519–520], як выявілася, не мае пад сабой грунтоўных падстаў. Верагодна пад час баёў за замак загінуў не сам вялікі князь, а яго сын Вігаўт, і не ад стрэлу з агнястрэльнай зброі, а ад палаючай стралы ці арбалетнага балта. Варта адзначыць, што памылковасць гэтага расповеду М. Стрыйкоўскага ў вялікай ступені ўсё ж «заслуга» яго папярэдніка – Я. Длугаша. Менавіта ён першапачаткова наблытаў як з датаваннем, так уласна і з асобай «караля з Трок». М. Стрыйкоўскі імкнуўся выправіць гэтае месца хаця б у плане храналогіі [18]. Нельга казаць таксама і пра поўную безпадстаўнасць аўтарскай інтэрпрэтацыі датычна агнястрэльнай зброі: усё ж такі ён усведмяляў, што ручніцы і гарматы пачалі з'яўляцца менавіта ў тыя часы, на аснове чаго і дапусціў іх наяўнасць на сценах Фрыдбурга і Баера. Нават робячы ўласныя дапушчэнні, зыходзячы з літаратурных памкненняў, ён імкнуўся заставацца ў межах гістарычнасці. Нягледзячы на тое, што фактычна дзякуючы М. Стрыйкоўскаму гэты памылковы аповед быў папулярызаваны ўжо ў XIX–XX стст., гэта ніякім чынам не змяняе яго ролі як даследчыка гісторыі ВКЛ. Грунтоўнасць яго працы, актыўны збор і аналіз крыніц (некаторыя з якіх не дайшлі да нашага часу, а іншыя былі выяўленыя дзякуючы М. Стрыйкоўскаму), імкненне даследаваць гістарычныя артэфекты і месцы гістарычных падзей (згадкі пра захаванасць якіх у XVI ст. уяўляюць асаблівую каштоўнасць), нягледзячы на памылкі і пэўную ідэалагічную заангажаванасць (варта памятаць, што М. Стрыйкоўскі быў «сынам свайго часу») і працаваў ў межах прынятай на той час навуковай парадыгмы [21, с. 68–69, 74; 2 с. 244–251]), – назаўсёды замацавалі за М. Стрыйкоўскім званне першага і аднаго з самых каштоўных гістарыёграфу ВКЛ.

Спіс літаратуры

1. Гедимин / Белорусская советская энциклопедия. – Т. 5. Биографический справочник. – Минск: Белорусская советская энциклопедия имени Петруся Бровки, 1982. – С. 142.
2. Глінскі, Я. С. Канструяванне вобразу мінулага ў творах Мацея Стрыйкоўскага / Я. С. Глінскі // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 2. – Минск, 2009. – С. 244–251.

3. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд / М. Ермаловіч. – Мінск: Бацькаўшчына, 1994. – 91 с.
4. Кирпичников, А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. / А. Н. Кирпичников. – Л.: Наука, 1976. – 84 с.
5. Краўцэвіч, А. Ад пачатку гаспадарства да каралеўства Літвы і Русі (1248–1341 гг.) / А. Краўцэвіч. – Гародня: Гарадзенская бібліятэка, 2013. – 185 с.
6. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. – Т. 7. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1856. – 345 с.
7. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. – СПб.: Наука, 2004. – 310 с.
8. Мартынюк, А. В. Кто убил Юрия Витовтовича? Опыт историко-криминалистического расследования / А. В. Мартынюк // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2016. – № 2 (64). – С. 55–61.
9. Московский летописный свод конца XV века // Полное собрание русских летописей. – Т. 25. – М.; Л., 1949. – 464 с.
10. Насевіч, В. Гедзімін / В. Насевіч // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя ў 2 тамах. – Т. 1. – Мінск, 2005. – С. 519–520.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 642 с.
12. Пашуто, В. Т. Образование Литовского государства / В. Т. Пашуто. – М.: АН СССР, 1959. – 531 с.
13. Пенской, В. В. Великая огнестрельная революция / В. В. Пенской. – М.: Эксмо, 2010. – 448 с.
14. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / пер. В. И. Матузовой. – М.: Ладомир, 1997. – 384 с.
15. Рогов, А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника) / А. И. Рогов. – М.: Наука, 1966. – 312 с.
16. Роўэл, С. Паганская імперыя ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, 1295–1345 / С. Роўэл. – Мінск: Медысонт, 2015. – 424 с.
17. Семянчук, А. А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі / А. А. Семянчук. – Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт, 2000. – 163 с.
18. Стрыйковский, М. Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси / М. Стрыйковский // Восточная Литература. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Strykovski_2/text11.htm. – Дата доступа: 09.06.2019.
19. Улащик, Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. – М.: Наука, 1985. – 264 с.
20. Хронікі і летапісы Беларусі. Сярэднявечча і раннемадэрны час. Тэматычны дадатак да нумару ARCHE № 9 за 2009 г. (Беларусь і Літва: 1000 год разам) / укладанне В. Варонін. – Мінск, 2010. – 902 с.
21. Bardach, J. Maciej Strykowski i jego twórczość w świetle najnowszych badań / J. Bardach // Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII wieku / J. Bardach. – Białystok, Warszawa, 1970. – S. 68–83.

22. Błaszczyk, G. Dzieje stosunków polsko-litewskich: od czasów najdawniejszych do współczesności / G. Błaszczyk. – T. I: Trudne początki. – Poznań: Wydawn. Nauk. UAM, 1998. – 308 s.

23. Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / wydane staraniem A. Przedzieckiego. – T. III. – Ks. IX, X. – Kraków: w drukarni «Czasu» W. Kircumayera, 1868. – 558 s.

24. Łowmiański, H. Prusy-Litwa-Krzyżacy / H. Łowmiański. – Warszawa: PIW, 1989. – 481 s.

25. Monumenta Poloniae Historica – T. III. – Lwów, 1878. – 876 s.

26. Parker, G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500–1800 / G. Parker. – Cambridge, 1988. – 354 s.

27. Johanns von Posilge, Officials von Pomesanien, Chronik des Landes Preussen (von 1360 an, fortgesetzt bis 1419) zugleich mit den auf Preussen bezueglichen Abschnitten aus der Chronik Detmar's von Luebeck // Scriptorum rerum Prussicarum / Hrsg. von T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke. – Band 3. – Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1866. – S. 13–399.

28. Roberts, M. The Military Revolution, 1560–1660 / M. Roberts // Essays in Swedish History. – London, 1967. – P. 195–225.

29. Strykowski, M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego: 2 t. / M. Strykowski; przedmowy M. Malinowskiego i I. Daniłowicza. – Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glüksberga, 1846. – T. 1. – 1846. – 392 s.

30. Strykowski, M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego: 2 t. / M. Strykowski. – Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glüksberga, 1846. – T. 2. – 1846. – 568 s.

31. Szymczak, J. Początki broni palnej w Polsce 1383–1533 / J. Szymczak. – Łódź 2004. – 424 s.

32. Tęgowski, J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów / J. Tęgowski. – Poznań; Wrocław: Wydaw. hist., 1999. – 319 s.

33. Wigand von Marburg. Nowa kronika pruska / oprac. S. Zonenberg, K. Kwiatkowski. – Toruń: TNT, 2017. – 667 s.

КИЕВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ГОРОД И МИФ

Нет нужды доказывать, что Киеву принадлежит особое место в восточнославянской истории и восточнославянской ментальности. На протяжении нескольких веков он был стольным градом Руси; отсюда началось ее крещение; именно здесь до конца XIII в. имел свою постоянную резиденцию митрополит всея Руси и здесь же находились такие особо почитаемые православные святыни как собор Святой Софии и Печерский монастырь.

Для древнерусских книжников Киев был исключительным, единственным в своем роде городом. Идея его божественного предназначения озвучена в «Повести временных лет», в составе которой до нас дошел апокрифический рассказ о посещении апостолом Андреем киевских гор и его пророчество о том, что «на сих горах восияет благодать Божья; имать град велик быти и церкви многи Бог въздвигнути имать» [33, с. 26].

Понятно, что в Древней Руси, известной как «страна без апостолов», этот летописный сюжет возносил Киев на особую, недостижимую для прочих городов высоту. Другой, не менее хрестоматийной, декларацией особого статуса Киева, которая содержится в раннем летописании, являются слова князя Олега, якобы произнесенные им после успешного похода на Аскольда и Дира (882 г.): «Се буди мати градом русьским» [33, с. 38]¹.

Большинство исследователей усматривает в этой метафоре кальку с греческого «метрополис» (мать городов) – как и сам Киев во многом копировал тогдашний центр восточного христианства («греческой веры»), Константинополь. Давно уже стало трюизмом, что городское пространство Киева формировалось по образу – или, если использовать термин, порой предлагаемый в литературе [13, с. 134, 146; 39, с. 79], – «во образ» Царьграда. Не следует забывать, однако, что сам Константинополь строился с оглядкой на топографию другого священного города, в котором произошли основные события христианской истории, – Иерусалима. Так что в той мере, в какой Константинополь был вторым Иерусалимом, Киев копировал не только Царьград, но и Иерусалим.

¹ Интересно, что Н. М. Карамзин считал это определение настолько устойчивым, что расшифровывал приведенное Константином Багрянородным название Киева, Самватас, как «сама мать, ибо Киев назывался в древности материю городов русских» [23, с. 199].

Впрочем, если в градостроительном смысле такая связь выступает опосредованно, то в древнерусской книжности она декларируется эксплицитно. Известно, например, что в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона проведена параллель между возведением Иерусалимского храма и киевского Софийского собора [16, с. 31], а в «Памяти и похвале» Иакова Мниха прокламируется: «Оле чудо! Яко 2-й Иерусалим на земли явился Киев» [19, с. 74].

Известны и менее очевидные литературные параллели. Сошлемся на наблюдение В. Рычки, что в «Хронике Амартола», которой активно пользовался составитель «Повести временных лет», «матерью городов» назван именно Иерусалим [40, с. 144]². Кроме того, Иерусалим фигурирует как «городам мати» в ряде позднейших памятников со спорной датировкой – «Повести о Волоте Волоотовиче» и «Голубиной книге», которые, по-видимому, отражают некие архаичные слои народного сознания [13, с. 139]. Не менее интересно, что в «Повести о Волоте Волоотовиче» говорится о том, что «церковь иерусалимская всем церквам мати»; данные представления были распространены и в XVII в. [36, с. 48, 52]. На этом фоне характерно, что документальные памятники XV в. (акты, связанные с поставлением в митрополиты Григория Цамблака (1415 г.), грамота киевского князя Олелька митрополиту Исидору (1441 г.)), а также новгородские летописи называют киевскую Святую Софию «матерью/главой всем русским церквам» [3, с. 33; 15, с. 179; 46, отд. 1, с. 33]³.

Трудно сказать, насколько подобные представления были связаны с идеологемой «Киев – второй Иерусалим», которая сама по себе сравнительно недавно стала объектом исследовательского интереса. Заслуживает внимания, что эта идея пережила нечто вроде второго рождения в начале XVII в. в связи с поставлением киевского митрополита и епископата иерусалимским патриархом Феофаном (1620 г.). Элементом вызванного этим событием интеллектуального подъема и стало муссирование представлений о тесной связи между Киевом и Иерусалимом, порой воплощавшихся в формуле «Киев – второй Иерусалим» [60, р. 263–264; 45, с. 259–268; 85, с. 246–271].

² Другой исследователь данной проблемы, И. Данилевский, также усматривает в именовании Киева «матерью градом русским» сравнение с Иерусалимом, однако выводит его из другого источника «Повести временных лет» – «Жития Василия Нового» [13, с. 139–140].

³ Эти представления репродуцировались и в более позднее время – например, в XVII в. [9, с. 547].

В контексте анализа этой формулы на рубеже 1990–2000-х гг. была высказана идея о применении к Киеву определения «богоспасаемый»/«богохранимый» как маркере его сакрального статуса [56, с. 52–75; 57, с. 296–330]; она до сих пор ретранслируется в специальной литературе [6, с. 93; 61, с. 122, прим. 75; 84, с. 39]. Автор данной концепции Н. Яковенко уверенно декларировала, что «такая словесная формула появилась не ранее второй половины XVI в.» [56, с. 53; 57, с. 298]. При этом «точкой отсчета» исследовательница сочла приписку к тексту Патерика в редакции 1554 г. («написана бысть сия книга <...> у богоспасаемом граде Киеве» [2, с. 193]), настаивая на том, что во 2-й Касьяновской редакции Патерика (1462 г.) Киев якобы называется только «стольным», «славным», «богоименитым». Это достаточно странно, если принять во внимание, что на той же странице издания Патерика Д. Абрамовичем, на которую ссылается исследовательница, подан (правда, петитом в подстрочной сноске) текст приписки к его 2-й Касьяновской редакции по трем спискам конца XV – XVI в.: «Написана бысть книга сия <...> повелением смиренноинока Касияна, уставника печерьскаго, в лето 6970 <...> в богоспасаемем граде Киеве» [2, с. 193, прим. 1; см. также: 1, с. 88, прим. 104]. Параллельно в той же редакции памятника находим «Похвалу преподобному отцю нашему Феодосию, игумену печерьскому, иже есть в богоспасаемом граде Киеве» [2, с. 86]. Кроме того, определение Киева как «богоспасаемого града» находится и в 1-й Касьяновской редакции Патерика (1460 р.): «Написаны же быша книги сия <...> в лето 6968 <...> в богоспасаемом граде Киеве» [1, с. 72]. С патериковой терминологией коррелирует и определение Киева как «богоспасаемого града» в «Хожении» монаха Варсонофия (1461–1462 гг.) [26, с. 162].

Впрочем, все приведенные выше упоминания, в сущности, не имеют принципиального значения, поскольку ко времени появления процитированных литературных произведений Киев по крайней мере несколько столетий именовался «богоспасаемым»/«богохранимым» городом. Именно так называл его в середине XI в. митрополит Иларион («священ бых и настолован в велицем и богохранимом граде Кыеве <...> в лето 6559» [48, с. 200]), и тогда же, в середине XI в., была создана служба на освящение киевской церкви Св. Георгия, где стольный град Древней Руси упоминается как «матерь градом, Богом спасены Киев» [55, с. 461]. Параллельно специалистам хорошо известно то, как обращался в 1262 г. к митрополиту Кириллу, посылая ему Кормчую книгу, болгарский деспот Яков-Святослав: «Преосвященному архиепископу Кирилу

преславного града Киева, учителю же всеи Руси и светилника церквам богоспасенного града Киева» [53, с. 140].

Последний пример заслуживает особого внимания. Из него, в первую очередь, следует, что термины «преславный» и «богоспасенный» выступали как взаимозаменяемые (что, кстати, фиксирует и лексика Илариона, называвшего Киев «славным» и «всеславным» [16, с. 31]); соответственно, нет смысла выяснять, когда второй сменяет первый (к чему стремится Н. Яковенко, ссылаясь на «крайне ограниченное количество письменных памятников XV – середины XVI в.», которое «не позволяет наверняка установить, когда и где Киев впервые превратился из «славного» и «стольного» в «богоспасаемый» [56, с. 53; 57, с. 298]). Во-вторых, заслуживает внимания запись в Рязанской Кормчей 1284 г., протографом которой послужила Кормчая 1262 г. В этой записи, созданной на основе послания Якова-Святослава митрополиту Кириллу, Киев назван лишь «преславным градом», тогда как владыка Иосиф, который инициировал переписку Кормчей, титулуется «священным епископом богоспасенное области Рязаньские» [49, с. 136; 53, с. 140–152]. Это наглядно демонстрирует, что термин «богоспасаемый» уже в XIII столетии не имел, так сказать, эксклюзивного характера; а в XIV–XVII вв. его носителями выступают не только такие города как Тверь [44, с. 65; 25, с. 321], Новгород, Псков [42, с. 193; 8, с. 97], Москва [42, с. 343], Вильно [11, с. 159–160; 35, с. 5], Слуцк [27, с. 62; 22, с. 43; 61, с. 122], но и менее заметные Переяславль-Залесский [49, с. 323–324], Коломна [8, с. 104], Углич [20, с. 1857, прим. 7]. Из украинских городов одним из первых начинает упоминаться как «богом спасаемый» Луцк, который фиксируется с этим определением по крайней мере с 1429 г. [54, с. 114; 18, с. 262, 264; 8, с. 118]. Эту традицию именованья можно было бы удлинить на столетие, основываясь на дарственной князя Любарта церкви Иоанна Богослова (1321 г.), где «богоспасаемыми» названы Луцк и Острог [15, с. 175], если бы не сомнительный характер данного документа [51, с. 250–254; 52, с. 177–181]; впрочем, в период создания этой подделки (рубеж XVI–XVII вв.) такое титулование Острога фиксируется в источниках (в частности, в Острожской Библии [28, с. 172]).

Очевидно, что количество этих примеров можно существенно увеличить – однако куда более интересны случаи параллельного использования терминов «богоспасаемый»/«богохранимый» по отношению к Киеву и другим городам. В частности, о том, что данная терминология не считалась исключительным атрибутом Киева в XV–XVI вв., свидетельствуют записи копиистов 1-й Касьяновской редакции Патерика; имеем в виду

списки, сделанные в 1462 г. «в богоспасаемем граде Москве» и в 1554 г. «в богоспасаемем в Великом Новеграде» [1, с. 78, 87 (прим. 101)]. Не менее показательно и оперирование указанными дефинициями печерским архимандритом Иосифом Тризной: в его редакции Патерика упоминаются как «богохранимый град Киев», так и «богохранимый град Чернигов» [29, с. 172, 232]. Еще более характерный параллелизм демонстрирует грамота иерусалимского патриарха Феофана от 9 мая 1620 г., где фигурируют «богоспасаемые» Киев, Вильно и Могилев [47, с. 57, 59, 60, 61]. Очевидно, что если разуметь этот термин как «претенциозную метафору из арсенала «имперской» византийской лексики» [56, с. 53; 57, с. 298–299], то на него уж никак не мог бы претендовать провинциальный Могилев (хотя с этим наверняка не согласились бы местные патриоты, один из которых, Трофим Сурга, в конце XVII ст. занес в свою хронику такое двустипшие: «Богом спасаемый сей град Могилев / Праотец и отец Яфетовых сынов» [30, с. 240]). Фактически же мы наблюдаем полное «равноправие» носителей этой терминологии, которая свидетельствует, что калькированное с греческого языка определение «богоспасаемый», распространившись на Руси, довольно быстро утратило свою «претенциозность», превратившись в нечто вроде этикетной формулы⁴. В ее использовании не было определенной системы, хотя наиболее часто она встречается в памятниках, написанных возвышенным, торжественным слогом. Но, думается, некорректно рассматривать данное клише как «индикатор» сакральности Киева. Куда более показательно в этом смысле именование города святым градом, которое встречается уже у Илариона [16, с. 31] и которое было самоочевидным в XVII в. [12, с. 156, 166; 5, с. 612, 613].

Возвращаясь к древнерусской эпохе и к роли Киева в жизни тогдашнего общества, отметим, что переломным моментом стал для него 1240 г., когда город опустошили монголы. При этом изменения, привнесенные иноземным нашествием, оказались настолько глубокими, что вскоре Киев перестал быть не только столицей Древнерусского государства (как его в 1240-е гг. характеризовал папский нунций Плато Карпини [83, с. 67]), но и княжеской резиденцией.

Не менее важным является то, что на рубеже XIII–XIV вв. Киев покинул митрополит – или, как отмечал в этой связи летописец, «не терпя татарского насилья, оставя митрополью и збежа ис Киева, и весь

⁴ Такой же характер имело определение «славный»; известны даже пародии писцов, работавших в конце XVI в. в «неславнем граде Тернополи» и «неславнем граде Маначине» [11, с. 147].

Киевь розбежался» [82, ст. 485]. Традиционно считается, что упоминание о «татарском насилье» было лишь способом оправдания неприглядного поведения митрополита Максима, который перенес свою резиденцию во Владимир-на-Клязьме. Однако исследования последних десятилетий показали, что на исходе 1290-х гг. ситуация в Южной Руси на самом деле была весьма напряженной из-за конфликта между монгольскими правителями Токтой и Ногаем [80, с. 21, 35–36]. Как бы там ни было, фактом является то, что на рубеже XIII–XIV вв. Киев фактически оставила как светская, так и церковная верхушка; не удивительно, что полстолетия спустя он почти незаметно перешел в руки литовцев, которые утвердились тут на целых 200 лет. При этом Киев продолжал считаться на Руси «главным среди прочих крепостей и земель» [31, с. 96]. Роль города как религиозного центра подчеркивал Себастьян Клёнович в поэме «Роксолания», сопоставляя его с Римом [24, с. 71]. Так что средневековая история Киева не может служить иллюстрацией известного парафраза «*Sic transit gloria urbis*».

Сохранение и бытование указанных представлений тем более впечатляет, если принять во внимание партикуляризацию интересов отдельных русских земель, под знаком которой прошел весь XIV в. В силу данного фактора за все это столетие мы практически не имеем репрезентативных известий о Киеве в северо-восточном летописании. Однако не следует игнорировать специфику средневекового мышления как по самой своей природе традиционного, ориентированного на «старину» и обычаи предков; с другой стороны, не следует забывать, что любой летописный свод, составлявшийся в Северо-Восточной Руси, имел своей отправной точкой «Повесть временных лет», где, как уже отмечалось, был акцентирован статус Киева как «матери градом русьским» и места, осененного божественной благодатью.

Это, впрочем, не означает, что у Киева не было соперников. Исключительный интерес в этом смысле представляет рассказ Рогожского летописца о передаче Владимира-на-Клязьме литовскому князю Свидригайло, бежавшему из Литвы в 1408 г. По словам летописца (вероятно, тверича по происхождению), осуждавшего пожалование этого города литовцу великим князем московским Василием I, «многославный Володимерь есть стол земля Русскыя и град Пречистыя Богоматери <...> И такового града не помиловавше москвичи, вдаша в одръжание ляхови <...> Во дни наша несть было, ни от древних слышано, иже толико градов дати пришелцю князю в землю нашу, наипаче же и стол Русскыя земля, многославный Володимерь, мати градом» [41, ст. 181].

Показательно, что в этом фрагменте к Владимиру прилагаются все сугобо «киевские» определения⁵ (напомним, что Киев считался и городом, находящимся под особым заступничеством Богородицы, чье изображение украшало апсиду Софийского собора; известен даже патериковый рассказ «о богоизбранней церкви богородичине», где повествуется о желании Богородицы, высказанном греческим мастерам, сделать Киево-Печерский монастырь местом своего постоянного пребывания [2, с. 6]⁶). Однако в дальнейшем указанная традиция именованья не получила развития. Росла мощь Москвы, отодвигая в тень все прочие русские города. Москва также нуждалась в каких-то свидетельствах небесного заступничества, определенных предначертаниях ее исторической судьбы. При этом в принципе существовала возможность использования московскими книжниками модели, имевшейся в «Повести временных лет».

В XVII в. этой моделью, например, воспользовался автор так называемой Могилевской хроники, отметив, что, освятив своим присутствием киевские горы, апостол Андрей двинулся дальше на север вдоль Днепра, побывав и на том месте, где со временем возник Могилев [30, с. 239]. К тому же летописному сюжету восходит фрагмент «Истории русов», где говорится, что «сей же апостол рекою Десною был тогда и в Новгороде Северском, благовестил Евангелие и почудился употреблению тамошним народом бань своих» [21, с. 4]; как видим, для книжника не составляло труда переосмыслить рассказ, относящийся к Новгороду Великому (там, в свою очередь, он обогатился легендой о жезле апостола Андрея в Грузино [34, с. 524–525])⁷.

⁵ Характерна и позиция дьякона Троице-Сергиевого монастыря Зосимы, который в 1419 г. упоминал о величии Киева в прошедшем времени: «Потщахся постигнути славный град Киев, иже бе мати и глава всем градовомь рускимь» [26, с. 120]. Сам факт изменения статуса Киева объяснялся в позднейшей традиции как Божья кара: Господь «от Киева начальство на Владимир преведе», «вещей предложением [т.е. изменением существующих порядков] прегрешение показуя» [34, с. 486, 488].

⁶ Возможно, однако, что подобная трактовка текста Патерика является несколько «прямолинейной»; по мнению М. Плехановой, речь шла, скорее, о появлении в храме, который должны были соорудить греческие мастера, иконы Богородицы [37, с. 43, 246–247]; такое понимание текста, в известной мере, коррелирует с мнением анонимного автора «Хожения в Царьград» (рубеж XIII–XIV вв.), что именно «икона посылала мастера на Киев ставити церкви Печерьска во имя Святыа Богородица» [26, с. 82].

⁷ Отметим и позднее «дополнение» к киевскому эпизоду страстий апостола Андрея – легенду о том, что море, некогда окружавшее Киев, отступило после того, как святой водрузил крест на горе, получившей название Андреевской [10, с. 205]. Эту традицию можно было бы проигнорировать, если бы не зафиксированные в Киеве середины XVII в. представления о том, что Черное море «покрывало когда-то все эти равнины» [79, с. 33–34].

Однако московские книжники решили не идти *per pedes apostolorum* и в известном смысле дистанцировались от фигуры апостола Андрея (тогда как, например, в поздней, XVII столетия, киевской традиции его историческая роль была гипертрофирована: он трансформировался в первого крестителя Руси). Показательно, что, если в записи в знаменитом Сийском Евангелии, где говорится о святителях, которыми «похваляются» разные земли, Андрей фигурирует как покровитель Руси (1339 г.) [49, с. 238]⁸, то в более поздних памятниках московской книжности, в частности, в «Житии» Стефана Пермского (рубеж XIV–XV вв.) и в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» (конец XIV – середина XV в.), апостолом Андреем хвалится Поморье (т.е. Причерноморье, поскольку считалось, что он проповедовал в Херсонесе и Синопе) либо Греческая земля [16, с. 153, 157]; рядом с ним появляется креститель Руси Владимир, а Москву представляет «новый чудотворец» Петр, т.е. митрополит, который около 1325 г. перенес свою резиденцию из Владимира в Москву и был канонизирован непосредственно после смерти, в 1327 г.

Вполне очевидно, что эта канонизация имела идеологический подтекст, поскольку перемещение митрополичьей кафедры в Москву существенно повышало как статус города, так и шансы местных князей в борьбе за политическую гегемонию на Руси. Этому же первому московскому святому было приписано и пророчество о славной будущности Москвы. Как зафиксировано в житии митрополита, он настаивал на сооружении Иваном Калитой Успенского собора, убеждая его: «Аще мене, сыну, послушаеши и храм Пресвятое Богородици въздвигнеши въ своем граде, и самъ прославившиися паче инех князий, и сынове, и внуци твои в роды, и град съй славен будет в всех градах русских, и святители поживуть в нем, възыдут руки его на плеща враг его, и прославиться Бог в немъ» [38, с. 430].

По форме это пророчество несколько напоминает летописные предсказания о судьбе Киева⁹, хоть и не содержит прямого вызова «матери

⁸ Эта запись является парафразом фрагмента Иларионового «Слова о законе и благодати» [ср.: 16, с. 30].

⁹ По крайней мере, они возникли в рамках единого культурного кода – чего нельзя сказать, например, о пророчестве относительно судьбы Вильно. В белорусско-литовских летописях повествуется о том, что Гедимин увидел во сне железного волка, «а в нем ревет, как бы сто волков выло»; как объяснил князю его «наивышши ворожбит» Лиздейко, «волк железный знаменует – город столечный тут будет, а што в нем унутри ревет, то слава его будет слынути на весь свет» [30, с. 96, 153, 180–181, 201, 222; 63, с. 495–515].

градом русьским». Характерно, что и использование этой метафоры применительно к Москве отмечается в русских источниках достаточно поздно: спорадически – с середины XVI в. [17, с. 211], более интенсивно – с начала следующего столетия (по нашим наблюдениям, первым из книжников, активно ею оперировавших, был Иван Тимофеев [7, с. 83, 95, 127, 143, 253, 267 и т.д.]); тогда же, в XVII в., появляются и легендарные сказания о начале Москвы, где, по сути, отсутствуют киевские мотивы¹⁰. Немаловажно также то, что и с точки зрения архитектоники Москва не дублировала Киев – в отличие от того же Владимира, который моделировался сыном Юрия Долгорукого, Андреем Боголюбским, как соперник Киева.

Это соперничество проявлялось не только в создании архитектурных аналогов (ими, в частности, были владимирские Золотые Ворота и загородная резиденция Боголюбово, копировавшая киевский Вышгород; характерно и то, что возведенный при Андрее по образцу киевской Десятинной церкви Успенский собор на несколько метров превышал Святую Софию). Иным выражением этих амбиций было стремление создать параллельную митрополичью кафедру (что, как известно, удалось московским правителям – тогда как Боголюбский потерпел поражение ввиду сопротивления патриархии¹¹), а также шаги по десакрализации Киева. Боголюбский не только вывез из Вышгорода византийскую икону, известную ныне как икона Владимирской Богоматери, но и, что гораздо существенней, разгромил и разграбил Киев в 1169 г. [58, р. 21–60].

К аналогичным действиям в 1480-е гг. прибег и великий князь московский Иван III, использовав как свое орудие крымского хана Менгли-Гирея. Подстрекаемые московским правителем татары 1 сентября 1482 г. напали на Киев и полностью опустошили город [58, р. 103–115; 43, с. 143–147]. Масштаб этой трагедии был настолько значителен, что о ней вспоминали десятилетия спустя (в рукописной «Христианской то-

¹⁰ Имеем в виду такие произведения как «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», «Сказание о зачатии Москвы и Крутицкой епископии», «Повесть о зачале Москвы» (относительно последней см. комментарий: [37, с. 157–163]). Правда, Н. М. Карамзин ссылался на «сказку, что Олег на пути своем в Киев построил Москву» [23, с. 247, прим. 292]. Однако это неточный пересказ летописного предания (см. его текст: [32, с. 259]).

¹¹ Правда, по верному замечанию Б. Успенского, строительство Владимира как второго Киева, обусловленное желанием Боголюбского основать в нем митрополию, создало предпосылки для переноса туда резиденции митрополита после Батыева нашествия [50, с. 326].

пографии» Козьмы Индикоплова из собрания Супрасльского монастыря имеется запись: «А как Киев был изжог Менгирей, тому 73 лета» [14, с. 102]). При этом в татарском плену оказались как киевский воевода с семьей, так и печерский игумен; сам Печерский монастырь был разграблен – татары «все святые книги и иконы пожгоша»; некоторые из монахов, пытаясь спастись, «бежали в пещеру и там задохшася». Характерно, что в знак исполнения своих союзнических обязательств крымский хан отправил Ивану III золотые потир и дискос из оскверненной татарами Святой Софии – и то, что этот дар был принят, нельзя расценить иначе, как святотатство.

Безусловно, опустошение Киева в 1482 г. было явлением экстраординарным. Однако некоторые шаги в направлении десакрализации города можно отметить и в предшествующее время. Известно, например, что, переселившись в Москву, общерусские митрополиты периодически навещали в Киев, вывозя при этом книги, церковную утварь и т.д. Эта практика нашла своего критика в лице великого князя литовского Витовта, который в 1415 г., настаивая на необходимости избрания отдельного митрополита для православных епархий Литовского государства, отмечал, что московские митрополиты «всю честь церковную Киевское митропольи инде относили» [3, с. 36].

Несомненно, значительную часть этой «честь» составляли книжные богатства. Сохранилась эта тенденция и после фактической ликвидации единства Киевской митрополии: в одной из редакций Кормчей Вассиана Патрикеева содержится ссылка на «Правила» чернигово-брянского епископа Евфимия, «что вывез их из Брянска с собою» в 1464 г., когда отказался признавать духовный авторитет проуниатского митрополита Григория Болгарина и эмигрировал в Москву, где получил суздальскую епархию [28, с. 64].

В итоге в XVI в. «киевский летописец» (использованный, кстати, в 1415 г. для обоснования прав Григория Цамблака на митрополию) имелся даже в библиотеке литовского канцлера Альбрехта Гаштольда [62, р. 13, 20], тогда как в Киево-Печерском монастыре отсутствовали не только древнерусские летописи, но и «Житие» его основателя Антония, на поиски которого в 1561 г. отправился в Москву иеродиакон Исайя Каменчанин, связанный с виленскими учеными кругами.

В контексте разорения Киева в 1482 г. большой интерес представляет один малоизвестный исторический документ – помянник, или синодик, Печерского монастыря, воссозданный монахами после того, как предыдущий «изгорел пленением киевским безбожного царя Менкирея

[Менгли-Гирея] и с погаными агаряны» [66, с. 1–2]. В нем мы находим не только поминания многочисленных московских вельмож, но и запись о том, что «князь великий Иоанн Васильевич Московский вписал род свои» в этот синодик – что заслуживает особенного внимания, если учесть, что речь тут идет о том самом Иване III, который несколько ранее инициировал разгром татарами Киева, приведший к опустошению Печерского монастыря! Более того, после включения Северщины в состав Русского государства вследствие московско-литовской войны 1500–1503 гг. ее правящие круги выступили в защиту имущественных интересов двух киевских монастырей, Печерского и Никольского Пустынского, имевших угодья на захваченной Иваном III территории; получив специальные царские грамоты, монахи этих монастырей вплоть до конца XVI в. собирали дань со своих владений в «Московщине» [77, с. 17–22].

Соответственно, нет оснований доверять автору широко известного трактата «О нравах татар, литовцев и москвитян» Михалону Литвину, который в середине XVI ст. утверждал, что московский князь «собирает ежегодно значительные доходы с тех владений этого [Печерского] монастыря, которые отошли к нему» и «не спешит возвратить их» [31, с. 102]. Очевидно, в данном фрагменте Литвин не столько заботился о достоверности своего повествования, сколько стремился представить в невыгодном свете Ивана IV. Характеризуя его отношение к Киеву, Литвин отмечал, что московский правитель «всеми силами желает овладеть этим городом, который по сердцу ему, утверждая, что он – потомок Владимира, киевского князя. Немало печалятся и люди его, что не владеют столь древней столицей царей и святынями ее» [31, с. 102].

Данное наблюдение литовского публициста вполне справедливо – и наилучшим тому подтверждением могут служить слова одного из книжников времен Ивана Грозного, сделавшего к своему тексту приписку: «Да видети бы нам государя на Киеве, православного царя, великого князя Ивана Васильевича всяя Руси!» [81, с. 315]. Действительно, Иван IV претендовал на контроль над Киевом и всеми древнерусскими землями, ссылаясь на прямую династическую связь с киевскими Рюриковичами, чьи владения он считал своей наследственной «отчиной». Не менее существенным было и отмеченное Литвином желание московских правящих кругов овладеть киевскими святынями.

Москву стремились окружить аурой православной святости; это желание актуализировалось претензиями Москвы на духовное лидерство в православном мире после падения Константинополя (1453 г.). На реали-

зацию этой цели было направлено, в частности, активное аккумулирование в Москве православных реликвий – прежде всего, святых мощей. Так, Иван IV перенес в Москву из отвоеванного у Литвы Чернигова останки страстотерпцев за веру – св. Михаила Черниговского и его боярина Федора. В Киеве же, как известно, сохранялись не только такие драгоценные реликвии, как мощи великомученицы Варвары, но и нетленные останки печерских святых, которые глубоко почитались на Руси.

Резюмируя, можно отметить, что отношение московских правящих кругов к Киеву было двойственным. С одной стороны, им бы хотелось вытеснить его из общественного сознания, минимизировать его духовный авторитет. С другой стороны, они базировали свою внешнеполитическую программу на акцентировании роли Киева в жизни древнерусских земель – на том, что в прежние времена, как говорил Иван IV, «и Вилна была, и Подольская земля, и Галицкая земля, и Волынская земля вся к Киеву» [78, с. 172]¹². В противовес этим воззрениям в Польше в XVI в. была разработана своя реституционная теория, также основанная на утверждении, что Киев является «caput terrarum Russiae, Podoliae et Volinia» [76, s. 310, 312].

Не менее важен был Киев и с точки зрения претензий великих московских князей на царский титул, который употреблялся sporadически вплоть до его официального принятия Иваном IV в 1547 г. Основу этих претензий составляло утверждение, что предок Рюриковичей киевский князь Владимир Мономах якобы получил царские регалии из Византии; однако польско-литовская сторона настаивала на том, что, поскольку Киев принадлежит Литве, «никому бы тым именем и титулом царства киевского не было пристойно писатися – одно его королевской милости, а не великому князю московскому» (1548 г.) [69, с. 51]. Соответственно, лишь овладение Киевом могло окончательно «убедить» правящие круги Литвы и Польши в законности царского титула великих московских князей. Однако в XVI в. успехов в этом направлении московские правители не добились – даже захватив в начале столетия такой важный в военно-стратегическом отношении плацдарм, как Северщина.

В этой связи уместно вспомнить, что важное стратегическое положение самого Киева также нашло отражение в его дефинициях. Укажем хотя бы на фигурирующую в материалах Люблинского сейма метафору

¹² На этом фоне не может не вызывать удивление позиция Э. Кинана, утверждавшего, что, ссылаясь на «отчину» своих предков, правители Московии имели в виду «прежде всего, московских великих князей, а не древних киевских» [65, с. 18–19].

«Киев – ворота государства» [73, с. 403], которая, впрочем, применялась не только к «славному замку Киеву», но и к его «пригородкам» Черкассам и Каневу, которые тоже считались «воротами всего панства» [4, с. 173–174 (1526 г.); 70, s. 162–166, 170 (1553 г.)]. Данное определение Киева встречается в материалах сейма наряду с образом города как «сторожевой башни» Речи Посполитой [73, с. 403]. Это сопоставление, впрочем, не получило широкого распространения – не в последнюю очередь, потому, что не имело каких-либо политических «перспектив»; однако его отзвуки встречаются в источниках. Достаточно вспомнить цитируемую Михалом Литвином «народную поговорку роксоланов»: «С киевских холмов можно видеть многие другие места» [31, с. 96]. С ним же отчетливо перекликаются слова из «Задонщины» («Взйдем на горы киевския и посмотрим славного [Д]непра, и посмотрим по всей земли Русской») [74, с. 7], а также слова, якобы адресованные крымским ханом польскому королю: «Поднявшись на киевские горы, я бы одним глазом смотрел оттуда на свой Бахчисарай, а другим – на твой Краков» [68, с. 108]. Стоит вспомнить и зафиксированное Петром Могилой чудесное прозрение князя Курцевича на киевской горе Уздыхальнице, откуда он увидел все, «далече сущая» [75, с. 70].

Возможно, неудачи Москвы в овладении Киевом привели к появлению компромиссной теории, согласно которой Москва не только воплощает киевское наследие, но и является вторым Киевом. Необходимо отметить, что манифестации этой теории минимальны, так что даже такой компетентный исследователь как Чарльз Гальперин в одной из своих публикаций заметил, что данная идея никогда не была высказана эксплицитно [64, p. 320]. Однако это не совсем так – в чем нас убеждает текст «Казанской истории» с ее полными воодушевления строчками: «Воссиял ныне стольный и преславный град Москва, яко второй Киев <...> и третий новый великий Рим, провозсиявший в последние лета, яко великое солнце в велицей нашей Русской земли» [71, с. 57; 59, p. 114–117, 130, 289]. Как видим, в этом небольшом фрагменте «сосуществуют» две идеи *translatio*: «Москва – второй Киев» и «Москва – третий Рим».

Последняя идея, сформулированная в 20-е гг. XVI в. псковским монахом Филофеем, пользуется наибольшим «успехом» среди специалистов. Однако на самом деле в XVI–XVII ст. российский мессианизм прокламировался через ряд аналогичных идей, к числу которых принадлежали еще и такие как «Москва – второй Константинополь» (встречается уже в «Изложении пасхалии» митрополита Зосимы) и «Москва – второй Израиль/Иерусалим» [72, p. 591–614; 67, с. 817–832]. При этом ни одна

из указанных идей не была доминирующей (например, патриарх Никон негативно расценивал отождествление Москвы с третьим Римом и отдавал предпочтение видению Москвы как второго Иерусалима – патриарху, в частности, строительство Ново-Иерусалимского монастыря).

Для нас принципиально то, что к кругу этих идей принадлежали и представления о духовном тождестве Москвы и Киева, священного города восточного славянства; фундамент этих представлений составляли как перенесение митрополичьей резиденции из Киева в Москву, так и родовая преемственность Рюриковичей. Возникнув в XV–XVI вв., эти идеи глубоко воздействовали на общественное сознание и сформировали немало культурных стереотипов; однако ни книжники, ни политики так и не преодолели барьер, пролежавший между их теоретическими конструкциями и реальностью существования города, который им хотелось превратить в тень прошлого.

Список литературы

1. Абрамович, Д. И. Исследование о Киево-Печерском Патерике как историко-литературном памятнике / Д. И. Абрамович. – СПб., 1902.
2. Абрамович, Д. Киево-Печерський Патерик: (Вступ. Текст. Примітки) / Д. Абрамович. – Київ, 1930.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России. – Т. 1. – СПб., 1846.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России. – Т. 2. – СПб., 1848.
5. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. – Т. 10. – СПб., 1878.
6. Булкина, И. Киевский текст в русском романтизме: проблемы типологии / И. Булкина // Лотмановский сборник. – Вып. 3. – М., 2004. – С. 93–104.
7. Временник Ивана Тимофеева. – М.; Л., 1951.
8. Гальченко, М. Г. Записи писцов в датированных древнерусских рукописях XIII–XV вв. / М. Г. Гальченко // *Palaeoslavica*. – Vol. 11. – 2003. – С. 68–141.
9. Голубев, С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники: Опыт исторического исследования / С. Т. Голубев. – Т. 1. – Киев, 1883.
10. Грушевський, М. С. Історія української літератури / М. С. Грушевський. – Т. 4. – Кн. 2. – Київ, 1994.
11. Грушевський, М. С. Історія української літератури / М. С. Грушевський. – Т. 5. – Кн. 1– Київ, 1995.
12. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 40. – СПб., 2003.
13. Данилевский, И. Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? / И. Н. Данилевский // *Одиссей: Человек в истории*. 1998. – М., 1999. – С. 134–150.
14. Добрянский, Ф. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских / Ф. Добрянский. – Вильна, 1882.
15. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. – М., 1976.

16. Древняя русская литература: Хрестоматия. – М., 1980.
17. Емченко, Е. Б. «Царствующий град» в источниках XVI в. / Е. Б. Емченко // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Шапову. – М., 2005. – С. 208–219.
18. Запаско, Я. П. Пам'ятки книжкового мистецтва: Українська рукописна книга / Я. П. Запаско. – Львів, 1995.
19. Зимин, А. А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку / А. А. Зимин // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. – Вып. 37. – М., 1963. – С. 66–75.
20. Иконников, В. С. Опыт русской историографии / В. С. Иконников. – Т. 2. – Кн. 2. – Киев, 1908.
21. История русов или Малой России: Сочинение Георгия Кониского. – М., 1846.
22. Каталог колекції документів Київської археографічної комісії 1369–1899. – Київ, 1971.
23. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – Т. 1. – М., 1989.
24. Кльонович, С. Роксоланія / С. Кльонович. – Київ, 1987.
25. Клюг, Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.) / Э. Клюг. – Тверь, 1994.
26. Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV вв. – М., 1984.
27. Кобяк, Н. А. Кириллические рукописные книги XV–XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы / Н. А. Кобяк, Н. А. Морозова, А. А. Турилов // *Krakowsko-wileńskie studia slawistyczne*. – Т. 2. – Kraków, 1997. – С. 41–112.
28. Кукушкина, М. В. Книга в России в XVI веке / М. В. Кукушкина. – СПб., 1999.
29. Кучкин, В. А. Княжеский помянник в составе Киево-Печерского Патерики Иосифа Тризны / В. А. Кучкин // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 г. – М., 1997. – С. 166–233.
30. Летописи белорусско-литовские // Полное собрание русских летописей. – Т. 35. – М., 1980.
31. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. – М., 1994.
32. Повести о начале Москвы. – М.; Л., 1964.
33. Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века. – М., 1978
34. Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. – М., 1986.
35. Памятники полемической литературы в Западной Руси. – Кн. 1. – СПб., 1878.
36. Пелешенко, Ю. «Похвала Єрусалиму» Захарії Копистенського в контексті церковно-політичної ситуації в Україні у 20-х – 30-х роках XVII ст. / Ю. Пелешенко // *Jews and Slavs*. – Vol. 7. – Jerusalem; Kyiv, 2000. – С. 48–54.
37. Плюханова, М. Сюжеты и символы Московского царства / М. Плюханова. – СПб., 1995.

38. Прохоров, Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе / Г. М. Прохоров. – СПб., 2000.
39. Ранчин, А. М. О принципах герменевтического изучения древнерусской словесности / А. М. Ранчин // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – 2001. – № 2 (4). – С. 69–81.
40. Ричка, В. «Київ – Другий Єрусалим» / В. Ричка. – Київ, 2005.
41. Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. – Т. 15. – Вып. 1. – М., 1965.
42. Романова, А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. / А. А. Романова. – СПб., 2002.
43. Русина, О. Україна під татарами і Литвою / О. Русина. – Київ, 1998.
44. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. – Ч. 1. – М., 1986.
45. Сас, П. «Єрусалимська» ідея 1620-х років Іова Борецького / П. Сас // Україна крізь віки. – Київ, 2010. – С. 259–268.
46. Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. – Киев, 1874.
47. Сенченко, М. У пошуках істини, або ще раз про час заснування Київської братської школи / М. Сенченко, Н. Тер-Григорян-Дем'янюк // Київська старовина. – 1996. – № 6. – С. 56–61.
48. Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып. 1. – Л., 1987.
49. Столярова, Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков / Л. В. Столярова. – М., 2000.
50. Успенский, Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б. А. Успенский. – М., 1998.
51. Флоря, Б. Н. Две грамоты князя Любарта / Б. Н. Флоря // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. – М., 2000. – С. 250–254.
52. Флоря, Б. Н. О грамоте Любарта Гедиминовича луцкой епископской кафедре / Б. Н. Флоря // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову. – М., 2005. – С. 177–181.
53. Щапов, Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. / Я. Н. Щапов. – М., 1978.
54. Южнорусские грамоты, собранные Вл. Розовым. – Т. 1. – Киев, 1917.
55. Ягич, И. В. Служебные Миней за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1096 гг. / И. В. Ягич. – СПб., 1886.
56. Яковенко, Н. Символ «Богохранимого града» у київській пропаганді 1620–1640-х років / Н. Яковенко // Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей. – Т. 4. – Київ, 1995. – С. 52–75.
57. Яковенко, Н. Паралельний світ: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. / Н. Яковенко. – Київ, 2002.
58. Pelenski, J. The Contest for the Legacy of Kievan Rus' / J. Pelenski. – New York, 1998.

59. Pelenski, J. *Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560-s)* / J. Pelenski. – The Hague; Paris, 1974.
60. Plokhyy, S. *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine* / S. Plokhyy. – New York, 2004.
61. Саганович, Г. Н. О некоторых сложностях выявления коллективных идентичностей в славянских землях ВКЛ: (Размышления после конференции) / Г. Н. Саганович // *Нарративы руси конца XV – середины XVIII в.: в поисках своей истории.* – М., 2018. – С. 103–125.
62. Gudmantas, K. *Alberto Goštauto biblioteka ir Lietuvos metraščiai* / K. Gudmantas // *Knygotyra.* – Т. 41. – Vilnius, 2003. – Р. 9–24.
63. Шляконите, Ю. Почему Гедиминасу приснился железный волк / Ю. Шляконите // *Балто-славянские исследования.* – Вып. 15. – М., 2002. – С. 495–515.
64. Halperin, C. J. *Kiev and Moscow: An Aspect of Early Muscovite Thought* / C. J. Halperin // *Russian History.* – 1980. – Vol. 7. – Pt. 3. – P. 312–321.
65. Кінан, Е. Російські історичні міти / Е. Кінан. – Київ, 2003.
66. Голубев, С. Т. Древний помяник Киево-Печерской Лавры (конца XV и начала XVI столетия) / С. Т. Голубев // *Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца.* – 1892. – Кн. 6. – Отд. 3. – Приложение. – XIV + 88 с.
67. Зуйков, В. В. Иерусалимская идея в Москве конца XV – начала XVI в. и церковь Вознесения Господня в Коломенском / В. В. Зуйков // *Герменевтика древнерусской литературы.* – Вып. 12. – М., 2005. – С. 817–832.
68. Івакін, Г. Ю. Історичний розвиток Києва XIII – середини XVI ст. / Г. Ю. Івакін. – Київ, 1996.
69. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). – М., 1843.
70. *Archiwum ksiąg Lubartowiczów Sanguszków.* – Т. 6. – Lwów, 1910.
71. *Казанская история.* – М.; Л., 1954.
72. Rowland, D. *Moscow – the Third Rome or the New Israel?* / D. Rowland // *Russian Review.* – Vol. 55. – № 4 (October 1996). – P. 591–614.
73. *Дневник Люблинского сейма 1569 года: Соединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским* / Изд. М. О. Коялович. – СПб., 1869.
74. *Сказания и повести о Куликовской битве.* – Л., 1982.
75. *Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною комиссиею для разбора древних актов.* – Ч. 1. – Т. 7. – Киев, 1887.
76. *Akta unji Polski z Litwą. 1385–1791.* – Kraków, 1932.
77. Русина, О. Українські реалії в літературному доробку Михалона Литвина / О. Русина // *Український історичний журнал.* – 2019. – № 1. – С. 4–24.
78. *Сборник императорского Русского исторического общества.* – Т. 71. – СПб., 1892.
79. Боплан, Г. Л. *Опис України* / Г. Л. Боплан. – Київ; Кембридж (Масс.), 1990.
80. Русина, О. *Студії з історії Києва та Київської землі* / О. Русина. – Київ, 2005.

-
81. Софийские летописи // Полное собрание русских летописей. – Т. 6. – СПб., 1853.
 82. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 1. – Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. – Л., 1927.
 83. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. – М., 1957.
 84. Опарина, Т. Тема крещения Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и ее рецепции в России в первой половине XVII века / Т. Опарина // Київська Академія. – Вип. 4. – Київ, 2007. – С. 30–58.
 85. Berezhnaya, L. Topography of Salvation: «The New Jerusalem» in Ruthenian Polemical Literature (End of the Sixteenth – Beginning of the Seventeenth Centuries) / L. Berezhnaya // Litauen und Ruthenien. – Wiesbaden, 2007. – S. 246–271.

НОВГОРОДСКАЯ ВЛАДЫЧНАЯ ЛЕТОПИСЬ КАК ИСТОЧНИК ЛЕТОПИСИ АВРААМКИ

В своих работах мы показали, что основными источниками Летописи Авраамки до 1309 года являются:

1. Свод середины 1460-х гг., который Я. С. Лурье считал Кирилло-Белозерским сводом 1472 года. Свод 1460-х гг. отразился также в Сохрощенных сводах, Ермолинской и Устюжской летописях.

2. Новгородская пятая летопись.

3. Краткий новгородский летописец в обработке¹, который отразился также в Рогожском летописце и летописном сборнике Троицкого собрания РГБ № 805 [3].

Если охарактеризовать работу составителя Летописи Авраамки со своими источниками, то можно сказать, что он использовал в основном два из них – Краткий новгородский летописец и Свод середины 1460-х гг. К тексту Новгородской пятой летописи он обращался довольно редко [4].

Однако Летопись Авраамки под 1169 годом содержит годовую статью, в которой рассказывается о походе 72 князей на Новгород, и которая не может полностью восходить к трем упомянутым выше летописным памятникам. Как показал в своей диссертации И. С. Агафонов, текст Летописи Авраамки в этой статье представляет из себя контаминированный текст Краткого новгородского летописца и Новгородской первой летописи младшего извода, в основе которой находится Новгородская владычная летопись [1, с. 73].

Приведем текст сюжета о походе на Новгород по Летописи Авраамки, полужирным шрифтом обозначив чтения, позаимствованные из Новгородской летописи младшего извода. Невыделенные фрагменты относятся к тексту Краткого новгородского летописца: «В лѣто 6677. Приидоша к Новугороду князь Романъ **Андрѣевичъ и Мьстиславъ съ смолянны, с рязанци, с торопьчаны, с переяславци, с ростовци, с муромци, с по-**

¹ В историографии считалось, что особая редакция Краткого Новгородского летописца, отразившаяся в Рогожском сборнике и Летописи Авраамки, представляет собой обработку Краткого Новгородского летописца «центральнорусским» летописцем, но, как мы показали в своей статье, это обработка была произведена с использованием Новгородской четвертой летописи [3 (в печати)].

лочаны, съ всѣми своими князми, и вся земля Руская, и бысть всѣх князей 72. Новгородци же сташа твердо о князи Романѣ Мьстиславичи, Изяславѣ внуцѣ, бяше бо дѣтескъ, и устроиша острогъ, а посадникъ Якунь; приидоша же ко Новгороду въ недѣлю, на съборъ, и създишася по 3 дни, а въ 4 день, въ среду, приступиша силою и бишася весь день до ноши, и пособи Богъ князю Роману Мьстиславичю с Новгородци, февраля 25, силою крестною и святою Богородицею и молитвами святого владыкы Ильи, овыхъ иссѣкоша, и инихъ руками изымаша. Тогда продааху суждалца по двѣ ногатѣ» [7, с. 45–46].

По мнению И. С. Агафонова, составитель Летописи Авраамки не мог воспользоваться Комиссионным списком Новгородской младшей летописи, по той причине, что «в Комиссионном читается «нѣ еще бо тогда дѣтескъ быше сыи», а все остальные списки младшего извода представляют чтение: «нѣ дѣтескъ бяше». Также исследователь заметил, что в Комиссионном списке читается *город* вместо *острога*, в отличие от других списков [1, с. 74].

Безусловно, эти отличия Комиссионного списка следует считать вторичными и относить их к особенностям самого списка. Наблюдения И. С. Агафонова дают нам право говорить о том, что заимствование в Летопись Авраамки происходило из Новгородской владычной летописи либо напрямую, либо из недошедшего до нас списка Новгородской первой летописи младшего извода,

В связи с вышеприведенными данными, следует рассмотреть еще один блок текстов, содержащийся в конвое Летописи Авраамки, который сближает ее с Новгородской первой летописью младшего извода.

Речь идет о нескольких списках-перечнях и историко-юридических статьях, которые включены как в Виленский список Летописи Авраамки, так и в Комиссионный список Новгородской первой летописи.

Но если весь блок текстов Летописи Авраамки находятся в последней части рукописи, то в Комиссионном списке они располагаются как перед текстом Новгородской владычной летописи, так и после летописного текста. Приведем их в таблице с указанием листов рукописей и с пояснениями об их месте в Комиссионном списке².

² В издании эти тексты напечатаны [5, с. 465–509; 7, с. 261–320].

Виленский список Летописи Авраамки	Комиссионный список Новгородской первой летописи младшего извода
Сице родове славятся великыи князи Рус- стии. л. 365.	Сице родословятся велицѣи князи русь- стии. л. 7 (1-й в начале).
А се имена всѣхъ сыновъ князеи Руских. л. 365–366.	Родословие тѣхъ же князеи. л. 7об. – л. 8 (2-й в начале).
Правило законно о церковныхъ людехъ и о десятинахъ и о мѣрѣлѣхъ градскихъ и о судѣхъ епископскихъ. л. 366 – л. 369об.	Правило законно о церковныхъ людѣхъ, и о десятинахъ, и о мирилѣхъ градскихъ, и о судѣхъ непископскихъ. л. 265 – л. 267 (1-й в конце).
Правило святыхъ отецъ 165 5-го собора, о обидящихъ церкви Божия и священныя власти ихъ. л. 369об. – л. 370об.	Правило святыхъ отецъ 165 5-го събора, о обидящихъ церкви Божия и священныя власти ихъ. л. 267 – л. 268 (2-й в конце).
Рукописание святого князя Володимира, крѣтившаго Рускую землю. л. 370об. – л. 372об.	Рукописание святого князя, крестившаго русскую землю. л. 268 – л. 269 (3-й в кон- це).
А се уставъ Ярославль суды святитель- ския. л. 372об. – л. 379.	А се уставъ Ярославль суды святитель- ския. л. 268 – л. 274об. (4-й в конце).
Уставъ великого князя Всеволода о цер- ковныхъ судѣхъ, и о людехъ, и о мѣрилахъ торговыхъ. л. 379 – л. 384об.	Уставъ великого князя Всеволода о цер- ковныхъ судѣхъ, и о людѣхъ, и о мѣрилахъ торговыхъ. л. 274 об. – л. 278 (5-й в конце).
Уставъ великого князя Ярослава. л. 384об. – л. 386.	Уставъ великого князя Ярослава л. 278об. – л. 279 об. (6-й в конце).
Правда Руская. л. 386 – л. 392об.	Правда Русьская. л. 279 – л. 284об. (7-й в конце).
Уставъ Володимировъ Всеволодича. л. 392об. – л. 416.	Уставъ Володимерь Всеволодовича л. 284 об. – л. 302 об. (8-й в конце).
А се уставъ Ярослава князя о мостехъ. л. 416 – л. 416об.	А се уставъ Ярослава князя о мостѣхъ. л. 302об. – л. 303об. (9-й в конце).
А се рукописание князя Всеволода. л. 416об. – л. 420.	А се рукописание князя Всеволода л. 303об. – л. 305об. (10-й в конце).
Сице родословятся велицѣи князѣ Рустѣи. л. 420 – л. 420об. (повтор).	Сице родословятся велицѣи князи русь- стии. л. 7. (1-й в начале).
Родословие тѣхъ же князѣи Рускихъ. л. 420об. – л. 421об. (повтор).	Родословие тѣхъ же князеи. л. 7об. – л. 8. (2-й в начале).
А се колико кто лѣтъ княжилъ. л. 421об. – л. 422об.	Кто колико княжилъ. л. 9 – л. 9об. (3-й в начале).
А се рустии князи. л. 422об. – л. 426об.	А се князи русьстии. л. 9об. – л. 13 (4-й в начале).
А се по святомъ крещении о княжении Къевьстемь. л. 426об. – л. 427об.	А се по святемъ крещении о княжении Ки- евьстемь. л. 13 – л. 13об. (5-й в начале).

Виленский список Летописи Авраамки	Комиссионный список Новгородской первой летописи младшего извода
А се князи Великого Новагорода. л. 427об. – л. 430об.	А се князи Великого Новагорода. л. 13об. – л. 15об. (6-й в начале).
Нет	А се посадници новгородстии. л. 15об. – л. 16об. (7-й в начале).
Нет	А се тысячьскыи новгородскыи. л. 18 (8-й в начале).
А се русые митрополити. л. 430 об.	А се русьстии митрополити. л. 19 (9-й в начале).
А се новгородчкыи епископы. л. 430об. – л. 434.	А се новгородскыи епископы, а се архиепископы. л. 19 об. – л. 21об. (10-й в начале).
Нет	А се архимандриты новгородскыи. л. 22 (11-й в начале).
Нет	А се имена всѣм градом рускым, далним и ближним. л. 22об. – л. 24об. (12-й в начале).

Из сравнительной таблицы видно, что, во-первых, некоторые списки-перечни отсутствуют в Летописи Авраамки: новгородские посадники, новгородские тысяцкие, архимандриты и список городов. У всех этих четырех списков-перечней из конвоя Новгородской первой летописи есть одна общая черта, которая их сближает: все они, в отличие от остальных списков-перечней, являются простым перечислением имен посадников, тысяцких, архимандритов или названий городов, без каких-либо подробностей. Остальные же (кроме имен митрополитов и «Родословия тѣх же князеи») не являются сухим перечислением личных имен и топонимов. Вполне возможно, что составитель Летописи Авраамки в конце своей работы по переписыванию списков-перечней различного содержания решил отказаться от четырех из них в связи с краткостью, но оставил перечень киевских митрополитов, так как собирался внести в свой сборник список новгородских епископов. В связи с этим у него в конце получилась некая логичная «симметрия» – список русских князей и новгородских князей, а также русских митрополитов и новгородских епископов.

Во-вторых, в Летописи Авраамки есть повтор двух списков-перечней. На л. 365 читается перечень князей, озаглавленный «Сице родове славятся великыи князи Рустии», где в подражание библейской структуре сообщается о рождении старшего сына князя без пояснений. Князья

в нем пронумерованы. Почти такой же текст читаем на листах л. 420 – л. 420об., но без нумерации. Этот список-перечень озаглавлен «Сице родословятся велицѣи князѣ Рустѣи». Также он называется и в Комиссионном списке. Текст Летописи Авраамки на л. 420 – л. 420об. очень близок к тому, что читается в Комиссионном списке. Он также содержит разные пояснения. Несмотря на большую близость второго списка-перечня Летописи Авраамки к списку-перечню Новгородской первой летописи, существуют разночтения, сближающие списки-перечни Летописи Авраамки между собой. И в первом, и во втором случае в Летописи Авраамки правильно указано, что Всеволод – отец Владимира Мономаха. В Комиссионном же списке читаем: «Всеволод роди Володимера, Володимеръ роди Мономаха».

Схожий сбой находится и в списке-перечне «Родословие тѣх же князей» Новгородской первой летописи. Мономах внезапно становится сыном Владимира.

В Летописи Авраамки на л. 420об. – л. 421об., как и в Комиссионном списке на л. 7об. – л. 8., находится таким же образом озаглавленный список-перечень «Родословия». Первый же вариант этого списка-перечня в Летописи Авраамки на л. 365 – л. 366 имеет другой титул: «А се имена всѣхъ сыновъ князей Рускихъ». В обоих списках-перечнях, которые читаются в Летописи Авраамки, ошибка Комиссионного списка о Мономахе отсутствует.

Как можно объяснить такое дублирование? Составитель Летописи Авраамки начал переписывать списки-перечни, немного их сокращая, однако после второго остановился и приступил к списыванию всего блока историко-юридических свидетельств. Переписав их, он снова взялся за списки-перечни князей и церковных лиц.

Вышеизложенные соображения ведут к следующим выводам. Наличие большого количества схожих списков-перечней в конвое Комиссионного списка Новгородской первой летописи младшего извода и Виленского списка Летописи Авраамки, содержащиеся в Комиссионном списке ошибки и вторичные чтения, отсутствие других новгородских летописей с подобным набором списков-перечней, тот факт, что Летопись Авраамки была создана в Новгороде в 1460-х гг., ведет к заключению, что составитель Летописи Авраамки использовал Новгородскую владычную летопись, в состав которой входили списки-перечни государственных лиц и церковных иерархов, а также историко-юридические документы, а не какой-либо список Новгородской первой летописи. В списках-перечнях Новгородской владычной летописи не было ошиб-

ки, связанной с именем Владимира Мономаха, именно поэтому ее и нет в дублированных списках-перечнях Летописи Авраамки

Важно отметить, что тексты конвоя Летописи Авраамки являются важнейшими наряду с Комиссионным списком Новгородской первой летописи для изучения как документов историко-юридической направленности, так и списков-перечней.

Близкий набор списков-перечней, но без историко-юридических статей, находим в конвое Тверского сборника 1530-х гг. В нем, как и в Летописи Авраамки, отсутствуют перечни посадников и тысяцких, а также русских митрополитов и новгородских епископов. Еще один список-перечень, который не читается в Тверском сборнике – «А се рустии князи» [6, с. 12–15].

Большую часть упомянутых списков-перечней находим и в конвое рукописи Синодального собрания ГИМ 154, 1480-х гг., которая содержит текст Псковской второй летописи и краткий вариант Летописи Авраамки. Правда, там тоже отсутствуют списки историко-юридического содержания, которые находятся в Комиссионном списке после летописного текста.

Вопрос о взаимоотношении списков в конвое всех четырех летописей требует дополнительного исследования.

Список литературы

1. Агафонов, И. С. Осада Новгорода в 1170 г. по письменным источникам / И. С. Агафонов. – Дис. ... канд. истор. наук. – М., 2015. – 164 с.
2. Бобров, А. Г., Введенский, А. М. Летопись Авраамки: Проблемы изучения / А. Г. Бобров, А. М. Введенский // Русская литература. – 2017. – № 4. – С. 126–143.
3. Введенский, А. М. О «центрально-русском» источнике Летописи Авраамки и Рогожского летописца / А. М. Введенский // *Rossica Antiqua*. – № 17 (2019) – СПб. [в печати].
4. Введенский, А. М. Текст Новгородской пятой летописи в составе Летописи Авраамки в повествовании до 1309 года / А. М. Введенский // *Rossica Antiqua*. – № 1/14 (2017). – СПб., 2017. – С. 3–22.
5. Полное собрание русских летописей. – Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М., 2000. – 390 с.
6. Полное собрание русских летописей. – Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. – М., 2000. – 540 с.
7. Полное собрание русских летописей. – Т. 16: Летопись Авраамки. – М., 2000. – 692 с.

**«ЛИТВИНЫ» И «ПАНЫ».
ВЫХОДЦЫ ИЗ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО НА МОСКОВСКОЙ СЛУЖБЕ
В XV–XVI СТОЛЕТИЯХ**

Территориальная близость и длительное соперничество между двумя соседними государственными образованиями – Великим княжеством Литовским и Московским государством, преемником великого княжества Владимирского, приводили к постоянным перемещениям внушительного числа лиц. Московская составляющая этого процесса была представлена значительно большим количеством примеров, что находит свое объяснение в более высокой степени развития служилого землевладения и служебных отношений на западнорусских землях. Выездам способствовало периодическое изменение зон влияния, когда в «ведении» московских князей оказывались территории, которые прежде не соотносились с Владимирским великим княжеством. Границы собственно Московского княжества регулярно расширялись в западном и южном направлениях, охватывая бывшие земли Смоленского и Черниговского княжеств. В зависимость от Москвы попадали местные владетельные князья и их бояре. Часть присоединенных территорий, где прежде находились собственные княжеские династии, переходила под прямое управление великокняжеской власти (например, Можайск).

По родословным данным, уже в начале XIV в. на службе у московских князей появились выходцы из Литвы (в более поздней версии «киевский вельможа») – легендарный Нестор Рябец, предок Квашниных, и Чернигова – Ф. Бяконт («от славных и нарочитых бояр литовских»), основатель нескольких фамилий, виднейшими из которых были Плещеевы [22, с. 247, 263]. Большое число «честных» мужей литовского происхождения числится среди предков менее знатных и выдающихся родов.

Московские примеры были далеко не уникальны. Проникновение на княжескую службу представителей боярства из западнорусских земель прослеживается и в других центрах власти Северо-Восточной Руси. Потомками выходцев из Литвы считали себя тверские бояре Борисовы-Бороздины (от Юрия Лазынича), Коробовы и их однородцы Спячевы,

Бабкины, Ендогуровы, Измайловы (от Марко Демидова), а также Свиязевы, Полукарповы и Рамейковы (от Яна Августовича). Из Чернигова выводили свое происхождение Шетневы и Садыковы. Семен Ковыла Вислый, предок Сунбуловых выехал из Литвы в Москву, а затем около 1371 г. отправился в Рязань [31, с. 261, 264, 268; 62, с. 156, 178, 182; 63, с. 193, 194, 205, 208, 209, 211, 212, 213, 215, 216, 241]. Значительная часть подобных «легенд» имела позднее происхождение и далеко не всегда отражала память о реальных событиях, имевших место несколько столетий назад. Тем не менее, очевидно, что выезды из Литвы, точнее, территорий, вошедших позднее в состав Великого княжества Литовского, действительно имели место.

«Западное» происхождение Бяконтовых подтверждается летописным рассказом о митрополите Алексее, сыне Ф. Бяконта, составленном на рубеже 70-х – 80-х гг. XIV в. Брянским боярином был прежде Александр Пересвет, а любутским – его «брат». Андрей Ослябя. Брянским боярином именовался также Софоний Рязанец, автор одного из произведений Куликовского цикла. Из Смоленска в свите княжны Феодосии выехал в Тверь в 1385 г. боярин Воронец [40, с. 13–20; 50, с. 183].

Усиление литовской и в меньшей степени московской экспансии и усугубляемое ими разорение пограничных независимых княжеств достаточно рано привело к выездам в Москву представителей нескольких княжеских династий, среди которых были наиболее многочисленными выходцы из разных ветвей смоленского княжеского дома. Большая их часть, потеряв княжеский титул и постепенно утратив связи с родовыми землями, влилась в состав московского боярства: Всеволожи-Заболоцкие, потомки князей Фоминских (Травины, Ржевские, Толбузины, Полевы и Еропкины), возможно, также Нетшичи. Впрочем «неудачное» расположение Смоленского княжества и его уделов на протяжении нескольких столетий способствовало постоянным перемещениям представителей местной знати. В начале XV в. на московской службе оказались князья Порховские и Липятины. Позднее уже в конце века – князья Кропоткины. Кроме Москвы и Вильно потомки смоленских князей были представлены также в Твери. Тверскими боярами стали Карповы и Бокеевы (из фоминских князей). Здесь же на положении служилых князей находились Селеховские [31, с. 264–265]. Князья Кропоткины и Селеховские на рубеже XV–XVI столетий получили поместья в Новгородской земле.

Определяться с выбором «сюзерена» должны были также многие из черниговских князей. Некоторые из них оказались в орбите московского

влияния. Не рассматривая примеры владетельных князей на московско-литовском пограничье, стоит отметить выезд на московскую службу князя И. Шонура Козельского и некоторых его близких родственников (Князь Юрий Козельский в 1408 г. был воеводой в Ржеве).

Большинство названных лиц кроме смоленских выходцев XV в. не были собственно литовскими подданными. Оказавшись в незавидном положении, они были вынуждены искать себе покровителей. Часть выбрала сторону Москвы (Твери), другие – предпочли литовских князей, которые стали верховными правителями на их землях.

Отметились в качестве служилых князей при московском дворе также князья Друцкие. Начиная с середины XIV в. практически в каждом поколении этого рода фиксируются выезды в Москву. Уже в 1339/40 г. князь И. Друцкий в составе объединенной армии князей Северо-Восточной Руси участвовал в походе на Смоленск. Ему принадлежало село возле Дмитрова, которое приобрел у него великий князь Семен Гордый. В последней четверти XIV в. при московском дворе находился уже князь Г. В. Друцкий, участник Куликовской битвы и последующего сражения под селом Лысково, в котором он сложил свою голову. В 1436 г. была отмечена служба Василию Темному князя И. С. Бабы Друцкого, который «урядил свои полки с копы по литовски». Несколько позднее, во второй трети XV в. в Москве действовали его родственники князья Александр Одинцевич и его сын Григорий. До поры до времени все эти появления Друцких на московской службе носили эпизодический характер. Их потомки по-прежнему связывали свои судьбы с виленским двором, сохраняя родовые земли в Друцке [42, с. 58–59].

Видное положение в Москве занимал князь Д. М. Боброк Волынский, который, судя по его фамилии, скорее всего, также был выходцем из Южной Руси. Его потомки перешли на положение бояр, утратив княжеский титул [22, с. 285–286; 41, с. 86–123].

Династические войны и ужесточение политической борьбы внутри Великого княжества Литовского приводили к выездам целых групп служилых людей. Многочисленной, видимо, была свита князя Андрея Ольгердовича, выехавшего в 1377/78 г. из Новгорода ко двору Дмитрия Донского. В 1379/80 г. он участвовал в походе на Стародуб и Трубчевск, в результате которого его брат Дмитрий «не стал на бой...», но выиде из града съ княгинею своею и з детми и с бояры своими и приеха на Москву въ рядь къ князю великому Дмитрею Ивановичю». Позднее оба брата вместе со своими дружинами принимали участие в Куликовской битве. Во время осады Москвы Тохтамышем обороной города руково-

дил Остей (князь Александр Федорович?), внук Ольгерда [50, с. 45, 73, 75]. Стоит заметить, что для наиболее значительных лиц, биографии которых можно проследить по упоминаниям в летописях, московская служба имела кратковременный характер. Получив помощь со стороны московских князей, они позднее возвращались на родные земли.

В 1406 г. состоялся выезд князя Александр Нелюба Гольшанского, сына киевского наместника Ивана Ольгимонтовича, «а с ним много Литвы и Ляхов» [50, с. 193]. Ранее Иван Ольгимонтович сопровождал Софью Витовтовну в поездке к ее будущему мужу. Спустя 2 года еще более масштабный характер имел приезд Свидригайло Ольгердовича, в свите которого помимо нескольких титулованных лиц находились также «бояре Черниговские и Брянские и Стародубские и Любутские и Рославские». Этот выезд имело важные последствия для процесса формирования московской аристократии. Несмотря на последующий отъезд большей части представителей этой группы, некоторые из них остались на московской службе. М. Е. Бычкова отметила, что с этим выездом связывали свое появление в России Бунаковы и Владычкины. Первые, в действительности, приписались к родословной князей Хотетовских, которые впоследствии вернулись на литовскую службу [54, с. 237; 20, с. 85].

С выездом Свидригайло связано было появление при московском дворе князей Звенигородских (из черниговского княжеского дома). Как видно из сборника Дионисия (в миру – князь Д. В. Лупа Звенигородский) и последующих родословных росписей, эта княжеская фамилия считала своим предком Александра Звенигородского, прямо связывая его появление в Москве вместе с сыном Федором Котлечеем (в других вариантах – Иван Котлечей (Коплечей) с указанным событием. М. Е. Бычкова и А. В. Кузьмин обратили внимание на отсутствие «московских» следов деятельности Звенигородских в первой половине столетия [21, с. 41–42; 41, с. 174–175]. Не исключая вариант их кратковременного возвращения на родовые земли, стоит отметить, что во второй половине XV в. Звенигородские разных ветвей определенно находились в Московском государстве. Все они были потомками упомянутого князя Александра. Звенигородские кроме того не встречаются в документах Литовской Метрики этого времени, что свидетельствует об их переселении на новое место службы.

Начиная со второго десятилетия XV в., Василию Дмитриевичу служили сыновья князя Патрикия Наримунтовича Федор и Юрий. Трудно сказать, было ли их появление здесь связано с выездом Свидригайло.

Князь Патрикей Звенигородский был упомянут в свите Свидригайло. В сборнике Дионисия он именуется с определением «Карачевской и Хотимской» и был обозначен как брат князя Александра Звенигородского, хотя и не был включен в составленную здесь же роспись князей Звенигородских. Не исключено, что в летописном тексте произошло механическое дублирование двух фамильных обозначений нескольких князей. Тождество этого Патрикеева Звенигородского с отцом князей Юрия и Федора, предков князей Патрикеевых (Щенятевых, Голицыных и Куракиных) и Хованских подвергается сомнениям. Можно констатировать, тем не менее, определенную синхронность событий. Уже в 1407 г. их брат Александр Патрикеевич Стародубский, имевший тесные связи с московскими князьями, был задержан Витовтом по обвинению в попытке отъезда в Москву [63, с. 18]. Его дочь позднее стала женой сына Дмитрия Донского Андрея. Несколько десятилетий спустя Стародуб был пожалован Ивану Андреевичу Можайскому после выезда этого удельного князя в Литву.

Юрий Патрикеевич женился на дочери великого князя Анне и занял главенствующее положение в боярской среде. Именно он стал наместником московским, а в 1433 г. возглавлял поход на братьев Василия Косого и Дмитрия Шемяку с великокняжеским двором «а с ним двор свои, многие люди». Менее заметны были потомки его братьев князя Хованские и Корецкие. Последние долгое время оставались неизвестными, пока неожиданно не проявились в самом конце XV в., получив поместья в Новгородской земле. При этом Корецкие других линий продолжать владеть землями в окрестностях волынского города Корец. А. В. Кузьмин считал, что князья Корецкие не были потомками названного ранее Патрикия Наримунтовича. Не очень понятно, однако, их присутствие в официальной родословной росписи этого рода. По своему статусу они в середине XVI в. заметно уступали Щенятевым и Булгаковым (Голицыным и Куракиным). В родословной перечисление Корецких было неполным. В ней явно были пропущены 1–2 поколения, а также отсутствовали имена Ивана Большого и Ивана Меньшого Семеновых. Видно, что эта роспись была составлена по памяти родственников, о чем свидетельствует и сделанный комментарий «по росписи Голицыныхъ и Куракиныхъ». Обе эти фамилии, таким образом, признавали свое родство с Корецкими. Не исключено, что Корецкие выехали на московскую службу лишь в конце столетия, под опеку и покровительство к своим могущественным родственникам. Князь Федор Патрикеевич, предок Хованских, был в 1421 г. великокняжеским наместником в Новгороде,

а затем князем в Пскове. Он умер в Москве, выехав из этого города, спасаясь от морового поветрия [55, с. 39–40].

В целом, можно констатировать, что безземельные служилые князья в XV в. стали более охотно связывать свою судьбу с московскими правителями, без обратных переходов на литовскую сторону. Вполне вероятно, что причиной этого была продолжающийся характер формирования правящей элиты. Новые лица, обладавшие знатным происхождением и амбициями, вполне могли претендовать не только на щедрые земельные пожалования, но и получали вполне реальные шансы попасть в ближайшее окружение великокняжеской семьи. Стоит заметить, что многие литовские выходцы породнились с правящей московской династией (Д. М. Боброк Волинский и Ю. Патрикеевич).

Ослабление зависимости от Орды, нерегулярность выплаты «выхода» приводило к возможности московским князьям наращивать военный потенциал, увеличивая размеры собственных дворов. С 1433 г. в качестве самостоятельной воинской единицы начал упоминаться великокняжеский двор. В этой связи возросла потребность в «удальцах», особенно таких, кто, имея княжеское происхождение, мог выступать в качестве воевод для местных ополчений. Представители местных княжеских династий Северо-Восточной Руси в конце XIV – начале XV в. еще сохраняли остатки независимости и могли использоваться в служебных целях с рядом ограничений. В распоряжении у великокняжеской власти этого времени были, пожалуй, только князья Стародубские и Оболенские, а также некоторые князья-изгои подобные А. В. Лугвице Суздальскому. Всего в соответствии с родословными книгами не более 10–15 человек. Их количества явно не могло хватать для возросшего уровня задач. Более активно использовались потомки княжеских фамилий, лишенные титула (во втором-третьем поколении), но большинство из них быстро теряло свой авторитет, опускаясь во второстепенные ряды боярства и часто связывая свою судьбу с удельными дворами.

Безусловно, в этом случае нельзя говорить о том, что московское правительство рассчитывало с помощью этих эмигрантов начать борьбу за «старинные русские земли, входившие в это время в состав Великого княжества Литовского», как писал А. А. Зимин [31, с. 29]. Идеологических посылов для подобных «реваншистских» настроений не существовало, по крайней мере, до конца XV в. Вплоть до 1480-х гг., когда на территории Новгородской земли был сформирован «княжеский» плацдарм, служилые князья из Великого княжества Литовского размещались вдали от литовской границы и были задействованы на других направле-

ниях. Князья Порховские, например, владели землями в Костромском уезде, на восточных рубежах. Здесь же позднее разместились князья Несвицкие. Владения князей Хованских были расположены в Волоцком уезде, который во втором десятилетии XV в. уже явно не относился к пограничной территории. Большие земельные массивы принадлежали в разных частях страны позднее князю И. Ю. Патрикееву, сыну Юрия Патрикеевича, но западное направление явно не было среди них доминирующим [41, с. 162–165; 80, с. 283–286; 29, № 85, с. 345–347].

Литовские князья были предназначены для внутреннего использования, выступая в качестве военачальников разного уровня. Эта тенденция отчетливо проявилась в последующие десятилетия, когда количество подобных эмигрантов значительно возросло.

Уже говорилось о выезде князя И. Бабы Друцкого. Во второй трети века в Москве действовали также его родственники князя А. А. Одицевич и его сын Григорий Друцкий (Г. А. Друцкий в 1442 г. получил пожалование от Казимира IV). Еще до 1439 г. в Москве появился печально знаменитый бывший мценский воевода Григорий Протасьев, который, однако, не успел себя проявить здесь, поскольку ему «очи выняли». Печальной оказалась и судьба его сына Ивана, которого утопил Федор Блудов, еще один выходец с московско-литовского пограничья. Земли Ф. Блудова по московско-литовскому договору 1449 г. переходили в ведение Василия Темного. Характерно, что и Протасьевы, и Блудовы (как, впрочем, и потомки еще одного участника этой трагедии – Василия Сука) позднее владели вотчинами в Коломне. Здесь же расплата настигла и самого Ф. Блудова «самого Федка, поймав, повесили на Коломне, на осокори». В 1441 г. жалованную грамоту на владения в Коломенском уезде получил Сенка Писарь, который по родословной его потомков был выходцем из Литвы. Коломенскими вотчинами владели также Волынские и Липятины, выехавшие в предшествующие десятилетия. В Коломне, видимо, была наделена землями целая группа бывших «литвинов».

В 1444 г. в Нижний Новгород были посланы великокняжеские воеводы князь Федор Долголдov и Юшка Драница. Последний незадолго до этого получал пожалование от Казимира. Князь Ф. Долголдov, видимо, приходился сыном князю Долголду, одному из вкладчиков киевского Никольского монастыря [74, с. 58; 79, с. 106]. Ю. Драница впоследствии был среди детей боярских, поддержавших ослепленного великого князя. В 1446 г. он погиб во время осады Углича. В начале 1440-х гг. на службе у Василия Темного отметился также князь А. В. Чарторыйский, известный по активному участию в династической войне в Великом княжестве

Литовском. Он, правда, быстро переметнулся на сторону Дмитрия Шемяки, а позднее уехал в Псков. На Волк Ламский переселились князья Белевские, хотя это переселение и было совершено «в опале» (позднее вернулись в Белев) [54, с. 262, 266, 269; 53, с. 155; 39, с. 44–46].

Очевидно, что феодальная война привлекала «искателей удачи». Однако даже по ее окончанию поток переселенцев не только не ослаб, но и значительно вырос. Во второй половине века при московском дворе находилась весьма представительная литовская диаспора. Среди них, видимо, были сыновья князя И. Бабы Друцкого Василий, Иван и Семен. Семен погиб в 1456 г. на Оке под Перевицком. Ивана в качестве служилого князя трижды запрашивали у Ивана III псковичи. Василий, в свою очередь, стал основателем московских линий этой фамилии – князей Бабичевых. Напротив, старшие сыновья И. Бабы служили в Великом княжестве Литовском [92, s. 60]. Подобная ситуация была характерна и для некоторых других княжеских фамилий, которые прагматично использовали московский ресурс. Туда на службу отправлялись младшие сыновья, что позволяло избежать дробления «отчин».

В 1459 г. воеводой в костромском Плесе был князь С. В. Солтан Несвицкий (Збаражский). Где-то в 1460–1470-е гг. он вернулся на родину (после 1463 г.). При московском дворе его, однако, быстро сменили младшие родственники – Д. Ф. Несвицкий и его сыновья, обосновавшиеся в том же Костромском уезде. Примерно в это же время ненадолго отметился при московском дворе князь Ю. М. Трубецкой. Его дольница в Трубчевске была отписана на короля и была передана в держание в начале князю И. Чарторийскому, а потом Г. Воловичу, пока вернувшийся прежний владелец не выхлопотал ее обратно [6, № 100, с. 136; 36, с. 115, 143–144, 189–190].

Где-то в начале 1470-х гг. выехал в Москву князь И. Лукомский, казненный позднее, в 1493 г. по обвинению в попытке отравить московского правителя. Его владения в Великом княжестве Литовском были конфискованы. До 1482 г. «побег к Москве» князь И. Глинский. В последующие годы он, возможно, вернулся на литовскую службу. В этом случае по ходатайству его братьев его «именьице» осталось в кругу семьи. Не позднее последней четверти XV в. появились в Подмосковье князья Дашковы, которые к началу следующего столетия обзавелись здесь несколькими вотчинами [91, s. 214; 29, № 95, с. 392].

Стоит добавить, что еще до начала «странной войны» на московскую службу начали переходить порубежные князья, некоторые из которых упоминаются вдали от своих наследственных владений. Князь И. Мы-

шецкий был в 1480 г. на докладе у коломенского наместника Я. З. Кошкина. Согласно московско-рязанскому договору 1483 г., «Елец и вся Елецкая места» признавались «отчиною» Ивана III, что, вероятно, предопределило судьбу князей Елецких, переселенных в разные части страны [69, с. 336; 29, № 76, с. 285].

Подобные переходы затрагивали не только титулованных лиц. В 1470-е гг. заметным лицом в окружении Ивана III был И. К. Судимонт, свидетель поручной грамоты князя Д. Д. Холмского 1474 г., получивший в кормление-держание суздальское село Нельша, а также державший по родословному преданию в кормлении половину Костромы, а затем и Владимир. Вместе с князем И. Лукомским в 1493 г. были казнены братья смольняне Богдан и Олехно Селевины, время появления которых в Москве остается неизвестным [32, с. 4–6; 51, с. 235].

О распространенности примеров проникновения выходцев из порубежных земель на московскую службу косвенно свидетельствуют фамилии служилых людей второй половины – конца XV в.: Козляниновы [15, с. 10–13], Мечняниновы, Одоевцовы, Волынцевы (возможно их предком был С. Волинец, погибший в 1438 г. в сражении под Белевом).

Одним словом, бегство в 1482 г. к «государю всея Руси» после неудачного заговора князя Ф. И. Бельского пришлось на подготовленную почву. Безусловно, по своему происхождению и положению в Великом княжестве Литовском этот эмигрант заметно отличался от всех других представителей литовской диаспоры второй половины столетия, что хорошо понимали при московском дворе. Ему были переданы значительные территории в Новгородской земле: «Демон в вотчину да Мореву со многими волостями». Статус отдельных владений в рамках этого «княжества», скорее всего, был различным. Волость Велила в разезде 1483 г. была великокняжеской. В Мореве известны были деревни «за княжими слугами». В Демоне же вплоть до конфискаций второй половины 1480-х гг. сохранялись владения новгородских землевладельцев, при отсутствии значимого массива оброчных земель, то есть можно говорить только о верховной власти Ф. И. Бельского над этим уездом. Значительная часть юга Новгородской земли в 1480-е гг. была передана в руки «князей». По соседству с землями Ф. И. Бельского располагалась волость Березовец, принадлежавшая И. Ю. Патрикееву. В «чернокунском» Холмском погосте были владения и у С. В. Бабича-Друцкого. Передача им этих волостей отражала, очевидно, планы по противостоянию Великому княжеству Литовскому, которое во многом реализовывалось силами служилых князей. Князь Федор активно про-

явил себя в этом качестве. В 1485 г. он принимал участие во взятии Твери. Жалобы литовских послов на «кривды» с его стороны свидетельствуют о значительной роли, которая отводилась ему в ведении «странной» войны. В распоряжении у него находилось значительное количество «вассалов», среди которых были и свои бояре. Одним из его слуг был, в частности, будущий святой Тихон. Луховецкий. Еще один – Митя Юров мог стать основателем переславской служилой фамилии Пановых-Юровых. В 1493 году Ф. И. Бельский был обвинен в измене и «поиман» на Луху. К этому времени он, очевидно, уже лишился своих новгородских владений. После освобождения он получил (заново?) «в вотчину город Лух с волостями, да волости Вичюгу, да Кинешму, да Чихачев» [17, с. 91–92].

Переселение Ф. И. Бельского в Лух показывает, что подобный эксперимент в итоге был признан не слишком удачным. Всегда существовала опасность обратного перехода князей, лояльность которых оставалась под вопросом. После опалы князя И. Ю. Патрикеева 1499 г. и конфискации земель у представителей аристократии, которые не были непосредственно задействованы в новгородской службе «княжеский» плацдарм окончательно потерял свое значение. Ставка была сделана на широкие поместные раздачи.

Вряд ли с появлением князя Ф. И. Бельского можно было говорить о появлении при московском дворе какой-то литовской партии. Выходцы из Великого княжества Литовского поддерживали между собой определенные отношения, которые, однако, не перерастали в корпоративные связи. Сам он в 1493 г. был оговорен князем И. Лукомским, обвинившим его в намерении совершить обратный выезд. Помимо территориального соседства во время недолгого существования его новгородского княжества с князьями Бабичевыми его связывали брачные узы. Женой Ф. И. Бельского стала племянница Ивана III Анна, внучка В. И. Бабича.

Трудно представить главой пресловутой литовской партии и князя И. Ю. Патрикеева. Все родственные связи этого вельможи были связаны с великокняжеским окружением. Кроме предполагаемой поддержки своих младших родственников князей Корецких, которые получили новгородские поместья (были сосланы в Новгород?) в 1499–1500 гг., сразу после опалы князей Патрикеевых, другие контакты с «литвинами» у членов этой семьи не прослеживаются.

Относительная слабость позиции Гедиминовичей при московском дворе этого времени наглядно демонстрируется появлением «Родословия великих князей литовских», памфлета о происхождении литовской

правлящей династии от конюха, раба князя Витенца Гегиминика. Имена всех сыновей этого Гегиминика (великого князя Гедимина), как и его самого, были указаны в этом документе в уменьшительно-пренебрежительной форме: Нароминтик, Евнутик, Олгердик, Кестутик, Скиригайлик, Кориядик, Мантоник [28, с. 170].

Единичные случаи проникновения «литовских» фамилий, рассредоточение их представителей в разных уездах, на значительном удалении друг от друга не способствовали поддержанию тесных отношений друг с другом, тем более, что подозрительность и скорость на расправу со стороны Ивана III не создавали для них благоприятную основу. Быстрая интеграция в систему социально-экономических отношений Московского государства была характерна как для представителей «литовской знати», вошедших в высшие эшелоны Государева двора во второй половине XV в. (князья Патрикеевы, Звенигородские, отчасти Бабичевы), так и для менее заметных лиц. Исключения составили князья Бельские, получившие статус служилых князей и в этом качестве сохранившие для себя особый статус.

Актовые материалы дают возможность достаточно подробно осветить судьбу Судимантовых, потомков «пана» И. К. Судиманта. Помимо Нельши, которая со временем превратилась в их поместье, им принадлежали земли в Московском и Дмитровском уездах, которые, очевидно, были приобретены в качестве приданого. По дмитровским владениям часть представителей этой фамилии в качестве дворовых детей боярских служила позднее Юрию Дмитровскому [2, № 17, с. 25–26; 76, с. 66–67, 134]. Поземельные акты показывают, что они органично влились в состав местных корпораций. Та же картина наблюдается у Протасьевых, осевших в Коломенском уезде, а позднее перебравшихся на новгородские поместья. Единственным примером сохранения каких-то связей может служить брак В. И. Волынского с Аграфеной Липятиной, но причины этого союза крылись, скорее в соседстве Волынских и Липятиных по владениям в Коломенском уезде, а не были обусловлены памятью об общем «литовском» происхождении.

Две московско-литовские войны рубежа XV и XVI вв., переросшие из локальных пограничных столкновений, привели к резкому увеличению числа литовских выходцев. Часть из них оказалась заложниками ситуации, и была вынуждена сменить «сюзерена» под давлением извне. Другие воспользовались ситуацией и сами пытались получить дивиденды от ослабления власти литовских правителей и смены своей владельческой принадлежности.

Значительная часть подобных примеров относилась к деятельности служилых князей, которые, оставаясь на своих землях, переходили на сторону Москвы. Существовали, однако, примеры выездов и других слоев служилого населения. В 1480-е гг. (до 1486 г.) «сбегл в Москву» князь И. В. Глазынич, брат смоленского окольного, который затем принимал участие в набегах на пограничные литовские земли [89, р. 125; 67, с. 133, 141]. Так же поступили мценский боярин С. Бунаков, оршанцы Т. Белый и Ю. Малый, князья Д. Путогинский и Д. А. Пронский (некоторые другие Пронские к этому времени, вероятно, уже служили Ивану III), а затем и получивший широкую известность в исторической литературе Е. Дашкевич, перешедший к Ивану III с группой литовских дворян. После 1509 г. в Москве оказался князь В. Бахта [89, р. 338; 78, с. 188; 90, с. 501]. Многие совершали переезды вслед за своими «господами», например, князьями в.И. Шемячичем и М.Л. Глинским.

М. М. Кром писал о незначительном присутствии князей Друцких, несмотря на захват самого Друцка, в свите князя М. Л. Глинского. Из цитируемого этим историком дела князей Одинцевичей выясняется, однако, что с М. Л. Глинским «поехал» младший сын княгини Ульяны Гольцовской. Двое ее старших сыновей «перво того к Москве побегли» [39, с. 128; 86, р. 309–310]. Возможно, именно они в родословной показаны как основатели московской ветви Друцких. Из этого же рода вместе с М. Л. Глинским выехал также князь И. Озерецкий.

С разрастанием военных действий круг подобных переселенцев становился все шире. К слову сказать, «беглецы» находились и на московской стороне, хотя в последнем случае явно нельзя было говорить о литовском давлении на земли Московского государства. Затянувшееся военное положение способствовало росту числа изменников, которых охотно принимали оба противоборствующих лагеря. Без учета удельного князя Василия Верейского, а также Михаила Тверского и Ивана Рязанского и членов их дворов, среди них были, в том числе члены московских боярских и княжеских фамилий: Б. И. Образцов, Ю. В. Гусев, позднее И. Т. Юрлов Плещеев, князья Д. И. Хованский, Ф. и М. Ю. Бабичевы (Эмигрантом нельзя считать князя И. Л. Борятинского, родственники которого перешли на московскую службу лишь в последнем десятилетии XV в.). Вряд ли, допустимо искать во всех этих случаях политическую подоплеку. В начале XVI в. на литовской службе находилось также определенное число и менее знатных «москвичей», которые не поддаются уверенной идентификации [84, л. 138–154]. Этот процесс имел продолжение и в последующие десятилетия.

Сама ситуация военного времени провоцировала множественные переходы под влиянием момента. Не случайно многие эмигранты (как с московской, так и с литовской стороны) бежали на новое место службы без жен и детей, переход которых вслед за мужьями неоднократно становился потом темой для дипломатических переговоров. Косвенно сделанное наблюдение подтверждается значительным числом обратных переходов. Вернулись на родину «москвитины» Данило, Г. Унковский, а также Г. Каргаша и сыновья Н. Ярцова. «Зрадцами», участниками мятежа М. Л. Глинского являлись Ф. Мокевич и его брат И. Мещерин, а также Остафий. Поручка была взята по королевскому дворянину А. Животову, намеревавшемуся совершить отъезд с литовской службы. В 1535 г. на московскую службу выехали многие отъехавшие ранее дети боярские [84, л. 142–144, 147, 148, 152; 87, р. 29; 38, с. 116].

Под прямое управление Москвы к моменту смерти Ивана III перешел ряд крупных городов, населению которых необходимо было сделать выбор о своей дальнейшей судьбе. Часть местных князей и бояр сохранила верность литовским князьям, и покинула свои земли. Другие вынуждены были признать власть «государя всея Руси». Многие из них со временем, в соответствии с проводимой политикой по закреплению на завоеванных территориях, были переведены на новые места службы. Всего в распоряжении Ивана III должно было оказаться несколько сотен служилых людей, хотя не исключено, что по примеру новгородских и псковских бояр многие из них не смогли подтвердить на новом месте службы свой прежний социальный статус.

Уже в конце XV в. можно обнаружить следы некоторых из них в центральных уездах страны. Очень вероятно, что одним лицом были мценский боярин Луня, о котором в 1498 г. жаловались мценские бояре, и Лунь Данилов Мечнянинов, получавший жалованные грамоты от Ивана III, а затем и его сына Юрия Дмитровского. Как следует из сообщения посольской книги, захват Луня «з женою и с невесткою и з детьми» произошел в 1492 г. В том же году (1492/1493 г.) по родословной он вместе с сыновьями Иваном, Селиваном и Игнатием получил владение в Дмитровском уезде [67, с. 267–268; 75, с. 71; 16, с. 220]. Позднее Иван Мечнянинов перебрался в близкий к Мценску Рязанский уезд.

Из Вязьмы были выселены князья Вяземские и Козловские. В 1506 г. князь Ю. Л. Козловский был волостелем в Бежецком Верхе. Здесь же помещиком был его сын Федор. Позднее, возможно, в связи с передачей Бежецкого Верха в удел Дмитрия Углицкого, Козловским были пожалованы села в Романовском и Муромском уездах. Вяземская рубрика

Дворовой тетради 1550-х гг. XVI в. показывает, что местные дворовые дети боярские представляли пришлые фамилии. Единственное возможное исключение в вяземской рубрике – Маршалковы [18, с. 148–150].

Та же картина вырисовывается при анализе дорогобужской и бельской рубрик этого источника. Менее определенно можно говорить о рядовых детях боярских, среди которых могли быть потомки местных бояр. В. Б. Кобрин на основании топонимических данных считал выходцами из вяземских бояр Волженских, Коковинских, Здешковских и Лосминских. Здешковские и Лосминские были, скорее, потомками смолян. Вполне вероятно, что число вязьмичей можно пополнить за счет Великопольских, фамилия которых могла быть связана с названием вяземского села Великое поле. Подобный метод без подтверждения актовыми и генеалогическими данными является достаточно условным. Теме не менее, примечательно, что представители указанных фамилий получили поместья неподалеку от Вязьмы: Волженские и Коковинские – в Можайском уезде, вобравшем в себя несколько вяземских волостей, а Великопольские – в Ржевском [37, с. 123–124]. Писцовая книга Торопецкого уезда конца 1530-х – начала 1540-х гг. показывает, что владения здесь из местных землевладельцев сохранили только Роздеришины. Правда, уровень развития служилого землевладения в Торопецком повете, как и в соседних «чернокунских» волостях (Буйцы и Лопастыцы) Новгорода, видимо, был не слишком высоким. В пограничных конфликтах не упоминались торопецкие бояре. В Казариновской волости владения принадлежали витебским боярам, возможно, на правах кормлений (по мнению, В. Н. Темушева она относилась к Витебску) [49, с. 559–561; 75, с. 70].

Сама упоминутая торопецкая писцовая книга не содержит упоминаний о прежних литовских владельцах, хотя имена крестьян, держателей тех или иных деревень при «прежних писцах», в том числе, видимо, описания князя С. Курбского (после 1503 г.), встречались здесь постоянно. Определенные боярские земли здесь все-таки должны были существовать. Позднее несколько торопецких бояр: Нефед, Михалко и А. Л. Теребужский получали пожалования от Александра Казимировича взамен потерянных земель [67, с. 35; 39, с. 53].

Выселение затронуло также князей Мезецких. Завещание Ивана III упоминало село Алексин возле Стародуба-Ряполовского, переданное в счет доли в «Мезецку» князю М. Р. Мезецкому. Он погиб в 1506 г. в походе на Казань, будучи задействованным благодаря своим новым владениям на восточном направлении. Судя по землевладению его потомков,

в Можайск был переведен С. Р. Мезецкий. Помещиком Можайского уезда стал также князь В. Швых Одоевский [31, с. 135; 76, с. 184; 29, № 96, с. 396, 397]. Постепенно владения за пределами родовых «отчин» приобретали и другие верховские князья.

Очевидно, сразу после перехода к Ивану III князю В. И. Шемячичу был пожалован Малый Ярославец или хотя бы некоторые малоярославецкие села. В 1505 г. был проведен разъезд владений этого князя с землями Троице-Сергиева монастыря [5, № 659, с. 584–586]. Малый Ярославец после этого еще несколько раз менял свою владельческую принадлежность. В 1508 г. он был передан «в отчину» князю М. Л. Глинскому, который потерял его после своей опалы в 1514 г. Этот город вновь стал достоянием В. И. Шемячича, который, однако, также в 1523 был «поиман». Трудно сказать в какой промежуток времени состоялись раздачи на территории Малоярославецкого уезда «Шемячичевским» служилым людям. Скорее всего, это произошло уже после 1514 г., что объясняет нахождение среди них Михалчуковых, потомков смоленских бояр. Михалчуковы были отмечены также среди литвы дворовой по Можайску.

Отдельной группой «Шемячичевские» были зафиксированы по этому городу в Дворовой тетради. Скорее всего, из Малого Ярославца происходили также коломенцы Козловы «Шемячичевские» и Микулины Грековы – от «человека» В. И. Шемячича Микулы Грека. К названным лицам за счет использования данных писцовой книги конца 1580-х гг. (использовала в качестве приправочной описание С. Ф. Пильмова 1540-х гг.) можно добавить еще несколько имен: Ю. Терпигорева, Т. В. Износкова, вероятно, также А. Янова и Б. Т. Рагозина [57, л. 11 об., 347, 653, 669 об.].

Князю С. И. Стародубскому какое-то время принадлежала волость Хотунь, где также могли осуществляться раздачи земель его служилым людям [31, с. 138].

Трудно сказать определенно, когда на московской службе появились князья Кропоткины. Часть из них служила в Великом княжестве Литовском. В самом конце XV в. сыновья А. Кропоткина получили новгородские поместья, а затем вошли в состав сформированного здесь из местных помещиков воеводского корпуса.

Стоит заметить, что значительное число местных землевладельцев осталось на своих местах. На правах служилых князей действовали В. И. Шемячич и С. И. Стародубский, князья Воротынские, Одоевские, Белевские, Трубецкие. Отдельная служилая корпорация была создана для князей Мосальских. Сохранили свои вотчины также князья Вол-

конские. Пример с Мосальскими был достаточно показательным для характеристики проводимой политики. После окончания войны 1500–1503 гг., по итогам которой Мосальск отошел на московскую сторону, часть представителей местной династии (старшей линии) продолжала находиться на литовской службе. Они, очевидно, должны были потерять свои владения в родовом княжестве. Трудно определить время их появления на службе у московских князей. Этот переход произошел уже после 1508 г. С. М. Мосальский (Литвин?) получил в 1508 г. привилей на службы в Смоленском повете. Василий (В. М.) Мосальский позднее «до Москвы втек» (до 1534 г.) [19, с. 28–32]. Характерно, что их потомки Литвиновы и Кольцовы позднее были известны как мосальские вотчинники. Очевидно, измена для их предков была вознаграждена возвращением конфискованных «дольниц». В завещании Ивана Грозного упоминается треть Мосальска «Володимерская Всеславля», находившаяся под прямым управлением московского правительства. Эта треть, очевидно, ранее принадлежала князю Владимиру Юрьевичу Мосальскому, потомки которого в полном составе служили в Великом княжестве Литовском. Остальные части Мосальска, видимо, принадлежали представителям местной династии [12, с. 110; 60, л. 6].

Более того, Мосальские и Волконские ощутимо повысили свой статус. Очень вероятно, что многие из них прежде находились на службе у князей Воротынских и не пользовались княжескими правами [39, с. 50–53; 82, с. 162–171]. Сам Мосальск в дипломатической переписке фигурировал как владение князя С. Ф. Воротынского. Таким образом, для многих порубежных князей, бежавших от московского «сюзеренитета» создавался стимул для смены служебной принадлежности. Декларируемая Иваном III ориентация на «старину», сыгравшая важную роль в переходах на его сторону верховских князей, очевидно, продолжала сохранять свое значение и в последующие десятилетия. В этих условиях чрезмерно активная ломка сложившейся системы землевладения, вряд ли, отвечала интересам московского правительства.

Согласно данным Дворовой тетради по прежним родовым центрам служили князья Борятинские и Перемышльские-Горчаковы (Таруса и, вероятно, Калуга). По Воротынску значились князья Хотетовские, некоторые из которых возможно также прежде служили местным князьям. Я. Хотетовский (без титула) в 1509 и 1510 гг. упоминался в поземельных актах Бежецкого уезда. Его появление здесь могло быть связано с пожалованием соседнего Козельска Семену Калужскому, владевшему Бежецким Верхом [76, с. 164, 169, 170, 172; 2, № 57, с. 60].

Иван III в своем завещании распорядился двумя третями Воротынского, переданными старшему сыну – Василию III. С этих земель служили отмеченные в Дворовой тетради Капустины и Савины. Обе эти фамилии происходили от бояр воротынских князей, сохранивших за собой в неприкосновенности свои земли [76, с. 172; 82, с. 173–174]. Очень вероятно также родство бояр Григоревичей и позднейших воротынских детей боярских Григоровых. С Серпейском были связаны Комынины. Их однофамилец в 1498 г. находился на службе у княгини Алены Говдыревской (владения неподалеку от Серпейска) и грабил пограничные литовские земли. Вотчины возле Козельска (смоленские волости) еще в 1490-е гг. принадлежали Нарышкиным. Их родственники служили в середине XVI в. по близким Тарусе и Боровску. По Боровску был отмечен также Третьяк Михайлов Висковатый, вероятный родственник мечнянина Васюка Висковатого, упомянутого в 1492 г. [67, с. 247; 76, с. 164–165; 67, с. 66, 136]. В последних случаях переселения, если они действительно были, совершались на сравнительно небольшие расстояния, тем более что последующие территориальные расширения значительно отодвинули западные границы страны.

М. М. Кром отметил большое число брянских бояр, оставшихся на литовской службе после захвата Брянска. Часть местных землевладельцев осталась, однако, на московской службе и была связана с Брянским уездом в последующие десятилетия. В десятне 1584 г. среди брянчан были отмечены представители Пролысских и Мясоедовых, вероятные родственники которых фигурировали в качестве брянских бояр в конце XV в. Соблазнительно было бы включить в это число и Безобразовых, но представители этой фамилии, скорее всего, были выходцами из центральных уездов. В брянский Свенский монастырь вклад был сделан И. Беяницыным Безобразовым, вероятным потомком, Беяницы Безобразова, одного из детей боярских Дмитрия Углицкого. Беяницыны-Безобразовы известны были в Боровском, Малоярославецком и Можайском уездах [70, с. 300, 301; 39, с. 233–236; 24, с. 30]. Еще несколько фамилий из этой десятки были характерны только для Брянского уезда, что косвенно подтверждает их местное происхождение. Позднее подобная ситуация в значительно больших масштабах повторилась на территории Смоленской земли. Можно констатировать, что состав землевладельцев значительной части новоприсоединенных земель не подвергся радикальным изменениям.

Несмотря на кажущуюся внушительность числа новых «слуг» московских великих князей конца XV в. проблема их адаптации в соз-

данную служебную систему не сталкивалась с заметными трудностями. Пример воротынских бояр, целой группой образовавших новую территориальную корпорацию в составе Государева двора, показывает, что в этом случае действовали отработанные принципы. Закрепление новых территорий достигалось здесь великокняжеской властью, в том числе, за счет привлечения на свою сторону местной знати. С другой стороны, переселенные в другие части страны лица вливались в состав существующих там объединений служилых людей.

Заинтересованность в именитых выходцах из Великого княжества Литовского в Москве была достаточно велика. Именно это обстоятельство приводило к принуждению пленников, захваченных в ходе пограничных столкновений, переходить на свою службу. Наиболее известным из них был князь К. И. Острожский. Московское подданство принял в итоге также бывший путивльский наместник князь Б. Ф. Глинский. Литовская сторона в дипломатических переговорах считала московскими пленниками также Я. Ивашенцова и С. Жеребятича. Последний, видимо, попал в плен еще в 1501 г. [67, с. 490; 51, с. 252; 68, с. 328, 345]. Характерно, что новые «слуги» были задействованы московским правительством на первых порах в ведении военных действий на литовском направлении.

За пределами круга служилых князей некоторые из нововыезжих вошли в элиту московской аристократии. Князья Пронские, например, ветви Д. А. Сухорукова, уже в первом десятилетии XVI в. получали разрядные назначения, а вскоре пополнили собой Боярскую Думу. Не последнюю роль в этом стремительном спурте сыграли, видимо, родственные связи. Князь И. Д. Пронский был женат на дочери И. В. Головы Ховрина, породнившись через этот брак не только с семьей московских казначеев, но также с влиятельными князьями Холмскими, Патрикеевыми, Одоевскими, не говоря уже о целой плеяде менее значительных семей. Воеводские назначения получали также князья Мезецкие [31, с. 116–117, 135–136, 271–273]. Не обойдены вниманием «государей всея Руси» были также князь К. И. Острожский и Е. Дашкевич.

Эйфория от появления на своей службе ряда видных лиц скоро прошла. В 1507 г. на московско-литовской границе находился князь К. И. Острожский, который, воспользовавшись случаем, бежал в Литву. Непродолжительной оказалась и служба здесь упомянутого ранее Е. Дашкевича. В 1508 г. он был послан на встречу с М. Л. Глинским. В том же году он присягнул Сигизмунду Казимировичу. Оба этих персонажа в дальнейшем играли заметную роль в московско-литовском противостоянии. К. И. Острожский в 1514 г. стал триумфатором битвы

под Оршей, а Е. Дашкевич вместе с крымцами участвовал в походе на Москву 1521 г. и в последующей осаде Рязани.

Разочарованием стал неудавшийся мятеж князя М. Л. Глинского. И дело было не только в отсутствии территориальных приобретений, который он мог бы принести. Декларируемая широкая поддержка местного населения, подогреваемая лозунгами о защите православия, привела в итоге к выезду всего нескольких десятков лиц, военный потенциал многих из которых оценивался впоследствии весьма невысоко. В 1522 г. во время переговоров о мире послам В. Г. Морозову и А. Н. Бутурлину была сделана инструкция о возможном размене пленными. Учитывая большое число представителей знатных фамилий в литовском плену (особенно после злополучной битвы под Оршей 1514 г.), они могли пойти навстречу требованиям представителей Сигизмунда Казимировича о выдаче им некоторых соратников М. Л. Глинского. Все они были разделены на две группы: те, кого нельзя было отдавать ни в коем случае («отговаривати накрепко»), и остальные. К первой группе кроме самого князя М. Л. Глинского были отнесены только М. Семенов (Александров), Я. Ивашенцов, А. Фурс и их «братья». Теоретически рассматривалась также вероятность выдачи племянников этого опального вельможи [67, с. 661, 663]. Многие другие его соратники остались на литовской службе, где сумели получить прощение за свою измену: Князя Ф. и А. Лукомские, Б. Заранкович, землянин И. Немирич, Ф. Колонтаев. В последнем случае, тем не менее, в Москву выехали его жена и дети: «великие шкоды впад, иж он сам был в руках в того здрайцы нашего князя Михаила Глинского, и оттоль въехал, а жону и дети там оставившь». «Зрадцою» был также Б. Колонтаев [39, с. 126, 128].

Всего же из когорты связанных с М. Л. Глинским лиц (уже после 1508 г. московской стороной было вытребовано разрешение на выезд для его братанича Зверя Зверева) лишь несколько человек получили впоследствии разрядные назначения – Я. Ивашенцев, М. А. Зверь (вероятно одно лицо с упомянутым ранее Зверем Зверевым) и князя Д. и В. М. Жижемские (только с 1532 г.). При этом по крайней мере В. Никольский, королевский писарь, не задержался на службе у Василия III. Уже в 1511 г. им – «презвитером Никольским» по повелению сербского воеводы С. Якшича, родственника Глинских, при дворе которого он, видимо, и нашел свое пристанище, было составлено «Сказание о исхождении Святого Духа» [64, с. 69–74].

Уже в 1514 г. сам М. Л. Глинский был обвинен в связях с королевским двором (небезосновательно) и отправлен в заточение. Очевидно, в изме-

не были обвинены и некоторые близкие к нему лица. В 1515/16 г. «сидел поиман» Д. М. Жижемский, который в это время занимался перепиской книг. В 1515 г. было выдано несколько жалованных грамот на владения в Можайском и Медынском уездах. Предшествующими владельцами в них были указаны князья А. И. Мамаев и В. Л. Глинские, а также С. Царевский и Д. Васильев, «люди» М. Л. Глинского [77, с. 497–499; 3, № 152, с. 125].

Похоже, репутация соратников М.Л. Глинских была серьезно подпорчена, что наложило свой отпечаток на отношение к остальным выходцам из Великого княжества Литовского, тем более, что в 1514 г. был раскрыт пролитовский заговор в недавно захваченном Смоленске, в котором были замешаны некоторые виднейшие представители смоленского боярства [39, с. 208–209]. После неудачи в Оршанской битве 1514 г. вернулся на литовскую службу князь М. И. Ижеславский (Мстиславский). Не случайно донос Ф. И. Крыжина в 1523/24 г. о намерении бежать в Литву нескольких детей боярских из числа «литвы» (Ф. И. Каргашина, Щукиных и их племянника И. Белого) вызвал серьезное расследование, материалы которого отложились в государственном архиве. Стоит добавить, что упомянутые здесь Щукины были охарактеризованы как «Глинского люди». Слугой Глинских был, вероятно, и сам Ф. И. Крыжин. Трое Крыжиных выехали вместе с М. Л. Глинским в 1508 г. в Москву [27, с. 47, 149; 4, № 502, с. 386–388; 30, с. 72].

Зачастую, в течение нескольких десятилетий некоторые фамилии по несколько раз успевали отметиться на службе у противоборствующих сторон. Князь Б. Ф. Глинский, например, был захвачен в Путивле в 1500 г., а затем вынужденно присягнул Василию III. Его сын Владимир находился с отцом на московской службе. В 1527 г. он выехал в Литву, однако, затем в 1540 г. вновь переметнулся к ее противникам. Его сын Богдан и жена, при этом остались на месте [20, с. 296–297].

Неудивительно, что многие литовские выходцы первых двух десятилетий XVI в. целенаправленно переводились в восточные уезды, на казанское направление военных действий. В этом отношении не было особой разницы между ними и, например, представителями «изменного» новгородского боярства. С течением времени из этих выходцев была сформирована группа, так называемой, «литвы дворовой», представленной сразу в нескольких рубриках Дворовой тетради. Несмотря на то, что этот документ является единственным целостным источником, свидетельствующим о ее существовании (в Тысячной книге 1550 г. как «литвин» был обозначен Я. Булгаков Захарын), вряд ли придется со-

мневаться в длительном функционировании этой группы. Помимо «литвы дворовой» по логике должна была существовать и «литва городовая». Упоминание о последней группе содержалось в упомянутом деле Ф. И. Крыжина и Щукиных: «велел всей литве быти у себя», «обыщи того детми боярскими муромцы и литвою всеми». Можайчи и «с литвою» упоминались в разряде казанского похода 1549 г. В родословной Полтевых упоминается несколько человек, которые «в 7045 году книге написаны в Ярославле Литвою», хотя в этом случае речь могла идти о Дворовой тетради [4, №502, с. 387–388; 43, с. 226; 61, л. 486].

«Литва дворовая» неоднократно фигурирует в различных исторических работах, хотя и не получила сколько-нибудь подробного исследования. Чаще всего, ее упоминания имеют эпизодический характер. Судя по всему, эта группа была создана в 1514 г., после опалы М. Л. Глинского. При этом попадание в ее состав имело вполне определенные хронологические рамки. Помимо «литвы дворовой» в Дворовой тетради встречалась категория «нововыезжие». Среди них были представлены выходцы из Великого княжества Литовского, появившиеся на московской службе в 1540-е – 1550-е гг., которые, однако, уже не приписывались к «литве». В поземельных актах конца 1530-х гг. и в можайской писцовой книге фигурировали также «смолянне». В качестве «мстиславца» в жалованной грамоте, выданной его вдове в 1546 г., упоминался К. Клишков [4, № 188, с. 143]. Наконец, уже в 1540-е гг. известны были «паны». Все эти группы не сливались с «литвой» и, видимо, были образованы в более позднее время.

Единственным примером возможного позднего проникновения в состав «литвы» является «литвин» Я. Д. Бухвалов, записанный в Дворовой тетради по Дмитрову. Дмитров, столица удельного княжества, перешел в великокняжеское ведение только в 1533 г. Впрочем, он мог быть переведен сюда уже после этого события. В соответствии с родословной росписью Я. Д. Бухвалов (выехал в «7030 году» (1521/1522 г.) «испомещен был во Ржеве Володимерове да в Дмитрове» [63, с. 234].

В состав «литвы дворовой» вошли соратники и слуги М. Л. Глинского, к которым было добавлено значительное число других выходцев из Великого княжества Литовского, в первую очередь, выселенных смоленских бояр. С момента своего выезда некоторые спутники и слуги М. Л. Глинского, персональный состав которых не удается восстановить в полной мере, кроме Медыни и Малого Ярославца, выделенным ему и его братьям в «вотчину» (соседний Боровск в кормление), обосновались и на некоторых других территориях. Уже говорилось о переходе

в 1514 г. владения (поместья?) князя А. И. Мамаева Глинского в другие руки. Тем не менее, опала 1514 г. вызвала, видимо, серьезное перемещение представителей этой группы. По Медыни и Малому Ярославцу в Дворовой тетради были отмечены из их потомков только несколько человек: В. М. Гагин, Ф. и И. М. Дрожжины, князь М. В. Жижемский, братья Колонтаевы. К этому числу можно добавить Н. С. Приезжего, одного из помещиков (прежний владелец порозжего поместья в писцовой книге конца 1580-х гг.) Медынского уезда. Его однофамилец И. Приезжий был сыном боярским М. Л. Глинского [76, с. 206–208; 48, с. 844].

Потомки других соратников этого князя были разбросаны по другим уездам. По Переславлю-Залесскому – Ф. А. Фурс и братья Брянцовы (Александровы?), по Костроме и Серпухову – князь Д. А. Друцкий, по Юрьеву – Т. И. Матов. Я. Ивашенцеву принадлежали владения в Ростовском уезде. «Людьми» Глинского были Щукины и Крыжины (не попали в число дворовых детей боярских), служившие с муромских поместий. Упоминание в их «деле» воеводы Ф. Ю. Щуки Кутузова «на Толстике» показывает, что они очутились здесь ранее 1519 г., когда эта его служба была отмечена в разрядных книгах [76, с. 141, 150, 153, 164; 73, с. 106; 4, № 502, с. 386; 56, с. 168]. Примечательно, что все эти персонажи оказались рассредоточенными по разным уездам, на значительном удалении друг от друга.

Более сложным является вопрос о других представителях этой группы. Уже говорилось о смоленских боярах, большая часть из которых оказалась на московской службе после присоединения Смоленска в 1514 г. Первые жалованные грамоты, фиксирующие начавшееся переселение смольнян, относились к 1515–1516 гг. (П. Г. Марин, В. Я. Демьянов, Д. И. Мирславич, князь М. Романовский (Козекин)). Несмотря на получившее в историографии убеждение о «перетряхивании» состава местных землевладельцев, многие из них сохранили свои владения в пределах Смоленской земли, образовав многочисленную категорию земцев, позднее влившейся в число местных детей боярских [18, с. 164–165, 173–176]. Переселения, особенно на первых порах, сопровождались соблюдением всех необходимых формальностей. Стоит отметить, что в жалованных грамотах смоленским боярам присутствовал полный великокняжеский титул, как в дипломатических документах. В жалованных грамотах литовским выходцам более раннего времени, например, князьям Ю. и С. Л. Козловским 1510 г., упоминался лишь сокращенный титул («князь великий Василей Иванович всеа Руси») [4, № 216, с. 160]. Они, таким образом, признавались субъектами договор-

ных отношений. Подобным образом оформлялись жалованные грамоты некоторым татарским князьям в Мещере и на Вятке.

Эта особенность, скорее всего, была обусловлена наличием особой жалованной грамоты, выданной Василием III, Смоленской земле, которая сохраняла свое значение. Требование этой грамоты «розводу никак не учинити» приводило к необходимости обеспечить компенсацию за изымаемые у смоленских князей и бояр земли, придавая «выводам» видимость добровольного характера. Многие из них получили земли на правах вотчин (Д. И. Мирославич, В. Т. Алексеев). В 1540-е гг. вотчина в Можайском уезде принадлежала также князю С. Коркодинову. Позднее вотчинами в Медыньском уезде владели Полтевы, Спиридоновы, Петелины (Петлины), Босины, Александровы и Здешковские [37, с. 75; 2, № 119, с. 120, № 134, с. 131; 58, л. 106об.; 48, с. 851, 852]. Примечательным является и выбор Медыньского уезда для испомещения большого числа смольнян. Дело было не только в том, что после опалы князя М. Л. Глинского здесь появились свободные земли для новых раздач. В Медыньский уезд, территория которого значительно вырослась в конце XV в. после систематического давления на порубежные литовские земли, вошли вотчины некоторых смоленских бояр. Среди них были Полтевы. Несмотря на переселение названной в московско-литовском договоре ветви медыньских вотчинников Филипповых Полтевых в Ярославль, представители этой фамилии остались в Медыни. По этому городу в Дворовой тетради был отмечен Г. И. Полтев, а среди порозжих медыньских земель встречалась вотчина Д. Полтева. Встречались Полтевы и среди медыньских помещиков 1580-х гг. При этом, медыньцы Р. и И. Г. Полтевы по родословной были потомками второго сына упомянутого Филиппа Полтева Федора [76, с. 207; 48, с. 836, 848; 61, л. 486–487об.].

Кроме того в состав «литвы дворовой» вошли некоторые другие литовские выходцы, в том числе, оказавшиеся в Москве в более раннее время. Среди них были князья Вяземские, Козловские, а также С. А. Гнездиловский. Трудно определить причины их попадания сюда, притом, что остальные представители Великого княжества Литовского были расписаны по «городам» с обычными детьми боярскими, без какого-либо выделения их статуса. Относительно Козловских, возможно, сыграло свою роль присутствие в 1508 г. среди «слуг» М. Л. Глинского И. Козловского, родные братья которого к этому времени уже находились на московской службе. Характерно, что все представители другой ветви Козловских, служившие по Костроме, не включались в состав

«литвы дворовой» [30, с. 72]. В эту группу не входили также романовцы Ф.С. и А.Ф. Козловские.

Некоторые из Вяземских имели владения в Малоярославецком уезде (выехали вместе с М. Л. Глинским?), что могло способствовать зачислению и других их представителей в число «литвы». К слову сказать, некоторые переславцы Вяземские (А. Глухой и, видимо, его брат М. Черный) не служили по этому списку. М. Черный в 1519 г., когда еще продолжалась опала для М. Л. Глинского и его приближенных, был одним из воевод «на берегу» [57, л. 156, 254об., 388, 730; 56, с. 159].

Примеры Вяземских, Козловских и Друцких, служивших по разным спискам, свидетельствуют об изначально индивидуальном характере зачисления в состав «литвы дворовой» для представителей некоторых фамилий, которые, вероятно имели определенную свободу выбора: служить в составе этой группы или непосредственно в составе местных служилых корпораций. Второй вариант со временем приобретал все большее распространение.

К «литве» были приписаны некоторые пленники, избравшие московскую службу – С. Жеребятнич и, видимо, князь Б. Ф. Глинский. В Дворовой тетради по Малому Ярославу числился Богдан Федоров Глинский. Скорее, это был Богдан Владимиров Глинский [21, с. 53]. Определенную часть представителей этой группы составили также новокрещены – еврей Я. И. Жидовинов (Новокрещенов) и татары (литовские?) И. Казак и Азбедреев. Для остальных лиц, фигурировавших в Дворовой тетради под рубриками «литва дворовая», не удастся определить обстоятельства их появления в Москве.

Очевидно, что при определении круга лиц, получивших привилегированный статус членов Государева двора, московское правительство далеко не всегда руководствовалось сложившейся на их прежнем месте службы иерархией. Вполне вероятно, что среди представленных здесь лиц могли быть потомки путных бояр, щитных и доспешных слуг [39, с. 212], не говоря уже о названном выше крещеном еврее Я. И. Жидовинове. С другой стороны, потомки некоторых смоленских бояр, переселенные в центральные уезды, со временем были вынуждены довольствоваться более скромной ролью. Несмотря на сохранившиеся в родословной росписи Демьяновых упоминания о пожалованиях Василия III, в Дворовой тетради отсутствовали представители этой фамилии. Они, очевидно, служили вместе с городовыми детьми боярскими: «служили по Переяславлю-Залесскому и по Ярославлю». Лишь позднее они сделали карьеру на дьяческой службе [44, с. 153–161]. Та же судьба

ожидала потомков Ф. и И. Глебовых, хотя в последнем случае они могли и не принадлежать к «литве».

Стоит, видимо, согласиться с мнением М. М. Крома о том, что наиболее выдающиеся представители смоленского боярства покинули свои земли, переселившись после взятия Смоленска на другие территории Великого княжества Литовского [39, с. 212]. Отчасти, вероятно, по этой причине на московской службе никому из них вплоть до середины XVI в. не удалось добиться сколько-нибудь значимых успехов. Свидетельство родословной о пожаловании в кормление В. Я. Демьяновичу стольничего в Коломне в 1516 г. является единственным примером подобного рода, притом, что указанное кормление имело явно второстепенный характер.

Отмеченное наблюдение распространяется и на других представителей «литвы дворовой». Из них всех вплоть до 1540-х гг. разрядные назначения получали только сам М. Л. Глинский и некоторые его сподвижники, а также С. Жеребятичев. Стоит добавить, что Я. И. Ивашенцев держал в кормлении волость Сяма Вологодского уезда. В целом представители этой группы заняли довольно скромное положение, которое не изменилось даже после брака Василия III на Елене Глинской. Князь И. В. Козлов-Вяземский в 1556 г. обладал окладом в 250 четвертей. Фактически же ему принадлежало всего 170 четвертей («сказал» ранее 130 четвертей). Этот оклад мог быть результатом нескольких десятилетий внутрисемейных разделов. Тем не менее, для сопоставления, новый литовский выходец князь М. Свирский, который кроме Дворовой тетради не встречается в других делопроизводственных документах, в 1550-е гг. обладал окладом в 700 четвертей [12, с. 104–105; 76, с. 198].

Вероятно, на положение этой группы продолжало влиять их соотношение с М. Л. Глинским. Особенно четко взаимосвязь прослеживается применительно к князьям Жижемским. Падения и взлеты представителей этой фамилии происходили синхронно с перипетиями придворной карьеры Глинских – опала и заточение во второй половине 1510-х гг., «стратилатские» назначения начала 1530-х гг., а затем и участие в подготовке свадьбы Ивана IV и Анастасии Захарьиной в 1547 г. Связь с Глинскими сохраняли, видимо, и Гагины. В 1555/56 г. В. М. Гагин вместе с Д. М. Жижемским послушествовали в отказной грамоте М. В. Глинского на куплю его брата Юрия в Переславском уезде [77, с. 498; 83, с. 272].

Немногочисленные сохранившиеся упоминания не дают возможности определить особенности несения службы представителями «лит-

вы». В деле Ф. И. Крыжина и Щукиных упоминается эпизод служебной деятельности Г. Л. Щукина: «по того ж Федора (Крыжина. – М. Б.), государь, посылал меня Василей Яковлич (Захарьин. – М. Б.) в Муроме, а велел всей литве быти у себя». Очевидно, что в этом случае представители «литвы» должны были выступать в поход в качестве отдельного отряда. Не очень понятно, имелись ли в этом случае все члены этой группы, разбросанные по разным уездам страны, или только муромская «литва». Последнее кажется более вероятным в виду ограниченного характера действий этого отряда (погоня за отрядом черемисы). Подобным образом в казанском походе 1549 г. упоминались «можаичи и с литвою». В любом случае видно, что значительно чаще «людям Глинского» приходилось выступать в походы вместе с муромскими детьми боярскими. При этом ни в одном из эпизодов службы, перечисленных Щукиными, они не подчинялись кому-либо из воевод, принадлежавших к той же корпорации [4, № 502, с. 387–388; 43, с. 226].

Несколько по-иному выглядела ситуация в западных уездах. Реликтовый слой Можайской писцовой книги 1626–1627 гг., восходящий к началу 1540-х гг., показывает большое число местных помещиков, служивших в составе медынской «литвы дворовой»: Бокеевы, И. Т. Татаров, А. Ф. Первенцов, Свитины, а также Ж. А. Бородин. Скорее всего, к ним принадлежали также братья Спиридоновы [58, л. 54, 55, 105об., 186, 222об., 442об., 470об.; 59, л. 314, 336об., 933об.]. Очевидно, что связи между Можайской и медынской «литвой» в силу территориальной близости, общности происхождения и статуса должны были быть достаточно интенсивными. Общались с медынцами и помещики других уездов.

Показательной в этом отношении является завещание Марии, вдовы Можайского вотчинника Д. Мирославича. В этом документе фигурировало большое число представителей «литвы». Кроме медынца М. Л. Яковлева здесь были упомянуты можаичи А. И. Александров и В. О. Коптев. По Переславлю позднее служил брат П. А. Фурса Федор, а по Ярославлю – сыновья М. В. Пивова. П. А. Фурс и М. В. Пивов выступали в качестве свидетелей духовной грамоты. Примечательно, что многие перечисленные лица были выходцами из смоленского боярства (Мирославичи, Александровы, Коптевы, Пивовы). Сама Мария, вдова Д. Мирославича, завещала сделать небольшие вклады в смоленские церкви и монастыри. Видно, что несмотря на значительные расстояния, отделявшие Медынь и, например, Ярославль, эти в недавнем прошлом смоленские бояре продолжали поддерживать между собой тесные связи. Не исключено, что в их основе могла лежать совместная служба «литвы

дворовой». По сообщению С. Герберштейна, в распоряжении у Василия III было около полутора тысяч пехотинцев из литовцев. Вряд ли, однако, ими были представители «литвы дворовой», как считала А. Л. Хорошкевич [45, с. 10–12; 26, с. 114, 319].

В 1520 г. на Мокше воеводами были двое из них Я. Ивашенцев и С. Жеребятичев (названы друг за другом). В 1524 г. в конном рати вновь соседствовали тот же Я. Ивашенцев и М. А. Зверь, которые позднее были назначены воеводами «с нарядом с меньшим» [56, с. 174, 178, 188, 190]. Подобное соседство могло быть неслучайным. Вполне вероятно, что вместе с ними и под их началом находились и другие члены этой служилой корпорации. В целом, представители «литвы», как и их предшественники предыдущих десятилетий, достаточно быстро интегрировались в московское общество. Отрывочные данные источников показывают, что они часто взаимодействовали с местными детьми боярскими, не ограничиваясь кругом членов своей корпорации.

В 1521 князь И. Р. Болховский выступил в качестве писца купчей грамоты митрополичьей кафедры во Владимирском уезде. Радонежский помещик Митька Павлов Бакин, вероятный брат костромского «литвина» Бориса Павлова Бакина из смоленской боярской фамилии, часто упоминался вместе с местными землевладельцами Руготиными. В 1526 г. Ф. А. Руготин должен был разбирать его спор с Троице-Сергиевым монастырем. В 1535 г. Д. П. Бакин и З. А. Руготин уже сами выступали в качестве судей в поземельном споре [7, № 1, с. 12; 2, № 274, с. 277; 46, л. 164–165об., 339–339 об., 341–341об.].

В уже упомянутом завещании Марии Мирославич кроме выходцев из Великого княжества Литовского упоминались можайские дети боярские Сульменевы, С. П. Ступишин и И. Радилов, а также князья Тростенские-Оболенские, владевшие вотчинами в соседнем Малоярославецком уезде [45, с. 10].

Показателем сближения между «литвой» и остальными служилыми людьми являются сделки, заключенные в 1553–1554 гг. на дворы в недавно завоеванной Казани. С. М. Каштанов отметил «гнездование» представителей тех или иных уездной корпорации, оставленные здесь для несения гарнизонной службы. Соседом Плюсковых был К. Кондырев. Обе эти фамилии были отмечены в Дворовой тетради по Медыни. Одновременно фиксируются связи «литвы» с другими детьми боярскими, многие из которых были связаны с Можайским уездом. Г. М. Кондырев продал двор В. В. Радилову (Можайск). А. И. Александров («литва», Можайск) был покупателем двора у можайского вотчинника

С. А. Бортенева (записан по Дрогобужу). Меншик Ширяев Нестеров (Можайск) купил двор у упомянутых братьев Плюсковых. Послухами в акте были В. В. Радилев и А. А. Кулпин (Можайск). Писцом грамоты был Д. А. Кишкин, родственники которого также были известны в Можайском уезде. Видно, что для можайских детей боярских выходцы их «литвы» уже не воспринимались как чужеродный элемент [34, с. 5, 8, 12, 22, 23, 25, 27, 30–31]. Подобные связи подкреплялись совместной службой, что подтверждает разряд казанского похода 1549 г.

Князь С. А. Гнездиловский в 1550/1551 г. был послухом в купчей грамоте у местного вотчинника А. И. Нащокина Кемского в Пошехонском уезде. Очевидно, он пользовался авторитетом среди местных служилых людей, которые в начале 1560-х гг. избрали его своим губным старостой. Ранее его отец был наместником в Романове. В духовной костромича Кунана Писемского упоминался его душеприказчик князь И. А. Друцкий [35, с. 57].

Известны были также вклады, сделанные в московские монастыри. Уже говорилось, что Мария Мирославич в своем завещании упомянула несколько смоленских церквей и Спасский монастырь. Основная часть ее вклада, включавшее село Сквороденск, досталась однако, досталась Троице-Сергиеву и Пафнутьеву монастырям. Это был уже не первый ее вклад в Троице-Сергиев монастырь. Вклады сюда делали также Я. Иващенко и его жена Фекла. С Ростовским Борисоглебским монастырем были связаны Пивовы [25, с. 64; 73, с. 79; 33, с. 78].

Можно предположить, что только служба по особому списку (спискам?) тормозила процесс интеграции «литвы». Потомок бывших смоленских бояр неназванный по имени Бобоедов, погибший в 1552 г. под Казанью, считался «нижегородцем» [52, с. 478]. В Нижегородском уезде отсутствовала категория дворовых детей боярских, что, вероятно, способствовало интеграции выходцев из Великого княжества Литовского в структуру местного «города».

Стоит отметить практически полное отсутствие представителей «литвы дворовой» среди тысячников. Среди более чем 1000 кандидатов, которые должны были получить подмосковные поместья, присутствовал только один из них – Я. Булгаков Захарьин, с характерным определением «литвин». Не слишком высокий статус корпорации способствовал процессу постепенного уменьшения ее численности и выбыванию из нее представителей наиболее видных фамилий. Некоторые из них в 1550-е гг. несли службу непосредственно в составе местных корпораций: князя Козловские (Ф. С. Козловский, погибший во время штур-

ма Казани, упоминается как «романовец», вне «литвы» он был записан и в Дворовой тетради; по Романову числились также И. С. и А. Ф. Козловские), Д. М. и, вероятно, А. Д. Жижемские, М. и И. М. Гагины, что само по себе ставило вопрос о целесообразности дальнейшего существования «литвы дворовой».

В последний раз как отдельная группа «литва», точнее, только «литва медынская» упоминалась в 1563 г. в разряде полоцкого похода. Сужение употребленного термина свидетельствует об исчезновении других территориальных групп «литвы» в это время, которые, очевидно, вошли в состав служилых «городов». К. И. Жеребятчев, например, в 1564 г. был отмечен как «юръевец».

Некоторые известные в качестве «литвы» лица в 1550–1560-е гг. (еще до введения опричнины) привлекались к выполнению не слишком значительных разрядных поручений: князя Вяземские, Козловские, Друцкие, Коркодиновы, Пивовы, В. М. Гагин без ограничений, связанных с их происхождением и статусом.

Впоследствии представители «литвы» разделили судьбу местных детей боярских после перехода их уездов в опричное ведомство: некоторые из них вошли в число опричников и смогли сделать впечатляющую карьеру, другие – потеряли свои поместья и оказались переселенными в другие районы страны. В дальнейших боярских списках «литва» вновь появляется в 1588/89 г. Особенностью этого списка было копирование структуры Дворовой тетради, часто без учета произошедших за три десятилетия перемен. Среди выборных дворян здесь были отмечены «литва» с Костромы П. Гошевский и М. Мизин Дмитриев, с Дмитрова – Т. Севрюцкой [71, с. 222, 229]. Все они относились к эмигрантам более позднего времени и не были связаны с «литвой» 1550-х гг. Можно отметить также их общую немногочисленность и отсутствие компактных групп в местах их традиционной концентрации (Медынь, Можайск).

Не исключено, что упоминание в 1588/89 г. «литвы» было связано с вычленениями интересовавших московское правительство лиц из текстов десятен. В коломенской десятне 1577 г. присутствовала, например, группа «литвяки нововыезжие». Как и представители «литвы» дворовой они, очевидно, долгое время служили вне коломенского «города», о чем свидетельствует сделанное здесь же пояснение: «а ныне служат с Коломны с городом».

Отдельная служба «литвы» подтверждается и другими источниками. Т. Севрюцкой и М. Мизин в 1582 г. были ротмистрами «выезжих литовских людей». Под началом первого из них находилось 91 чело-

век, под началом второго – 79, судя по именам в основном польского происхождения (среди них был Бартош Станиславов, которого можно отождествить с известным позднее тобольским казаком из «литвы» и бывшим ротмистром Станиславом Бартошем) [72, с. 27–28; 3, № 98, с. 75–76]. В любом случае, очевидно, что упоминание этой «литвы» – «литвяков» было связано с более поздними экспериментами по включению выходцев из Речи Посполитой в существующую систему служебных отношений.

Одновременно с «литвой» на московской службе существовали и другие представители Великого княжества Литовского. В начале 1540-х гг. в писцовых книгах и связанных с ними актах несколько раз встречаются «смольняне». Больше всего подобных примеров было представлено в Можайском уезде, что в немалой степени объясняется сохранением реликтового слоя в писцовой книге 1626–1627 гг., хотя далеко не во всех случаях этого источника подобное определение могло сохраниться применительно к тому или иному лицу. Их однофамильцы, вероятные родственники и соседи по владениям часто встречались здесь без этого определения. «Смольняне» не были, однако, только можайским явлением. В Переславском уезде в 1542/43 г. упоминается поместье «смольнянина» А. С. Беликова. В том же году «смольняне» Онисим и М. Федоров были названы в платежной книге подмосковной волости Бели [8, № 71, с. 82; 83, с. 431; 47, л. 292об., 293]. Всего из этих отрывочных сведений удается насчитать 18 имен представителей этой «группы».

Очевидна их связь с различными слоями смоленского боярства. В целом, в сравнении с «литвой дворовой» они, однако, представляли его более низшие группы. К собственным боярским фамилиям, хотя и не первого порядка, принадлежали Коверзины, Алексеевы (возможно, однофамильцы), Петлины, Беликовы, Чечетовы, Савины. Путными боярами были Ходневы, Евсеевы (Евсевьевы), Дерновы. Характерно, но никто из потомков этих «смольнян» не был отмечен в Дворовой тетради. Размеры поместных окладов представителей этой группы из платежной книги волости Бели также подтверждают предположение об их невысоком социальном статусе. Обоим названным здесь «смольнянам» принадлежало незначительные поместья по 25 и 35 четвертей земли. Такими же поместьями владели мелкие дворцовые слуги – сокольники, сытники, подьячие. Беликовы, вероятные потомки А. С. Беликова служили позднее по Переславлю по родовому списку.

Видно, что «смольняне» отличались от «литвы». В той же можайской писцовой книге в качестве «литвина» фигурировал потомок смоленских

бояр А. Бородин, сын которого был отмечен в Дворовой тетради по Медыни [58, л. 186]. Скорее всего, они принадлежали к другой, более поздней волне смоленских переселенцев, получавших поместья по общему списку, что объясняет их не слишком высокий статус и упоминание в документах, так или иначе связанных с писцовыми описаниями. Они могли получить свои поместья в 1524 г., когда в источниках был упомянут «вывод» смоленских землевладельцев (в инструкции послам давались разъяснения на возможный ответ литовской стороны «чего деля князь великий смолян на Москву привел?»), или даже позже, во время, так называемой, «стародубской» войны 1534–1537 гг. В 1534 г. в Литву из Смоленска совершило побег несколько семей Коверзинных «и з жонами, и з детми... родом смолянне». Присутствие в разъезжей А. С. Беликова медынца и представителя «литвы дворовой» А. Ф. Лосминского (его сын позднее отметился в качестве писца грамоты в Переславском уезде), также вероятного выходца из смоленского боярства (не называл себя «смоляннином»), доказывает, однако, существование связей между двумя этими группами.

Судя по всему, существование отдельной группы «смолян» оказалось недолгим. В межевой книге владений Троице-Сергиева монастыря с окрестными землевладельцами середины 1550–х гг. встречается Ф. Беликов. Ему, как и его однофамильцу (отцу?) предыдущего десятилетия, в Переславском уезде принадлежала деревня Пезлево, что подтверждает преемственность владения. Он, тем не менее, в глазах разъездчиков не выделялся из массы местных детей боярских [9, с. 153].

В 1546 г. была выдана жалованная грамота Пелагее, вдове К. Клишкова «мстиславца», на выплату долгов мужа без роста [4, № 188, с. 143]. Судя по этому документу, К. Клишкову принадлежало поместье в Костромском уезде. Клишковици действительно принадлежали к числу мстиславских бояр. Их появление на московской службе резонно связать с переходом князя Ф. М. Мстиславского в 1526 г. К сожалению, упоминание «мстиславцев» является единственным, что не позволяет сделать выводы о составе и эволюции этой группы. К числу «вассалов» Ф. М. Мстиславского принадлежали также Раевские, которые в Дворовой тетради были записаны по Малому Ярославцу, пожалованному ему в «вотчину» (в опубликованном тексте ошибочно записаны как Ржевские). В начале 1530-х гг. этот вельможа, видимо, попал в опалу. Не исключено, что это событие могло привести к роспуску его двора и переводу некоторых его слуг в прямое подчинение Василию III [31, с. 128].

Еще одной группой выходцев из Великого княжества Литовского были «паны». Впервые представители этой группы встречаются в уже

упомянутой платежной книге подмосковных волостей 1542/43 г. В волости Шеренка поместьями владели паны Митя Казначеев и Митя Бездедов (по 25 четвертей) [47, л. 287об., 288]. Не исключено, что «паны» имели более раннюю историю. В 1532 г. в Костромском уезде встречался помещик Марко пан, хотя в его случае речь могла идти о прозвище, а не об определении, отражавшем его принадлежность к этой группе. В последующие годы «паны» начинают регулярно фигурировать в различных источниках. В данной грамоте Богоявленскому монастырю в Коломенском уезде 1548 г. упоминалось поместье, принадлежавшее ранее пану Игнатию. В межевых книгах владений Троице-Сергиева монастыря середины 1550-х гг. в Кашинском уезде встречалось имя нововыезжего пана Ивана. Пан Якуш был прежним владельцем поместья в Шелонской пятине в 1562 г. [13, с. 55; 1, № 53, с. 41; 4, № 108, с. 80]. Складывается впечатление, что «панями» начали обозначаться все новые выходцы из литовских земель не слишком высокого ранга, о чем свидетельствуют отсутствие у большинства из них фамилий, а также низкие размеры поместных окладов (в случае с Казначеевым и Бездедовым).

Общее количество подобных эмигрантов до начала военных действий в 1561 г. продолжало оставаться весьма значительным. В Дворовой тетради наиболее заметные из них фигурировали как «нововыезжие»: М. И. Черноморский, К. И. Есипов, В. Г. Зюзин, князь М. Свирский, М. и П. Т. Львовы. К ним стоит добавить А. С. Лашинского (Лашицкого), который позднее в рязанской писцовой книге был назван «литвином» [76, с. 164, 195, 198, 208; 11, с. 27, 66]. Стоит отметить, что он был женат на дочери М. Дрожжина и, возможно, сам принадлежал ранее к «литве дворовой».

Обстоятельства их появления в Москве могли существенно отличаться. Некоторые могли оказаться здесь вместе с князем Д. И. Вишневецким, другие могли быть индивидуальными «искателями приключений», как известный в литературе И. С. Пересветов, или совершить побег после конфликтов различного рода со своим окружением.

В принципе комплекс этих причин равнозначно действовал для обеих: московской и литовской сторон. Общее количество переходов резко возрастало во время вооруженных конфликтов, а также на пиках внутриполитической борьбы, особенно в случае с Московским государством, где массовые побеги служилых людей произошли в начале регентства Елены Глинской, а затем в годы террора Ивана Грозного [38, с. 114–115].

Не исключено, что значительное количество «москвитин», в том числе, «новоприбывших», фиксируемое в материалах Литовской Метрики первого десятилетия XVI в., также было отражением подобного явления.

Анализ новгородских писцовых книг показывает, что некоторые местные дети боярские, воспользовавшись смертью Ивана III, оставили здесь свои поместья [18, с. 109–111]. Некоторые из них перешли на удельную службу. Росту внутривоеводской напряженности должно было способствовать и катастрофическое поражение московской рати под Казанью. Состояние источников, к сожалению, не позволяет проследить более детально общую динамику этого процесса и определить побудительные причины для смены подданства служилыми людьми по обе стороны границы.

Позднее дополнительным фактором для переходов представителей Великого княжества Литовского помимо популярности царя, успешно сражавшегося с «басурманами», являлось успешное функционирование поместной системы, получившей новый импульс для своего развития в середине XVI столетия. Для безземельных литовских, а затем и польских шляхтичей выезд в Москву давал реальную возможность получить земельный надел, а затем и передать его по наследству своим потомкам. Как показывает пример князя М. Свирского, некоторым из них предоставлялись внушительные оклады (700 четвертей). Переход М. Свирского примечателен еще и в том отношении, что вся его фамилия уже давно исповедовала католицизм, что не стало препятствием для его появления при московском дворе. Свидетельство князя А. М. Курбского показывает, что здесь находили пристанище и другие католики. Одной из первых жертв террора начала 1560-х гг. стала некая Мария Магдалина и ее 5 сыновей. Она была «родом ляховица, потом исправилась в правоверие». Очевидно, что выезд ее мужа, неназванного по имени, произошел еще, по крайней мере, в предшествующее десятилетие [10, с. 136].

Недостаток источников не позволяет определить время появления на московской службе большинства «панов». Безусловно, начавшиеся в 1561 г. военные действия и, особенно, взятие Полоцка, способствовали увеличению количества выходцев из Великого княжества Литовского – Речи Посполитой на московской службе. Сохранившиеся нижегородские дозорные книги 1571/72 г. фиксируют присутствие в этом уезде большого числа подобных лиц. Всего насчитывается не менее 15 человек – 12 панов (из них 3 нововыезжих) и 2 литвина [14, с. 212–261; 3, № 132, с. 103–104]. Многие «паны» и «литвины», вероятно, перешли на службу к Ивану Грозному на добровольных началах.

Судьбу некоторых новых эмигрантов удастся проследить на протяжении последующих десятилетий. Крайне удачно, например, сложилась судьба В. Г. Зюзина. По своему происхождению он принадлежал к потомкам тверских бояр, бежавших в Литву в 1485 г. вместе с Михаилом

Тверским. На московскую службу В. Г. Зюзин перешел где-то в конце 1540-х гг. после конфликта с О. Воловичем. Здесь он быстро восстановил связи со своими родственниками Зюзиными и Шетневыми. В Дворовой тетради его имя было записано в рубрике «Суздаль» сразу после имен его однофамильцев Зюзиных. Уже в 1562 г. он присутствовал среди дворян на встрече литовского посланника, а во время полоцкого похода 1562/63 г. находился среди детей боярских, «которым спати в стану». Впоследствии после введения опричнины сделал в ней впечатляющую карьеру, дослужившись в итоге до думного дворянина, чему не помешал отъезд в Литву его московского родственника Бахтеяр Зюзина. Важнее отметить другое. Несмотря на свое воспитание и условно «литовское» происхождение, он очень быстро адаптировался к реалиям московского общества. В 1576 г. состоялся его местнический спор с Ф. Ф. Нагим, который показал его глубокое знание действовавших правил игры. Он отметился еще в нескольких местнических столкновениях. Известны были его связи с Кирилло-Белозерским (сделал туда крупный вклад по своим родителям) и с московским Чудовым монастырями. Его дочь была замужем за А. И. Годуновым [66, с. 1–36; 85, с. 62, 68, 70, 75].

Нижегородские дети боярские Стружские С. Б. Веселовским причислялись к потомкам выселенных новгородцев. П. В. Чеченков осторожно предположил их литовское происхождение. Действительно, в дозорных 1571/72 и 1587/88 гг. Г. И. Стружский фигурировал как «пан» и «литвин». Известно было также поместье пана И. Стружского. Их однофамильцы и, скорее всего, родственники Мосей и Филипп Стружские еще в 1552 г. принимали активное участие в споре Никольского Дудина монастыря с местными помещиками Арбузовыми. По словам последних, они были «у Николы в монастыре вкладчики» и по этой причине заняли сторону монастырских старцев [14, с. 239, 242, 243; 23, с. 322; 81, с. 64; 45, с. 227–229].

Затянувшееся существование отдельных групп «панов» и «литвинов» в рамках Московского государства было вызвано не столько их слабой интеграцией к существовавшим здесь особенностям социально-политического развития, сколько постоянным наплывом новых лиц, количество которых во второй половине XVI в. исчислялось уже несколькими сотнями. При всей гибкости созданной системы служебных отношений, с легкостью вбиравшей в себя новые элементы, на усвоение и переработку этого нового человеческого «материала» требовалось время. Более тесному вовлечению в жизнь местных корпораций служилых людей препятствовала служба выходцев из Речи Посполитой по особым спискам. Коломенские «литвяки» в 1577 г., недавно начавшие службу в рамках

местного «города» практически не смогли найти для себя поручителей. Из детей боярских поручителями по Г. С. Васильеву выступили только окладчик Т. Борыков (как должностное лицо?) и его сосед по поместью Смага Янов. Играл свою роль и изменившийся состав новых эмигрантов, среди которых весомое место начали занимать поляки.

Особенностью переходов на московскую службу, начиная с 1560-х гг., стал более низкий статус эмигрантов, среди которых отсутствовали представители первостепенных родов и фамилий. По сути, князь Д. И. Вишневецкий был последней знаковой фигурой, отметившейся при московском дворе. Большая часть «панов» принадлежала к безземельной шляхте, не имевшей особых заслуг на прежнем месте службы. В отсутствие влиятельных покровителей им было трудно надеяться на значительное продвижение по службе. Из трех представителей «литвы», выборных дворян 1588/89 г. только один из них – М. Мизин Дмитриев – остался в этом качестве в 1602/03 г. [71, с. 262]. Новые же «литвины» уже не зачислялись в состав этой прослойки, что существенно ограничивало их карьерный рост. В целом, при всей своей многочисленности они заняли довольно скромное место в служебной системе, постепенно сливаясь с провинциальными детьми боярскими.

Новым этапом стало появление «черкас», позднее казаков «литовского списка», обозначившее основной вектор взаимодействия в отношении Московского государства и Речи Посполитой в последующие столетия и радикально изменившим контуры противостояния между ними.

Список литературы

1. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв. / отв. ред.: В. Д. Назаров. – М.: НИЦ «Ладомир», 1998. – 734 с.
2. Акты Русского государства 1505–1526 гг. / сост.: С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1975. – 436 с.
3. Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. – Т. 1 / сост.: А. В. Антонов, К. В. Баранов. – М.: Археографический центр, 1997. – 432 с.
4. Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. – Т. 4 / сост.: А. В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2008. – 632 с.
5. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Т. 1. / сост.: С. Б. Веселовский. – М.: АН СССР, 1952. – 804 с.
6. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Т. 3 / сост.: И. А. Голубцов. – М.: Наука, 1964. – 688 с.
7. Акты феодального землевладения и хозяйства. – Ч. 3. / сост. Л. В. Черепнин. – М.: АН СССР, 1961. – 444 с.
8. Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / сост.: Л. И. Ивина. – Л.: Наука, 1983. – 352 с.

9. Алексеев, Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд / Ю. Г. Алексеев. – М.; Л.: Наука, 1966. – 267 с.
10. Андрей Курбский. История о делах великого князя московского / подг.: К. Ю. Ерусалимский. – М.: Наука, 2015. – 943 с.
11. Анпилогов, Г. Н. Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века / Г. Н. Анпилогов. – М.: МГУ, 1982. – 272 с.
12. Антонов, А. В. «Боярская книга» 1556/57 года / А. В. Антонов // Русский дипломатарий. – Вып. 10. – М.: Древлехранилище, 2004. – С. 79–117.
13. Антонов, А. В. Костромские монастыри в документах XVI – начала XVII века / А. В. Антонов // Русский дипломатарий. – Вып. 7. – М.: Древлехранилище, 2001. – С. 52–218.
14. Антонов, А. В. Нижегородские поместные акты конца XVI – начала XVII века / А. В. Антонов // Русский дипломатарий. – Вып. 5. – М.: Памятники исторической мысли, 1999. – С. 212–276.
15. Антонов, А. В. Новая полная грамота XV века / А. В. Антонов // Русский дипломатарий. – Вып. 6. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – С. 9–13.
16. Антонов, А. В. Родословные росписи / А. В. Антонов. – М.: Археографический центр, 1996. – 414 с.
17. Бенцианов, М. М. «Княжеский элемент» в новгородской поместной корпорации на рубеже XV–XVI вв. / М. М. Бенцианов // Новгородский исторический сборник. – Вып. 15 (25). – Великий Новгород: Новгородский государственный университет, 2015. – С. 88–112.
18. Бенцианов, М. М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. / М. М. Бенцианов. – М.: Центрполиграф, 2019. – 440 с.
19. Бранденбург, Н. Е. Род князей Мосальских / Н. Е. Бранденбург. – СПб.: тип. Артиллерийского журнала Фурштатская, 1892. – 642 с.
20. Бычкова, М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв. Источниковедение. Генеалогия. Геральдика / М. Е. Бычкова. – М.: Квадрига, 2012. – 368 с.
21. Бычкова, М. Е. Состав класса феодалов / М. Е. Бычкова. – М.: Наука, – 1986. – 227 с.
22. Веселовский, С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев / С. Б. Веселовский. – М.: Наука, – 1969. – 584 с.
23. Веселовский, С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси / С. Б. Веселовский. – Том 1. – М.; Л.: АН СССР, 1947. – 496 с.
24. Вкладная книга брянского Свенского монастыря / изд. В. Арсеньев. – Тула, 1911. – 43 с.
25. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1987. – 439 с.
26. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн; вступ. статья А. Л. Хорошкевич. – М.: МГУ, 1988. – 429 с.

27. Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции / подгот. текста и коммент. А. А. Зими́на; под ред. Л. В. Черепнина. – Ч. 1. – М., 1978. – 212 с.
28. Дмитриева, Р. П. Сказание о князьях владимирских / Р. П. Дмитриева. – М.; Л.: АН СССР, 1955. – 214 с.
29. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подг. Л. В. Черепнин. – М.; Л.: АН СССР, – 1950. – 585 с.
30. Зимин, А. А. Новое о восстании М. Глинского в 1508 г. / А. А. Зимин // Советские архивы. – № 5. – 1970. – С. 68–73.
31. Зимин, А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. / А. А. Зимин. – М.: Наука, 1988. – 350 с.
32. Кабанов, А. Дворяне Судимонтовы (Судимантовы) на московской службе / А. Кабанов // Бурыйлинский альманах. – №2 (6). – Иваново, 2016. – С. 4–9.
33. Кабанов, А. Ю. Заметки о дворянском роде Пивовых / А. Ю. Кабанов // Археографический ежегодник за 2012. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – С. 76–98.
34. Каштанов, С. М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае / С. М. Каштанов // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. – Вып. 116. – 1973. — С. 3–35.
35. Каштанов, С. М. По следам троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 г. и архив Троице-Сергиева монастыря) / С. М. Каштанов // Записки отдела рукописей. – Вып 40. – М.: Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина. – 1979. – С. 4–58.
36. Келембет, С. Князі Несвізькі та Збаразькі: XIII – початок XVI століть / С. Келембет. – Кременчук: Християнська зоря, 2017. – 212 с.
37. Кобрин, В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.) / В. Б. Кобрин. – М.: Мысль, – 1985. – 278 с.
38. Кром, М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века / М. М. Кром. – М.: Новое литературное обозрение, – 2010. – 888 с.
39. Кром, М. М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М. М. Кром. – М.: Археографический центр, 1994. – 304 с.
40. Кузьмин, А. В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV – первой половине XVI века / А. В. Кузьмин // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: Сб. статей. – Т. 2. – Тула: «Инфра», 2002. – С. 5–28.
41. Кузьмин, А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. / А. В. Кузьмин. – Т. 1. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, – 2014. – 336 с.
42. Кузьмин, А. В. Опыт комментария к актам Полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. / А. В. Кузьмин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 4 (30). – С. 50–68.

43. Курбатов, О. А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска. Приложение: 1549 г. / О. А. Курбатов // Единорогъ. Материалы по военной истории эпохи Средних веков и раннего Нового времени. – Вып. 1. – М.: Квадрига, – 2009. – С. 226–227.

44. Лихачев, Н. П. Разрядные дьяки XVI века: опыт исторического исследования / Н. П. Лихачев. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. – 559 с.

45. Лихачев, Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. – Вып. 1: Духовные и сговорные грамоты. Вып. 2: Грамоты правые / Н. П. Лихачев. – СПб.: Тип. В. Балашева и К°, – 1895. – 272 с.

46. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). – Сборник грамот и других актов Троице-Сергиева монастыря. – Ф. 303. – Кн. 518.

47. НИОР РГБ. – Фрагмент платежной книги поместных, вотчинных и монастырских земель Московского уезда волостей Шеренка, Воря и Корзенов, Радонеж и Бели. – Ф. 303. – Кн. 637. – л. 284–298.

48. Писцовые книги Московского государства. – Ч. 1. Отд. 2. / под ред. Н. В. Калачева. – СПб.: Импер. Русское географическое общество, 1877. – 924 с.

49. Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. – Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. – М.: Древлехранилище. – 866 с.

50. Полное собрание русских летописей. – Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / подг. С. Ф. Платонов. – СПб.: Археогр. комиссия, 1897. – 262 с.

51. Полное собрание русских летописей. – Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / подг. С. Ф. Платонов. – СПб.: Археогр. комиссия, 1901. – 272 с.

52. Полное собрание русских летописей. – Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 2-я половина / подг. С. Ф. Платонов. – СПб.: Археогр. комиссия, 1906. – 240 с.

53. Полное собрание русских летописей. – Т. 23: Ермолинская летопись / подг. Ф. И. Покровский. – СПб.: Археогр. комиссия, 1910. – 239 с.

54. Полное собрание русских летописей. – Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. / подг. М. Н. Тихомиров. – Л.: АН СССР, 1949. – 464 с.

55. Псковские летописи / ред. А. Н. Насонов. – Вып. 2. – М.: АН СССР, 1955. – 363 с.

56. Разрядная книга. 1475–1605 гг. / сост. Н. Г. Савич; предисл. В. И. Буганова. – Т. 1. – Ч. 1. – М.: Ин-т истории СССР, 1977. – 188 с.

57. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Писцовая (приправочная) книга Малоярославецкого уезда И. Вельяминова, 1587/88–91/92 гг. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 539.

58. РГАДА. – Писцовая книга Можайского уезда 1626/27 г. письма Н. Неплюева. 1-я половина. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 10815.

59. РГАДА. – Писцовая книга Можайского уезда 1626/27 г. письма Н. Неплюева. 2-я половина. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 10816.

60. РГАДА. – Писцовая книга Мосальского уезда 1627/28 г. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 252.
61. РГАДА. – Родословная Полтевых. – Ф. 286. Герольдмейстерская контора. – Оп. 1. – Кн. 241. – л. 486–487об.
62. Редкие источники по истории России / под ред. А.А. Новосельского, Л. Н. Пушкарева. – Вып. 2: Новые родословные книги XVI в. / сост.: З. Н. Бочкарева, М. Е. Бычкова. — М.: Ин-т истории СССР, 1977. – 186 с.
63. Родословные росписи тверской аристократии конца XVII века / публ. Л. Е. Шабаев // Российская генеалогия. Исторический альманах. – Вып. 2. – М.: Старая Басманная, 2017. – С. 176–280.
64. Русина, Е. В. Знакомый незнакомец: Василий Никольский en famille / Е. В. Русина // Славяноведение. – 2000. – № 2. – С. 69–74.
65. Русина, Е. В. Персональный состав северских князей во второй половине XIV в. / Е. В. Русина // Историческая генеалогия. – Вып. 2. – Екатеринбург, Париж: Ярмарка-Пресс, 1993. – С. 14–18.
66. Русский исторический сборник. – Т. 5: Местничество. Дела, собранные действительным членом П. И. Ивановым. – Кн. 2. / ред. проф. Погодин. – М.: Об-во истории и древностей Российских, 1842. – 396 с.
67. Сборник Императорского Русского исторического общества. – Т. 35: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. – Ч. 1 (годы с 1487 по 1533) / под ред. Г. Ф. Карпова. – СПб., 1882. – 952 с.
68. Сборник Русского Исторического Общества. – Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскими и Ногайскими Ордами. – Ч. 1 (годы с 1474 по 1505) / под ред. Г. Ф. Карпова. – СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1884. – 558 с.
69. Сметанина, С. И. Докладная полная XV века / С. И. Сметанина // Архив русской истории. – Вып. 8. – М. Древлехранилище, 2007. – С. 332–336.
70. Станиславский, А. Л. Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. / А. Л. Станиславский // Археографический ежегодник за 1972 г. – М.: Наука, 1974. – С. 293–301.
71. Станиславский, А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков / А. Л. Станиславский. – М.: РГГУ, 2004. – 506 с.
72. Сторожев, В. Н. Материалы для истории русского дворянства: Десятни и Тысячная книга XVI века. Десятни XVI века / В. Н. Сторожев // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. – Кн. 8. – М., 1891. – С. 1–459.
73. Стрельников, С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века / С. В. Стрельников. – М.; СПб.: Альянс-Архео, – 2009. – 360 с.
74. Темушев, В. Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе / В. Н. Темушев. – М.: Квадрига, 2009. – 192 с.
75. Темушев, В. Н. Первая московско-литовская пограничная война: 1486 – 1494 / В. Н. Темушев. – М.: Квадрига, – 2013. – 312 с.

76. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / под ред. А. А. Зимина. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 449 с.
77. Усачев, А. С. Об одном нетипичном случае переписки книг в России XVI в. / А. С. Усачев // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании*. – М.: Аквилон, 2016. – С. 497–499.
78. Флоря, Б. Н. Великое княжество литовское и Рязанская земля в XV веке / Б. Н. Флоря // *Славяне в эпоху феодализма*. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1978. – С. 182–189.
79. Фундуклей, И. Обзорение Киева в отношении к древностям / И. Фундуклей. – Киев, 1847. – 111 с.
80. Чернов, С. З. Волок-Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения / С. З. Чернов. – М.: Ин-т археологии РАН, 1998. – 543 с.
81. Чеченков, П. В. Формирование землевладения и фамильный состав нижегородской служилой корпорации первой половины – середины XVI в. / П. В. Чеченков // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – 2015. – Вып. 1 (59). – С. 60–75.
82. Шеков, А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI века / А. В. Шеков. – М.: Квадрига, Русская панорама, 2012. – 364 с.
83. Шумаков, С. Обзор «Грамот коллегии экономии». – Вып. 4: Кострома «с товарищи» и Переславль-Залесский / С. Шумаков. – М.: Общество истории и древностей при Московском университете, 1917. – 688 с.
84. Эміграцыя знаці з рускіх княстваў у Вялікае княства літоўскае (40-я гг. XV – 30-я гг. XVI ст.). Дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.03 / А. У. Казакоў. – Мінск, 2010. – 154 л.
85. Эскин, Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр / Ю. М. Эскин. – М.: Археографический центр, – 1994. – 270 с.
86. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica. – Кн. 8 (1499–1514) / Parengė A. Baliulis ir kt. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1994. – 649 p.
87. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica. – Кн. 37 (1552–1561) / Parengė D. Baronas. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų l-kla, 2011. – 632 p.
88. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica. – Кн. 4 (1479–1491) / Parengė L. Anužytė. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų l-kla, 2004. – 286 p.
89. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica. – Кн. 6 (1494–1506) / Parengė A. Baliulis. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2007. – 516 p.
90. Lithuanian Metrica. Литовская Метрика. Lietuvos Metrica. – Кн. 9 (1511–1518) / K. Pietkiewicz. – Vilnius: Žara, 2002. – 615 p.
91. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895. – 698 s.

Подберезкин Ф. Д.

**«ИЗБЫВАЯ ДАНЕЙ ПРАРОДИТЕЛЕЙ»:
ВОПРОС О ЛЕНЕ И ДАНИ В ОТНОШЕНИЯХ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКОГО
И СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ С ЛИВОНИЕЙ
(XV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI в.)**

Введение

В письме королю датскому Фредерику II 5 апреля 1559 г. русский царь Иван IV подробно изложил причины Ливонской войны, начавшейся зимой 1557/1558 гг. Среди них указывалась измена «ливонских людей» в пользу императоров Священной Римской империи: «ливонские люди приложились были к Римскому цесарству, избывая даней наших прародителей» [1, с. 46]. Под «данью прародителей» имелась в виду знаменитая «юрьевская дань» – исторический налог, который епископ Дерпта обязывался ежегодно платить великим князьям московским. Древнейшими упоминаниями «юрьевской дани» являются договоры Пскова и Дерпта 1463 и 1474 гг.; происхождение «дани» остается загадкой [2, с. 155–156; 3, с. 133; 4; 5; 6; 7]. Весной 1554 г., когда русские представители Иван Висковатый и Алексей Адашев неожиданно для ливонцев потребовали уплаты этой дани, послы заметили, что являются подданными императора [8, с. 23–38]. Когда в том же году в Ливонию прибыл посол царя Келарь Терпигорев, канцлер епископа дерптского Юрген Хольтшнор заявил, что ливонцы не могут одобрить обязательства платить дань без совета с императором, который является «верховным сюзереном земли» [9, S. 46]. Русский посол ответил: «какое дело моему господину до императора?» и слукавил: в начале вооруженного конфликта (1560 г.) Иван IV написал письмо Фердинанду I, где, в ответ на его просьбу прекратить войну против его вассалов, писал, что ливонцы «подлежаша данми и всякими послушании» Рюриковичам, а для «разрешения напрасно колеблемых помыслов» император мог бы послать «благоразумных советников» для консультации в Москву [10]. Так, в конце 50-х – начале 60-х гг. XVI в. Ливония оказалась спорным объектом интересов двух сюзеренов – русского царя и императора Священной Римской империи. Каждый из них претендовал на верховное господство над Ливонией, а русская акцентировала свои претензии, потребовав «юрьевскую дань» как давно «забытый» налог.

Постановка проблемы

«Имперский фактор» является мало учтенным в историографии как вопроса о «юрьевской дани» в частности, так и вопроса о причинах Ливонской войны (1558–1583 гг.) в целом. Кто был «истинным господином» Ливонии? Знали ли в Русском царстве и Священной Римской империи об «исторических правах» друг друга на земли Восточной Прибалтики? Был ли «римский аналог» «юрьевской дани»? Попытаемся ответить на эти вопросы, последовательно рассмотрев «ливонский вопрос» в политике римских императоров от Сигизмунда I Люксембурга до Фердинанда I.

Ливония и Империя: дискуссия историков

Вопрос о правовом статусе ливонских государств в составе Священной Римской империи дискутируется исследователями более ста лет [11; 12; 13; 14; 15]. Первоначальная тенденция в немецкой историографии довоенного времени рассматривать Ливонию как «марку» Империи начиная с момента наделения епископа рижского Альберта [16, S. 47] и епископа дерптского Германа [17, S. 72] регалиями в 1224 г. сменилась на скепсис относительно прямых свидетельств источников в послевоенное время. Вслед за историком права Э. Питцем [18] немецкий исследователь М. Хелльманн заключил, что Ливония «никогда не была» частью немецкого королевства и Империи вообще [15, S. 69, 71]. Мнение М. Хелльманна не стало решающим – другие историки считали, что Ливония все же стала частью Империи в конце XV – первой половине XVI в. [19, S. 77; 20, S. 122].

В современной историографии принято считать, что рижский и дерптский епископы изначально считались вассалами римского короля (хоть долгое время этот статус был номинальным) [21, S. 260], а начиная с конца XV в. можно говорить о Ливонии как о «провинции Империи» в целом [22, S. 188]. XVI в. называется временем «наиболее тесного сближения» Ливонии и Империи [23, S. 283–284]. Следуя традиции, мы будем исходить из той позиции, что на протяжении XV – первой половины XVI в. происходило политическое сближение ливонских государств с владениями Габсбургов, закончившееся тем, что вся территория Ливонии к началу войны с Русским царством в 1558 г. считалась вассальной территорией Империи.

Налог на «дело Божие»

Сигизмунд Люксембургский первым из государей Священной Римской империи напрямую вмешался во внутрививонские дела. С 1417 г.

епископ дерптский находился под защитой великого князя литовского Витовта [24, S. 213–214]. Это беспокоило великого магистра Немецкого ордена Пауля фон Русдорфа, и он обратился с этим делом к римскому королю Сигизмунду. Летом 1422 г. Сигизмунд отправил специальное письмо епископу дерптскому Дитриху фон Резелеру, в котором приказывал последнему «вернуться от защиты герцога Витовта к нашему Ордену» [25, S. 151–152; 21, S. 267]. Примечательно, что комтур в деловой переписке с великим магистром называет римского короля «нашим господином королем» («*unser herr koning*») [25, S. 152, 298].

2 декабря 1427 г. на рейхстаге во Франкфурте-на-Майне было принято решение об общеимперском налоге для борьбы с еретиками-гуситами [26, S. 92–98]. Сословия действовали от имени «Церкви и христианства», период взимания налога откладывался до времени, «когда дело Божие придет к благополучному исходу» [26, S. 92]. Среди регионов, подлежащих налогу, Ливония прямо не указывалась (в латинском варианте называлась только Пруссия), однако сборы поступали с церковных провинций в целом, а Пруссия и Ливония в духовном отношении подчинялись архиепископу рижскому [21, S. 270]. 7 декабря кардинал Генрих вручил великому магистру Ордена письмо с решениями рейхстага, которое последний должен был передать архиепископу рижскому [27, S. 461]. Ливонские прелаты так и не заплатили имперского налога – ссылались на нехватку времени [25, S. 244] и опасность от русских [21, S. 272].

Уплата имперских налогов является важнейшим признаком включенности политического субъекта в административную структуру Империи [28, S. 311]. Несмотря на то, что ливонские епископы так и не заплатили налог на войну с гуситами, они не выступали против самого обязательства. Отметим, что римский император обращался к великому магистру Немецкого ордена и епископам как к поданным; они же обращались к нему как к *«своему господину»*. Это давало Габсбургам прецедент считать всю Ливонию частью Священной Римской империи. Данная тенденция еще не стала предметом интереса великих князей московских, занятых внутренними проблемами (династическая война 1425–1462 гг.).

Ливонский долг Конраду фон Вайнсбергу

Короткое правление римского короля Альбрехта II совпало со временем всеобщего политического кризиса в Восточной Европе – в Великом княжестве Литовском шла династическая война (30–40-е гг. XV в.), в которой участвовал магистр ливонской ветви Ордена. Необходимо учиты-

вать и контекст церковной схизмы, в решение которой в конце 30-х гг. XV в. был вовлечен и рижский архиепископ. В начале 1439 г. протектором собора в Базеле был назначен имперский наследный казначей Конрад фон Вайнсберг – фаворит Альбрехта II [29, S. 209]. Возможно, поэтому основные политические игроки Пруссии и Ливонии (послы великого магистра, ливонского магистра Ордена, рижского архиепископа как главы Церкви в Ливонии и Пруссии) были представлены на соборе в полном составе (1439) [30, S. 58]. Ливонские представители показывали, что важнейшие дела Империи непосредственно касаются и их. Неизвестно, была ли представлена дерптская церковь. В любом случае, дерптский епископ подчинялся архиепископу рижскому, как своему непосредственному духовному владыке и, в свою очередь, вассалу римского короля.

Как и во времена Сигизмунда Люксембургского, важнейшим представителем Империи на востоке для Альбрехта II был не имперский князь (рижский архиепископ), а Немецкий орден. Великий магистр Ордена Пауль фон Русдорф был посвящен в планы Альбрехта II, например, об имперских посольствах в Великое княжество Литовское, интересах Габсбургов в Польше и Венгрии, турецкой угрозе [30, S. 252]. Споры внутри Ордена (между магистром Ордена в Германии и великим магистром) на Базельском соборе решались духовными князьями империи – архиепископами Майнца, Кёльна и Трира [30, S. 420].

«Hausmachtpolitik» и «старые залого»

Польский исследователь М. Бискуп отмечал: «Вопреки старым мнениям, Фридрих III уже в 1440 г. видел себя не только королем, но и римским императором, руководствовался определенной имперской идеей в мировом масштабе. Он чувствовал себя наследником Штауфенов и их универсальной имперской идеи... Вполне объяснимо, что в своей внешней политике он начал интересоваться происходящим в других регионах» [20, S. 104]. Подобные представления определяли политику Фридриха III по отношению к Ливонии и Пруссии. Король (с 1452 г. император) постоянно напоминал магистрам Немецкого ордена, что Орден является «членом Священной Империи», таким же, как и другие владетели [20, S. 109–110]. Конкретные проявления «домашней политики» («Hausmachtpolitik») такого рода имели место и по отношению к Ливонии. 20 апреля 1481 г. император Фридрих III пожаловал магистра ливонской ветви Ордена городом Ригой и регалиями архиепископства рижского, препоручив епископу ревельскому Симону принести клятву

верности магистру [31, S. 36]. 22 апреля император написал отдельное письмо епископам Эзеля, Дерпта и Курляндии, где сообщал о пожаловании магистра и требовал исполнения вассальных обязательств по отношению к последнему [31, S. 209]. Так Фридрих III де-факто показал себя верховным сюзереном, который распорядился своим леном (церковной провинцией Рига) и наказывал непосредственным вассалам, епископам Ливонии, подчиняться магистру Ордена, который оказывался в зависимом положении ввиду принятия регалий от императора.

Данные решения были приняты в обстановке войны, которую ливонский магистр Бернд фон дер Борх вел с «вотчиной» великого князя московского Ивана III Псковом (1480–1481). 21 сентября 1481 г. между псковскими наместниками великого князя московского Ивана III, Немецким орденом в Ливонии и рижским архиепископом был заключен мир [32], а в 1483 г. магистр Бернд фон дер Борх в залог за деньги, которые русские требовали у ганзейских городов, отдал часть пограничных земель Ливонии великому князю московскому [33, S. 20]. Во время посольства рыцаря Николая Поппеля в Москву 1488 г. магистр предпринимает попытку вернуть эти земли. Устами посла императора ливонцы дают понять Ивану III что они являются «подданными» Фридриха III: «А то с нами приказал Магистр к твоей милости для того, что добре уведал... что те Немци Вифлянские земли поддани суть царству Государя нашего» [34, с. 9–10].

Великий князь Иван Васильевич ничего не ответил на заявления о «подданстве». Значит, если с сюзеренитетом римского императора над Ливонией могли и не соглашаться, то о таких устремлениях Габсбургов в Москве в это время уже было известно. Тем не менее, великий князь отказал магистру и Фридриху III по делу о землях, взятых в залог [34, с. 10]. Николай Поппель не стал настаивать на «старых залогах»: для императора важнее было заключить военный союз с Иваном III, ради чего можно было пожертвовать интересами ливонских владельцев. В свою очередь, начиная с Ивана III, русские государи осознавали, что римские императоры не всегда готовы последовательно отстаивать интересы своих ливонских вассалов.

Цесарские «поддержавники» и царские челобитчики

В 1492 г. ливонские представители предприняли очередную попытку добиться мирного сосуществования с великим князем московским. Через Георга фон Турна, посла римского короля Максимилиана I в Москве, они просили протекции у Ивана III: «И велено ми приказа-

ти Местера Прусского и Ливонского Твоему Величеству и молитися Государствию Твоему, чтобы их взял в свое соблюдение... и ныне ми пришел ответ неким посланником, вкупе и грамоты Местера Прусского и Местера Ливонского, поддржавников Царствия предреченного моего Государя, съединенны в один глас отвечающая ми и уверяя мя, что они готовы послушати и учинити пришедшее повеленье наяснейшаго Краля Римскаго, Государя их, всегда, коли Величество Твое будет вооружен в войне» [34, с. 75, 77–78].

С одной стороны, Максимилиан I и ливонские посланники еще раз подчеркивали для Ивана III статус Ордена как вассала и субъекта Империи («поддержавник»). С другой стороны – они добивались безопасности Ливонии со стороны вассала Москвы – Пскова [19, S. 67]. В качестве конкретного проявления протекции со стороны великого князя, ливонцы и римский король предлагали послать людей из Москвы, чтобы уладить пограничные конфликты: «Но и в нынешних бранех порубежных Царства Величества Твоего и Ливонские земли подсудные Царства Римскаго и моего Государя... молятся ми, дабы хотел стояти, молитися и бити челом Величеству Твоему о них... чтобы Величество Твое похотел послати отселева с Москвы людей справедливых и искусных» [34, с. 77–78].

В такой формулировке прямо указывалось, что Священная Римская империя и Великое княжество Московское имеют общую границу; при этом подчеркивалось, что земли Ливонии «подсудные» Империи – т.е., по любым спорным вопросам в отношении ливонских государств великим князьям следовало бы обращаться напрямую к императорам либо римским королям. Зная особое расположение русской стороны к формуле «челобития», магистры просили самого Георга «бити челом» о них московскому государю. Однако Иван Васильевич потребовал, чтобы великий магистр и магистр ливонской ветви Ордена сами послали к нему своих послов с «челобитием» [34, с. 80–82]. Формула «челобития» создавала бы для Ивана III дополнительный прецедент претендовать на земли Ливонии. Другим прецедентом была «юрьевская дань», о которой римский король, по-видимому, еще ничего не знал.

Слуга двух господ

Дерпт (вместе с Ригой и Ревелем) упоминался в матрикулах времен Фридриха III среди городов империи [35, S. 636]. Император активно вмешивался в ленные взаимоотношения внутри Дерптского епископства. Так, в своем даровании от 15 мая 1448 г. он позволил некоему го-

сподину Клаусу Икслюю завещать свой лен и добро дочери Маргарите [31, S. 104]. Таким образом, император считал, что может распоряжаться ленами своего вассала епископа дерптского.

Упомянутый выше имперский казначей Конрад фон Вайнсберг обеспечивал финансовые издержки во время проведения собора в Базеле. После скоростижной кончины короля Альбрехта II (1439) возникла необходимость вернуть деньги Конраду. В течение первого полугодия 1441 г. имперские курфюрсты и сам король Фридрих III направили «архиепископу рижскому, его суффраганам и прелатам, рыцарству и городам Пруссии и Ливонии» требование вернуть казначею деньги – средства предлагалось выделить из доходов от продажи индульгенций в этих землях [36, S. 544, 622; 37, S. 62, 665]. Представителям Пруссии и Ливонии направили особое письмо. Возможно, это было связано с большими издержками для их присутствия на соборе. С другой стороны, требование плат в имперскую казну говорит о включенности в политико-административную структуру Империи.

Более чем через 30 лет после эпизода с возвращением денег Конраду фон Вайнсбергу, в 1474 г. суффраган архиепископа рижского епископ дерптский Иоганн III фон Бертков подписал договор с Псковом и Новгородом, где также обещал вернуть деньги: «А дани благоверных великих князей русских цареи, старые залого, а то чесному бискупу юрьевскому за осмь лет отдати в тот час, по крестному целованю, а сего времени, благоверным великим князем руским царем на чесном бискупе юрьевском дань своя имати, по старине, по тому крестному целованью» [3, с. 133].

Источники не проясняют, что значит «восемь лет» просроченной «дани великих князей». Вероятно, русские представители имели в виду некий прецедент в 1466 г., после которого положенная дань не платилась. Зимой 1474 г. епископство Дерптское не было под угрозой завоевания русскими; отсюда странно, почему епископ подписал настолько тяжелый пункт о дани в пользу великого князя московского с обязательством уплатить «в тот час» – т.е. в незамедлительный срок. В 2018 г. в «Сборнике актов Ливонии, Эстонии и Курляндии» («Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch») была опубликована жалоба («Klageschrift») епископа Иоганна от 13 июля 1475 г. В § 8 жалобы епископ приводит свое видение обстоятельств подписания договора 1474 г. По мнению епископа, невыгодные для Дерпта условия были включены в договор «по вине магистра» Бернда фон дер Борха, который не дал Иоганну подписать мир «по старине», оказав давление на послов епи-

скопа и вмешавшись в ход переговоров [38, S. 340]. Это обстоятельство проливает свет на пункт о «юрьевской дани» в договоре 1474 г. и в последующих русско-ливонских соглашениях, где его приходилось повторно подписывать [39, S. 407; 40, с. 163; 41, с. 112, 125]. Тот факт, что в 1483 г. ливонский магистр Бернд фон дер Борх отдал часть земель Ливонии под залог великому князю московскому, косвенно подтверждает, что обещание «юрьевской дани» для него было также возможно. В противном случае подписание епископом обязательства платить ежегодную дань великому князю московскому в отсутствие прямой угрозы захвата княжескими войсками Дерпта трудно объяснить.

В 1492 г. римский император вновь потребовал выплат со стороны Ливонии. 15 июня Фридрих III разослал письма епископам Империи, где требовал уплаты налога для борьбы с турецкой угрозой. Полный список адресатов неизвестен, однако сохранилось письмо одному из суффраганов архиепископа рижского – епископу самбийскому Иоанну III. 5 июля император послал подобное письмо самому архиепископу [21, S. 278]. В 1495 г. на рейхстаге в Вормсе был введен общеимперский налог на борьбу с турками. Осенью 1495 г. о необходимости платить налог через специальное письмо от магистра в Германии узнали великий магистр в Пруссии и магистр ливонской ветви Ордена [39, S. 648]. Однако до регулярных выплат этого налога дело так и не дошло [19, S. 101–102]. Источники ничего не сообщают и о выплатах «юрьевской дани» епископом Дерпта великому князю московскому после 1474 г. В другом договоре о перемирии Пскова и Дерпта 1509 г. пункт о дани повторяется вновь [40, с. 163]. Возможно, такое положение дел связано с «плохой платежной моралью» государств Восточной Прибалтики в целом [28, S. 325] – как по отношению к империи, так и по отношению к Великому княжеству Московскому. С другой стороны, это может объясняться нежеланием создавать (поддерживать) прецедент «старинны», на основании которого можно было требовать дань/налог в дальнейшем.

Следующему магистру Иоганну Фрайтагу фон Лорингофену, а также архиепископу рижскому Михаэлю Хильдебранду пришлось «пожинать плоды» невыгодных соглашений 70–80-х г. XV в. В 80-х–90-х гг. XV в. Ливония жила в постоянном ожидании нападения русских. В связи с этим магистры ливонской и прусской ветвей Ордена вели переговоры с Иваном III, подчеркивая свой вассальный статус по отношению к Империи. Надеясь на протекцию со стороны императора, магистры использовали активизацию отношений Империи и Великого княжества Московского в 1488–1493 гг., пытаясь воздействовать на великого князя

через послов императора Николая Поппеля и Георга фон Турна и прося защиты Ивана III от Пскова посредством формулы «челобития». В Ливонии еще не учитывали, насколько важными для Москвы являются декларативные обещания. Поэтому ливонские представители, которые обязывались, но не платили общеимперского налога 1495 г., также легкомысленно отнеслись и к «юрьевской дани».

«Закат покинутого края»

С 20-х гг. XVI в. Ливония поддерживала наиболее тесные политические связи с Империей [22, S. 188; 42; 43; 23, S. 284], которые выражались в частом присутствии ливонских магистров и епископов на рейхстагах и постоянном наделении регалиями [23]. 16 декабря 1520 г. Карл V даровал регалии имперского князя архиепископу Риги и епископу Дерпта, а в 1526/1527 гг. – магистру ливонской ветви Ордена Вольтеру фон Плеттенбергу. Таким образом император Карл V декларировал принадлежность Ордена и 5 ливонских епископств к «немецкой нации» и Империи [44, S. 250]. С одной стороны, такая активность объясняется продолжением Карлом V политики императора Максимилиана I по централизации Империи; с другой стороны – ливонцы постоянно заявляли о «русской угрозе» и часто обсуждали эту тему на рейхстагах, требуя помощи имперских сословий [23, S. 296, 299; 45, с. 190–193].

В качестве имперских князей магистр и епископы в Ливонии облагались налогом на борьбу с «турецкой угрозой». 10 декабря 1531 г. магистр Вольтер фон Плеттенберг писал Ревелю, что «многократно требуемый и желанный налог» ввиду «заката этого покинутого края христианства» почти не может быть уплачен. Магистр не забыл подчеркнуть, что Ливония является «краем Священной Римской империи и немецкой нации» [46, S. 742]. Окончательное решение было принято на рейхстаге в Аугсбурге (1547/1548): ввиду «русской угрозы» Ливония освободилась от налога на борьбу с турками; в то же время ливонские владетели были обязаны уплачивать налог на содержание имперского суда [23, S. 302].

С 1526 г. (договор ливонских владетелей в Вольмаре) архиепископ рижский, епископы Эзель-Вика, Дерпта и Ревеля находились под протекцией магистра ливонской ветви Ордена. После того, как Вольтер фон Плеттенберг стал имперским князем (1526/1527), он получил официальный лен от Карла V (1530) [47, S. 581]. В реляциях и протоколах рейхстага в Вормсе 1545 г. четыре духовных владыки упоминаются в связи с императорским пожалованием 1530 г. как «взятые в имперские сословия» – т.е. епископ дерптский воспринимался в качестве вассала

магистра Ордена в Ливонии [48, S. 1079]. В связи с этим ливонские епископы и магистр вписывались в имперский матрикул как регулярные плательщики общеимперских налогов [Там же, S. 1120–1121]. Сам епископ дерптский лично наделялся имперскими регалиями в 1528 [23, S. 311] и 1553 гг. [49, S. 73].

«Русская рулетка» епископа дерптского

В 1550 г. епископ Дерпта Иодокус фон дер Рекке вновь подписал пункт о «юрьевской дани» в договоре с Псковом. Статья о «дани» была идентична пункту аналогичного соглашения 1509 г.: «А дань благоверного великого государя, царя рускаго, и старые залоги – и то честному бископу Юрьевскому давати по старине, по крестному целованью» [6, с. 382]. В отличие от упомянутого выше договора 1474 г., в соглашениях 1509 и 1550 гг. «великий государь» и «русский царь» стоит уже в единственном числе. Вероятно, это прямо указывало на «крестное целование» великого князя Ивана III. Чем можно объяснить данный шаг епископа, который уже обязался платить регулярный налог римскому императору? С одной стороны, епископ желал сохранения мира ввиду необходимости продления перемирия в 1554 г. С другой стороны, он знал об опыте предшественников: епископы Иоганн фон Бертков и Герард Шрофе уже подписывали договоры 1474 и 1509 гг. и не платили реальной «дани». При этом епископы уклонялись и от уплаты общеимперских налогов.

В результате русско-ливонских переговоров в Москве летом 1554 г. представители епископа дерптского в очередной раз подписали пункт о «юрьевской дани» и обязывались заплатить ее в течение трех лет [50, с. 240]. Через три года царь не получил обещанной дани и зимой 1557/1558 г. начал карательный поход в Ливонию [50, с. 287]. Последующие просьбы ливонских представителей царю о перемирии в начале 1558 г. неизменно связывались последним с вопросом о дани – договориться так и не удалось [50, с. 287, 290]. Во время переговоров царь неоднократно требовал, чтобы магистр Ордена в Ливонии, архиепископ рижский и епископ дерптский лично явились к нему в Москву с «челобитием» [50, с. 298]. С подобной формулировкой дед Ивана Васильевича, великий князь Иван III в 1492 г. во время переговоров с имперским посланником Георгом фон Турном потребовал от ливонцев личного челобития. Таким образом, Иван IV подчеркивал свою преемственность с Иваном III как по вопросу о «юрьевской дани», так и в намерении сделать ливонских владетелей своими вассалами в пику стремлениям Габсбургов.

В начале 1558 г. из Ливонии в Вену прибыло посольство Соломона Хенинга с просьбой о помощи. Император Фердинанд I ограничился письмом к шведскому королю Густаву I с предложением выступить против русских [51, S. 319]. Вопрос о помощи Ливонии деньгами и людьми империи мог обсуждаться только на общесословном собрании. Данная тема была одной из самых обсуждаемых на рейхстаге в Аугсбурге в начале 1559 г. По просьбе архиепископа Вильгельма Рижского герцог Мекленбурга Иоганн Альбрехт подал супликацию императору с просьбой о помощи. В прошении писалось, что «император знает, что уже многие годы Москва пытается покорить Ливонию своей тиранией» [52, S. 1447]. Вероятно, герцог и архиепископ имели в виду многочисленные сообщения о «русской угрозе», тема которой поднималась на рейхстагах 30-х–40-х гг. XVI в. Данный пассаж оправдывал «бессилие» Ливонии ввиду тех обязательств, которые епископ Дерпта обещал Москве. Автор супликации неохотно называет платежи епископа «данью» («tribut/zins»), чаще прибегая к слову «деньги» («gelt»). Подчеркивается, что епископ никогда ничего не был должен царю, а наличие «дани» («tribut») царь и «сам также не смог доказать» [52, S. 1453].

Чтобы объяснить неведомый для императора казус с русской данью, герцог Иоганн и архиепископ Вильгельм говорили, что царь на самом деле хочет прямого выхода к Балтийскому морю. Таким образом, ливонские дипломаты положили начало историографическому представлению о начальной фазе русско-ливонской войны как борьбы Ивана IV за *Dominium maris Baltici*. Тема выхода к морю за весь период войны в русских источниках почти ни разу не возникает: согласимся с мнением российского исследователя А. И. Филюшкина о том, что «море как культурный феномен цивилизации в XVI в. был еще не понятен русским» [53, S. 69–70].

Декларируя императору планы Ивана IV, ливонские представители сказали, что «виновником» войны является «предатель» епископ Дерпта Герман Везель, находившийся в 1559 г. в московском плену. Со слов магистра Ордена в Ливонии Иоганна Вильгельма фон Фюрстенберга, во время посольства к Ивану IV в декабре 1557 г. дань должны были принести послы епископа: когда посольство прибыло, денег не оказалось [52, S. 1454]. Послы противоречили сами себе: виновником войны являлся царь, который хотел выйти к морю, в то же время причиной назывался частный долг одного из ливонских прелатов. Магистр, знавший о договорном пункте «юрьевской дани», умалчивал о ленных обязательствах имперского князя епископа дерптского относительно великих

князей московских, чтобы представить Ливонию для своего непосредственного сюзерена римского императора Фердинанда I как «страдающую» и «послушную часть Империи» [52, S. 1457–1458]. Кульминацией ливонских внешнеполитических метаний было решение имперских сословий выделить магистру ничтожную сумму в 100 000 флоринов [52, S. 1471]. Такова была цена двойного вассалитета.

Заключение

С середины XV века в Священной Римской империи и в Великом княжестве Московском проводилась политика централизации, связанная с укреплением имперского/великокняжеского домена по отношению к отдельным землям. «Hausmachtspolitik» («домашняя политика») Габсбургов и «собираание земель» Рюриковичей коснулись территорий, лежавших вне политических границ Империи и Великого княжества Московского – в том числе и Ливонии.

Начиная с Сигизмунда I Люксембурга, римские императоры периодически требовали от ливонских епископов (своих формальных вассалов с XIII в.) и магистров Ордена в Пруссии и Ливонии уплаты общеимперских налогов на борьбу с гуситами и турками, участия в рейхстагах и церковных соборах. Во времена Фридриха III императоры вмешивались во внутренние дела ливонских владетелей. В 70–80-е гг. XV в. великий князь московский Иван III делегирует своим наместникам в Пскове и Новгороде решение русско-ливонских противоречий.

В период правления магистров Бернда фон дер Борха и Иоганна Фрайтага фон Лорингхофена в 70–90-х гг. XV в. в отношении Империи и России с Ливонией произошли ключевые события, определившие кровавую развязку 1558 г. Епископ Дерпта Иоганн фон Бертков под давлением магистра Бернда фон дер Борха подписал соглашение с Псковом (1474), где пообещал платить «юрьевскую дань». В 1481 г. магистр фон дер Борх принял от Фридриха III регалии и в качестве формального сюзерена ливонских епископов отдал часть земель архиепископа Рижского в залог Ивану III. Далее, уже Иоганн Фрайтаг фон Лорингхофен через имперское посольство Георга фон Турна пытался найти протекцию великого князя московского. Просьба «челобития» и обязательство «юрьевской дани» для Рюриковичей не были пустой декларацией – в Москве Ливонию считали государством «второго сорта».

В правление Карла V Ливония стала провинцией Империи де-юре. В таком качестве ливонские прелаты и Орден являлись данниками, которые обязывались платить общеимперские налоги. Соглашаясь с этим

обязательством, ливонцы уклонялись от уплаты большинства налогов (кроме судебного). Та же ситуация была и в случае «юрьевской дани» – известны как минимум 3 договора XVI в. (1509, 1550, 1554), в которых под этим обязательством стояла печать и подпись епископа Дерпта. Таким образом, именно «плохая платежная мораль», а не «русская угроза» стали причиной обострения русско-ливонских отношений в начале 50-х гг. XVI в. Ливония стала частью Империи, но оставались обязательства лена и дани по отношению к Москве.

В начале конфликта с русскими ливонцы обратились к непосредственному сюзерену римскому императору Фердинанду I через посольство 1558 г. и на рейхстаге в 1559 г. «Юрьевская дань», о которой Габсбурги ничего не знали, интерпретировалась как «межгосударственный рэкет», формальный повод достигнуть выхода к морю. По-иному ливонская сторона не могла представить «дань»: если бы имперские сословия на рейхстаге узнали, что с XV в. дерптский епископ подписывал требования дани», то вряд ли бы выделили Ливонии и без того малую финансовую помощь. «Непослушание» и долги в духе феодальной фиды, а не *Dominium maris Baltici* стали причиной карательного похода русского войска во владения епископа дерптского зимой 1557 г.

Русский царь Иван IV имел юридические права в отношении как минимум части Ливонии – епископства Дерптского. В Москве знали о правах римского императора на Ливонию – еще Георг фон Турн говорил Ивану III, что ливонцы являются «*поддержавниками*» императора. Последний не знал о «юрьевской дани»: ливонцы не говорили, а великий князь предусмотрительно умалчивал о ней во время переговоров 80–90-х гг. XV в., рассчитывая на Габсбургов как союзников против Польши и Литвы. Русское понимание ситуации выразил Иван IV, когда заметил, что ливонцы «поддались императору, избывая даней прародителей». Фердинанд I, занятый Тридентским собором и «турецкой угрозой» не был готов к борьбе за отдаленную провинцию империи.

Однако римские императоры продолжали напоминать русскому царю о своих правах и после потери Ливонией независимости: ливонский вопрос обсуждался на переговорах с Иваном IV в Вене в 1576 г. Русские послы должны были отвечать «дражайшему брату» московского государя Максимилиану II, что ливонцы просто-напросто «подуровали, дань давать не хотели» [34, с. 601–602]. Емкая фраза Ивана Васильевича является ответом на вопрос о взаимосвязи «юрьевской дани» со Священной Римской Империей.

Список литературы

1. Русские акты Копенгагенского государственного архива / под ред. Ю. Н. Щербачева. – СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1897. – 1141 с.
2. Псковские летописи: в 2 вып. / под ред. А. Н. Насонова. – М., Л.: АН СССР, 1941–1955. – Вып. 2. – 1955. – 365 с.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под. ред. С. Н. Валка – М., Л.: АН СССР, 1949. – 409 с.
4. Юрьенс, И. И. Вопрос о ливонской дани / И. И. Юрьенс // Варшавские университетские известия. – 1913. – Вып. VI. – С. 1–8; Вып. VII. – С. 9–16; Вып. VIII. – С. 17–32; Вып. IX. – С. 33–57.
5. Stern, C. von. Der Vorwand zum grossen Russenkriege 1558 / C. von Stern. – Riga: E. Bruhns, 1936. – 18 S.
6. Шаскольский, И. . Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани / И. П. Шаскольский // Международные связи России до XVII в.: сб. ст. / АН СССР; редкол.: А. А. Зимин, В. Т. Пашуто – М., 1961. – С. 376–399.
7. Selart, A. Der «Dorpatener Zins» und die Dorpat-Pleskauer Beziehungen im Mittelalter / A. Selart // Aus der Geschichte Alt-Livlands. Festschrift für Heinz von zur Mühlen zum 90. Geburtstag / hrsg. von B. Jähnig. – Münster, 2004. – S. 11–37.
8. Щербачев, Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории: в 2 вып. / Ю. Н. Щербачев. – М.: Синодальная типография, 1915. – Вып. 1 (1326–1569). – 320 с.
9. Monumenta Livoniae antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und anderen schriftlichen Denkmälern und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurlands dienen: in 5 Bänden. / hrsg. von E. Napiersky, G. Tielemann. – Riga und Leipzig: E. Franzen's Verlags-Comptoir, 1835–1847. – Bd. 2. – 1839. – 559 S.
10. List Iwana IV Wasiljewicza do cesarza Ferdynanda I z 24 lutego 1580 roku / hrsg. von M. Erbes-Munck, F. Munck // Slavia Orientalis. – 1987. – T. 36. Nr. 3–4. – S. 247–251.
11. Harnack, O. Livland als Glied des deutschen Reiches vom dreizehnten bis sechszehnten Jahrhundert / O. Harnack // Preußische Jahrbücher. – 1891. – Bd. 67. – S. 364–378.
12. Koch, F. Livland und das Reich bis zum Jahre 1225 / F. Koch. – Posen: Höcker, 1943. – 79 S.
13. Arbusow, L. Livland – Mark des Reiches 1207–1561. Ein Abschnitt deutscher Verfassungs- und Rechtsgeschichte / L. Arbusow. – Riga: Verlagsgesellschaft Ostland, 1944. – 47 S.
14. Hellmann, M. Livland und das Reich. Das Problem ihrer gegenseitigen Beziehungen / M. Hellmann. – München: Beck, 1989. – 35 S.
15. Hellmann, M. Altlivland und das Reich / M. Hellmann // Felder und Vorfelder russischer Geschichte. Studien zu Ehren von Peter Scheibert / hrsg. von Inge Auerbach, Andreas Hilgruber und Gottfried Schramm. – Freiburg, 1985. – S. 61–75.

16. Heinrichs Livländische Chronik / hrsg. von L. Arbusow und Albert Bauer. – Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1955. – 255 S.
17. Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch: nebst Regesten: in 2 Abt., 12 und 3 Bd. / hrsg. von F. G. Bunge [u. and.]. – Reval u. and.: Kluge und Ströhm u. and., 1853–2018. – Abt. 1, Bd. 1. – 1853. – 810 S.
18. Pitz, E. Papstreskript und Kaiserreskript im Mittelalter / E. Pitz. – Tübingen: Niemeyer, 1971. – 340 S.
19. Wimmer, E. Livland – ein Problem der habsburgisch-russischen Beziehungen in der Zeit Maximilians I? / E. Wimmer // Deutschland – Livland – Russland. Ihre Beziehungen vom 15. bis zum 17. Jahrhundert. Beiträge aus dem Historischen Seminar der Universität Hamburg / hrsg. von N. Angermann. – Lüneburg, 1988. – S. 53–111.
20. Biskup, M. Der Deutsche Orden im Reich, im Preußen und Livland im Banne habsburgischer Politik in der zweiten Hälfte des 15. und zu Beginn des 16. Jahrhunderts / M. Biskup // Die Ritterorden zwischen geistlicher und weltlicher Macht im Mittelalter / hrsg. von Z.H. Nowak. – Torun, 1990. – S. 101–127.
21. Mäesalu M. Die Steuerforderungen des Heiligen Römischen Reiches an die Kirchenprovinz Riga im 15. Jahrhundert / M. Mäesalu // Livland – eine Region am Ende der Welt? Forschungen zum Verhältnis zwischen Zentrum und Peripherie im späten Mittelalter / hrsg. von A. Selart, M. Thumser. – Köln, Weimar, Wien, 2017. – S. 259–282.
22. Willoweit, D. Livland, das Reich und das Rechtsdenken des Mittelalters / D. Willoweit // Juristen werdent herren uf erden. Recht–Geschichte–Philologie. Kolloquium zum 60. Geburtstag von Friedrich Ebel / hrsg. von A. Fijal, H.-J. Leuchte, H.-J. Schiewer. – Göttingen, 2006. – S. 179–188.
23. Maasing, M. Livland und die Reichstage (1520–1555) / M. Maasing // Livland – eine Region am Ende der Welt? Forschungen zum Verhältnis zwischen Zentrum und Peripherie im späten Mittelalter / hrsg. von A. Selart, M. Thumser. – Köln, Weimar, Wien, 2017. – S. 283–312.
24. Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch: nebst Regesten: in 2 Abt., 12 und 3 Bd. / hrsg. von F. G. Bunge [u. and.]. – Reval u. and.: Kluge und Ströhm u. and., 1853–2018. – Abt. 1, Bd. 5. – 1867. – 667 S.
25. Deutsche Reichstagsakten / Ältere Reihe / hrsg. von D. Kerler. – Gotha: F.A. Perthes, 1883. – Bd. 8: Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund. Abt. 2. 1421–1426. – 550 S.
26. Deutsche Reichstagsakten / Ältere Reihe / hrsg. von D. Kerler. – Gotha: Vandenhoeck & Ruprecht, 1887. – Bd. 9: Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Sigmund. Abt. 3. 1427–1431. – 708 S.
27. Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch: nebst Regesten: in 2 Abt., 12 und 3 Bd. / hrsg. von F. G. Bunge [u. and.]. – Reval u. and.: Kluge und Ströhm u. and., 1853–2018. – Abt. 1, Bd. 7. – 1881. – 608 S.
28. Jörn, N. Beobachtungen zur Steuerzahlung der Territorien des südlichen Ostseeraumes in der Frühen Neuzeit / N. Jörn // Die Integration des südlichen Ostseeraumes in das Alte Reich / hrsg. von N. Jörn und M. North. – Köln, Weimar, Wien, 2000. – S. 311–393.

29. Fuhrmann, B. Konrad von Weinsberg: ein adliger Oikos zwischen Territorium und Reich / B. Fuhrmann. – Stuttgart: Steiner, 2004. – 388 S.

30. Deutsche Reichstagsakten / Ältere Reihe / hrsg. von H. Weigel. – Stuttgart: F. A. Perthes, 1935. – Bd. 14: Deutsche Reichstagsakten unter König Albrecht II. Abt. 2. 1439. – 498 S.

31. Regesten Kaiser Friedrichs III / bearb. von E.-M. Eibl. – Wien, Weimar, Köln: Böhlau, 2010. – H. 24: Die Urkunden und Briefe aus dem historischen Staatsarchiv Königsberg im Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz Berlin: aus den Staatsarchiven Gdańsk, Toruń, Riga sowie aus dem Stadtarchiv Tallinn für die Historischen Landschaften Preußen und Livland Regesten Kaiser Friedrichs III (1440–1493). – 255 S.

32. Баранов, А. В. Русско-ливонские мирные договоры 1474 года: предпосылки, переговоры, последствия / А. В. Баранов // Средневековая Русь. – 2016. – № 12. – С. 266–281.

33. Cosack, H. Livland und Rußland zur Zeit des Ordensmeisters Johann Freitag / H. Cosack // Hansische Geschichtsblätter. – 1923. – Bd. 48. – S. 1–60.

34. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: в 10 т. / изд. II Отделение Собственной Е. И. В. канцелярии. – СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1851–1871. – Ч. 1: Сношения с государствами европейскими. Памятники дипломатических сношений с империей Римскою. Т. 1 (1488–1494). – 1851. – 1620 с.

35. Deutsche Reichstagsakten / Ältere Reihe / bearb. von J. Helmroth, G. Annas. – München: Oldenbourg Verlag, 2013. – Bd. 19: Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Friedrich III. Abt. 5. Teil 2. Reichsversammlung zu Frankfurt 1454. – 1046 S.

36. Deutsche Reichstagsakten / Ältere Reihe / hrsg. von H. Herre. – Gotha: F.A. Perthes, 1914. – Bd. 15: Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Friedrich III. Abt. 1. 1440–1441. – 970 S.

37. Deutsche Reichstagsakten / Ältere Reihe / hrsg. von H. Herre. – Stuttgart, Gotha: F. A. Perthes, 1928. – Bd. 16: Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Friedrich III. Abt. 2. 1441–1442. – 760 S.

38. Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch: nebst Regesten: in 2 Abt., 12 und 3 Bd. / hrsg. von F. G. Bunge [u. and.]. – Reval u. and. : Kluge und Ströhm u. and., 1853–2018. – Abt. 1, Bd. 13. – 2018. – 880 S.

39. Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch: nebst Regesten: in 2 Abt., 12 und 3 Bd. / hrsg. von F. G. Bunge [u. and.]. – Reval u. and.: Kluge und Ströhm u. and., 1853–2018. – Abt. 2, Bd. 2. – 1905. – 797 S.

40. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского: в 2 т. / изд. М. Погодин, Д. Дубенский – М.: Университетская типография, 1843. – Кн. 2: дипломатические сношения Литвы в государственование короля Стефана Батория (1573–1580). – 285 с.

41. Филюшкин, А. И., Попов, В. Е. Русско-ливонские договоры 1554 г. / А. И. Филюшкин, В. Е. Попов // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2010. – № 1. – С. 109–130.

42. Bolte, H. Spätmittelalterliche Bistumbesetzungen im Spiegel der kurialen Überlieferung. Das Beispiel Livland / H. Bolte // Friedensnobelpreis und historische Grundlagenforschung. Ludwig Quidde und die Erschließung der kurialen Registerüberlieferung / hrsg. von M. Matheus. – Berlin, Boston, 2012. – S. 191–204.
43. Mäesalu, M. Päpstliche und Kaiserliche Machtansprüche im livländischen Kreuzzugsgebiet im 13. Jahrhundert / M. Mäesalu // Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung. – 2013. – Bd. 62. – Nr. 2. – S. 472–489.
44. Lenz, W. «Untertanentreue» gegenüber dem Heiligen Römischen Reich? Rigas Vorbehalte gegen einen Herrschaftswechsel bei der Auflösung der Livländischen Konföderation / W. Lenz // Riga und der Ostseeraum. Von der Gründung 1201 bis in die Frühe Neuzeit / hrsg. von Ilgvars Misans und Horst Wernicke. – Marburg, 2005. – S. 249–261.
45. Маазинг, М. «Русская опасность» в письмах Рижского архиепископа Вильгельма за 1530–1550 гг. / М. Маазинг // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2010. – № 1. – С. 184–194.
46. Akten und Rezesse der livländischen Ständetage: in 3 Bd. / bearb. von O. Stavenhagen, L. Arbusow [u. and.]. – Riga u. and.: Deubner u. and., 1907–2018. – Bd. 3 (1494–1535). – 1910. – 1012 S.
47. Deutsche Reichstagsakten / Jüngere Reihe / hrsg. von R. Aulinger. – München: De Gruyter Oldenbourg, 2003. – Bd. 16: Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Karl V. Teilbd. 1. Reichstag zu Worms 1545. – 866 S.
48. Deutsche Reichstagsakten / Jüngere Reihe / hrsg. von R. Aulinger. – München: De Gruyter Oldenbourg, 2003. – Bd. 16: Deutsche Reichstagsakten unter Kaiser Karl V. Teilbd. 2. Reichstag zu Worms 1545. – S. 872–1740.
49. Arbusow, L. Livlands Geistlichkeit vom Ende des 12. bis ins 16. Jahrhundert. Zweiter Nachtrag / L. Arbusow // *Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik*. 1902 / Kurländische Gesellschaft für Literatur und Kunst. – Mitau, 1904. – S. 39–134.
50. Полное собрание русских летописей. – СПб.: И.Н. Скорородов, 1904. – Т. 13. 1 пол.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / под ред. С.Ф. Платонова. – 310 с.
51. Uebersberger, H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts / H. Uebersberger. – Wien, Leipzig: Braumüller, 1906. – 584 S.
52. Deutsche Reichstagsakten / bearb. von J. Leeb. – München: Oldenbourg, 1999. – Teilbd. 3: Reichsversammlungen 1556–1662. Der Kurfürstentag zu Frankfurt 1558 und der Reichstag zu Augsburg 1559. – S. 1309–2134.
53. Filjuškin, A. I. Der Livländische Krieg ist der «Heilige Krieg»: Die europäische und die russische Perspektive / A. I. Filjuškin // *Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16. Bis 20. Jahrhundert)* / hrsg. von K. Brüggemann und B. D. Woodworth. – Wien, Köln, Weimar, 2012. – S. 67–89.

ПАМІЖ ЛІТОЎСКИМ І ПОЛЬСКИМ ЧАСАМ: СУЧАСНАЯ ЎКРАЇНСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА ЭПОХІ ЯГЕЛОНАЎ

У канцы XX – пачатку XXI ст. у нацыянальным гістарычным нара- тыве Украіны адбываюцца істотныя змены інтэрпрэтацыі гісторыі рэ- гіёна Усходняй Еўропы другой паловы XV – XVI ст. Гэтыя змены носяць як ідэйна-палітычны, так і тэматычны характар. Адыходзіць на перы- ферыю навуковага аналізу праблематыка сацыяльных рухаў і сацыяль- на-эканамічных працэсаў, замаруджваецца асэнсаванне з’яваў культуры. У падручніках пашыраецца палітычная гісторыя, рэгіянальныя даследа- ванні Вялікага Княства Літоўскага.

За апошнія тры дзесяцігоддзі ўкраінскім даследаванням гісторыі Вя- лікага Княства Літоўскага ацэнка давалася неаднаразова ва ўкраінскай гістарыяграфіі [39, с. 215–229; 73, с. 118–136, 280–295]. У яе аснове ляжалі высновы, дадзеныя Д. Вырскім (Дмитро Вирський), В. Васілен- ка (Віталій Василенко) і К. Кірычэнка (Катерина Кириченко) ў част- цы «Украіна» у калектыўнай манаграфіі «Вялікае Княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.» [64]. Таксама ў канцы 2000-х гг. для спецыялізаванага выдання па гістарыяграфіі Вялікага Княства Лі- тоўскага быў падрыхтаваны супрацоўнікамі Інстытута гісторыі Украіны Нацыянальнай Акадэміі навук Украіны агляд сучаснай украінскай гістарыяграфіі [63]. 3-пад пяра В. Васіленка ў 2006 г. выйшла манаграфія «Палітычна історыя Вялікага князівства Літоўскага (да 1569 р.) в східнослов’янських історыяграфіях XIX – першай трэціны XX ст.» [20], у якой аўтар аналізуе працы даследчыкаў Усходняй Еўропы па пра- блематыцы гісторыі Вялікага Княства Літоўскага XIX – першай паловы XX ст. бачыць тэндэнцыя той эпохі ў развіцці і вывучэнні праблематыкі ў познесавецкай і паслясавецкай гістарыяграфіі рэгіёна.

Устойліва ў 1990-ыя гг. уваходзіць ва ўжытак фармат «Украіна паміж...», які дазваляе разглядаць асобныя тэрыторыі сучаснай Украіны ў якасці самастойнага палітычнага чынніка [58; 77]. Мяняюцца не толькі падыходы да актуальнасці эпохі Ягелонаў, у вузкім сэнсе, але і адбываецца пашырэнне крыніцазнаўчай базы для яе даследавання. Украінскія даследчыкі актыўна ўключаюцца ў вывучэнне і падрыхтоўку

да публікацыі Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага, апрацоўваюць т.зв. Вальнскую Метрыку. Люблінская ўнія як спецыфічны рубаж разрывае гістарычны наратыў у гістарыяграфіі, зыходзячы з асаблівасцяў развіцця ўкраінскіх тэрыторый, на т.зв. «літовскую добу» і «польскую добу».

У 1990-ыя гг. А. Ул. Русіна (Олена Русіна) актыўнай публіцыстычнай дзейнасцю і папулярызатарскімі праектамі спрабавала актывізаваць цікавасць да гісторыі Украіны XV – першай паловы XVI ст. [53; 71, с. 294–461, 462–609]. У апошнія дзесяцігоддзе цікавасць да ўкраінскай гісторыі перыяду Вялікага Княства Літоўскага ажывілася. Сведчаннем таму становіцца з’яўленне не толькі дыдактычных прац, якія закранаюць гэты перыяд нацыянальнай гісторыі, але і навукова-папулярных выданняў, кшталту калектыўнай манаграфіі, створанай намаганнямі ўкраінскіх спецыялістаў па перыяду – «Украіна: літовская доба 1320–1569» [69; 70].

Абапіраючыся на перыядызацыі гісторыі Украіны М. С. Грушэўскага і А. Субцельнага, аўтары навучальных і папулярных работ пакрысе дыстантуюцца ад савецкай перыядызацыі і вылучаюць асобны перыяд падпарадкавання Вялікаму Княству Літоўскаму. Любыя падзелы ўнутры яго стаюць дзяржаўную гісторыю Вялікага Княства Літоўскага з рэгіянальнай гісторыяй Украіны.

У сваіх развагах пра прынцыпы перадызацыі гісторыі Украіны ў XXI ст., Т. Гошка (Тетяна Гошко) звяртае ўвагу на гістарыяграфічную традыцыю ва ўспрыманні польска-літоўскага перыяду ў гісторыі Украіны і ролю М. С. Грушэўскага ў фарміраванні негатыўнага ўспрымання эпохі Ягелонаў. А развіццё польскай гістарыяграфіі ў 1920–1930-ыя гг. у сукупнасці з савецкай гістарычнай навукай УССР канчаткова «ўпэўнілі» ў вонкавым характары дынастычнай гісторыі для нацыянальнага гістарычнага наратыва Украіны нават на сучасным этапе яго напісання [33, с. 30–31].

Ацэнка існуючага нацыянальнага гістарычнага наратыва і яго трансфармацыі ў падручніках для сярэдняй і вышэйшай школы праводзіліся неаднаразова і прадстаўляліся ўкраінскімі калегамі на міжнародных канферэнцыях з розных нагод. Падобная ацэнка стала магчымай дзякуючы паступовым зменам і пераарыентацыі аўтараў і аўтарскіх калектываў за апошнія два з паловай дзесяцігоддзі.

Праца доктара гістарычных навук Н. М. Якавенка (Наталія Яковенко) «Нарысы гісторыі Украіны» [80], у якасці першай часткі з двух запланаваных па гісторыі Украіны, стала вынікам т.зв. «Рымскага праекта», які быў распачаты ў 1990 г. пад патранатам папы Яна Паўла II [46, с. 30–

431; 62, с. 168–169] і меў на мэце напісанне прадстаўнікамі чатырох гістарыяграфій-спадчынніц былой Рэчы Паспалітай (беларускай, літоўскай, польскай, украінскай) сваіх уласных нацыянальных гістарычных наратываў з адным абавязковым акцэнтам – фокус на нацыянальную гісторыю да і пасля апошняга падзелу Рэчы Паспалітай. Праект планаваўся ў якасці міжнароднага кансалідатара і яго тэксты-вынікі маглі стаць аднымі са шматлікіх версій пазітывісцкіх гісторый нацый Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, пачаткам сумесных бінарных праектаў, якія б атрымалі працяг у напісанні сумесных падручнікаў, супрацы спецыяльных падручнікавых камісій. Аднак для некаторых гістарыяграфій рэгіёна яны так і засталіся адзіным выключэннем з монанацыянальных абагульняючых прац.

Нарысы Н. М. Якавенка вылучаюцца з шэрагу абагульняючых прац па гісторыі Украіны дзякуючы нетыповай перыядызацыі эпохі Вялікага Княства Літоўскага [40, с. 487–488]. Аднак, ніводная сінтэтычная работа 1990-х гг. не дыстанцыруецца ад 1569 г. як года-рубікона кардынальных змен. Таму можам адразу казаць, што фактар эпохі Ягелонаў увогуле выпадае з украінскага бачання. Невіліруецца паступовым патрапленнем Украіны ў склад Вялікага Княства на працягу XIV ст. і пераходам у склад Польскага каралеўства ў год Люблінскай ўніі.

Абарона дысертацый. У «эпоху Ягелонаў» укладаецца не так многа дысертацыйных праектаў, абароненых ва Украіне. Што безумоўна звязана як з абмежаваннем крынічнай базы па асобным пытанням XV–XVI ст. у дачыненні ўкраінскіх зямель Вялікага Княства Літоўскага, так і з адсутнасцю інстытуцыянальнай пераемнасці, мэтанакіраванай падрыхтоўкі кадраў ва ўніверсітэтах краіны. Украінскія аўтары называюць кіеўскую школу даследаванняў Вялікага Княства Літоўскага, сутнасць якой у вылучэнні рэгіёнаў Украіны і даследаванне лакальнай ці палітычна-геаграфічнай праблематыкі [40, с. 486, 488]. Падрыхтоўка спецыялістаў вышэйшай катэгорыі вядзецца, пераважна, пры Інстытуце гісторыі Украіны Нацыянальнай Акадэміі навук Украіны.

Дысертабельнасць праблематыкі Вялікага Княства Літоўскага цалкам і эпохі Ягелонаў у прыватнасці, залежыць таксама ад наяўнасці крыніц і спецыялістаў, якія здольныя працаваць з архіўным актывам і наратывым матэрыялам, выкарыстоўваць вопыт сумежных нацыянальных гістарыяграфій: пераважна польскай, беларускай, а таксама расійскай, малдаўскай і, канешне, літоўскай.

У 1990-ыя гг. падрыхтаванае кола ўкраінскіх спецыялістаў па сярэднявечнай гісторыі і ранній навістыцы, пераважна археографай і архі-

вістаў, легалізуе сваё акадэмічнае становішча – абараняе доктарскія дысертацыі ў праблематыцы, якая ігнаравалася і была непрыярытэтай для савецкай гістарычнай навукі. Гэта, у сукупнасці з далучэннем да міжнародных праектаў, дало своеасаблівы штуршок для папулярызацыі сацыяльна-палітычных і археаграфічных даследаванняў у другой палове 1990-х гг. – першым дзесяцігоддзі XXI ст. Што адпаведна прывяло да напісання і абаронаў кандыдацкіх дысертацый другім пакаленнем.

Аднак стабільнага развіцця і стварэння навуковых школ па праблеме Вялікага Княства Літоўскага і эпохе Ягелонаў канчаткова не адбылося. Назіраецца паступовы адыход ад праблематыкі ў дысертацыйных даследаваннях. «Каманда ВКЛістаў» ва ўкраінскай гістарычнай навучы амаль не пашыраецца, замыкаецца ў межах існуючых кадраў. Дысертацыйная актыўнасць дасягаецца за кошт абароны доктарскіх дысертацый. Пры адсутнасці наступнай генерацыя – трэцяга пакалення даследчыкаў Вялікага Княства.

У некаторым сэнсе можна вылучыць некалькі этапаў у дысертацыйнай актыўнасці ўкраінскіх даследчыкаў ВКЛ: 1990-ыя і сярэдзіна 2000-х гг. Як і ў беларускай гістарыяграфіі недахоп медыявістаў-гісторыкаў часткова кампенсавалася прадстаўнікамі сумежных гістарычных дысцыплін (напрыклад для Беларусі – археолагамі). Для ўкраінскай гістарыяграфіі характэрным быў прыход архіўных кадраў.

У 1994 г. Н. М. Якавенка абараніла ў Савеце Інстытута гісторыі Украіны дысертацыю па крыніцазнаўству на саісканне вучонай ступені доктара гістарычных навук. У некаторым сэнсе – гэта было падсумаванне яе папярэдняй навуковай дзейнасці як спецыяліста па крыніцам. Ужо з пачатку 1990-х гг. яна актыўна займаецца сацыяльнай гісторыяй украінскіх зямель Вялікага Княства Літоўскага і Польскага каралеўства (Кіеўшчыны і Валыні): шляхтай, рэгіянальнымі элітамі, светапоглядам. Стварае навуковы асяродак пры Кіева-Магілянскай акадэміі ў Кіеве і часопіс «Соціум. Альманах сацыяльнай історыі».

Выпускніца Кіеўскага ўніверсітэта і аспірантурцы Інстытута гісторыі Украіны А. Ул. Русіна ў 1991 г. абараніла кандыдацкую дысертацыю на тэму «Северская зямля. Генезіс і гістарычная эвалюцыя ў XIV – пачатку XVI ст.», якая будзе пакладзена ў аснову асобнай манаграфіі, прысвечанай усходняму памежнаму рэгіёну ВКЛ [59]. Навуковыя інтарэсы даследчыцы звязаныя з гісторыяй асобных украінскіх зямель «літовскай добі»: Севершчыны, Кіеўшчыны. Аднак шмат увагі ў канцы 1990-х – 2000-ыя гг. надавала напісанню навучальных дапаможнікаў – своеасабліва ўплывала на ўключэнне гісторыі Вялікага Княства Літоўскага

ў нацыянальны гістарычны наратыў Украіны. У 2010-ыя гг. актыўна прымала ўдзел у сумесных украінска-літоўскіх і ўкраінска-расійскіх праектах: «Ukraina: Lietuvos epocha. 1320–1569» (Вільнюс, 2010), «Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы» (Масква, 2011); «Liublino unija: idėja ir jos tęstinumas» (Вільнюс, 2011); «Литва, Русь и Польша XIII–XVI веков» (Масква, 2014, «Исторический вестник»).

І нарэшце, хаця і храналагічна, і тэматычна даследаванні Л. Вайтовіча (Леонцій Войтовіч) толькі ўскосна датычацца эпохі Ягелонаў у Вялікім Княстве Літоўскім, менавіта яму належыць адна з першых спробаў стварэння на постсавецкай гістарыяграфічнай прасторы даследаванняў дынастый. Ягелоны патрапляюць у фармат усходнееўрапейскіх дынастый аўтара толькі як нашчадкі Гедыміна. У 1994 і 2001 гг. Л. Вайтовіч абараняе кандыдацкую і доктарскую дысертацыі па праблемах княжацкіх дынастый Усходняй Еўропы ў Сярэднявеччы (адпаведна «Удільні князівства Рюрыковічів і Гедзіміновічів у XII–XVI століттях» і «Князівскія дынастыі Східнай Еўропы (кінець IX – пачаток XVI століття): склад, суспільна і політычна роль»). Напрацоўкі абагульнены ў манаграфіі, якая мае як рысы генеалагічнага даследавання, так і біяграфістыкі [32].

Пры гэтым можна вылучыць і другое пакаленне даследчыкаў ва ўкраінскай гістарыяграфіі Вялікага Княства Літоўскага другой паловы XV – XVI ст. Адраджэнне нацыянальнага гістарычнага наратыва Украіны ў канцы 1980-х гг., выкладанне нацыянальнай гісторыі ўсіх перыядаў у сярэдняй і вышэйшай школах, спробы пашырэння навуковай праблематыкі гістарычнай навукі Украіны ва ўмовах незалежнай краіны дазволілі ў другой палове 1990-х – пачатку 2000-х гг. падысці да падрыхтоўкі кадраў вышэйшай кваліфікацыі.

У 2002 г. абараніў дысертацыю на тэму «Знаць Південной Волині на схілі сярэдніх віків: Історико-генеалогічне та історико-географічне дослі́дження» Ул. Сабчук (Володимир Собчук) пад навуковым кіраўніцтвам Н. М. Якавенка. У сферу яго інтарэсаў у 2000-ыя – пачатку 2010-х гг. патрапляюць рэгіянальныя эліты Валыні і паўднёва-заходняй Украіны [60].

У Інстытуце гісторыі Украіны Нацыянальнай Акадэміі навук Украіны кандыдацкую дысертацыю на тэму «Обласні привілеї Волині та Київщини: генеза і функціонування в другій половині XV – першій третині XVI ст.» у 2005 г. абараніў Д. Вашчук (Дмитро Вашук). Навуковым кіраўніком выступіла А. Ул. Русіна. Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага ў шырокім сэнсе (дыпламатыка, функцыянаванне інстытутаў дзяржаўнага

кіравання) і українські землі ў яго складзе становяцца навуковай спецыялізацыяй старшага навуковага супрацоўніка Інстытута гісторыі Украіны. Манаграфія па тэме дысертацыі надрукавана ў 2009 г. [21].

У 2005 г., таксама у Інстытуце гісторыі Украіны, абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Обіг земельных володінъ волинської шляхты у другій паловіні XVI ст. (на матэрыялах Луцкіх актовых книг 1566–1599 pp.)» А. Блануца (Андрій Блануца). У 2007 г. выходзіць яго манаграфія па тэме [6]. Навуковым кіраўніком выступіў спецыяліст па гісторыі Украіны эпохі Рэчы Паспалітай П. М. Сас. У 2017 г. старшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі Украіны выдае манаграфію, якая павінна стаць асновай яго доктарскай дысертацыі па праблеме зменаў землекарыстання ў Вялікім Княстве Літоўскім у эпоху панавання Ягелонаў [5].

Праблемай ўзаемаадносінаў Крымскага ханства і Вялікага Княства Літоўскага ў сваіх кандыдацкай і доктарскай дысертацыях займаўся Б. Чэркас (Борис Черкас). Пад навуковым кіраўніцтвам акадэміка В. А. Смолія ў 2003 г. была абаронена кандыдацкая дысертацыя «Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханством (1502–1540 pp.)». Дарэчы адна з нешматлікіх работ па праблемах знешняй палітыкі. Доктарская ж дысертацыя, абароненая ў сярэдзіне 2010-х гг., разглядала ўжо пытанні эканамічнага і сацыяльна-палітычнага развіцця рэгіёна ў папярэдні, «татарскі» перыяд.

Па праблематыцы рэгіянальнай гісторыі Украіны ў 2003 г. была абаронена яшчэ адна дысертацыя. Вучань Н. М. Якавенкі В. Міхайлоўскі (Віталій Михайловський) абараніў у Кіеве кандыдацкую дысертацыю на тэму «Надавча поземельна політика володарів Західного Поділля (1402–1506 pp.)». А ў 2013 г. – доктарскую на саісканне вучонай ступені па гісторыі «Подільска шляхта у другій паловіні XIV – 70-х роках XVI століття» у Львове. Выступае як даследчык палітычных рэгіянальных эліт ў пераходны перыяд польска-літоўскіх уній [48].

У 2008 г. у Днепрапятроўскім нацыянальным універсітэце была абаронена кандыдацкая дысертацыя Л. Жарабцовай (Лариса Жеребцова), прысвечаная мытнай службе Вялікага Княства Літоўскага на ўкраінскіх землях. Асноўная ўвага была звернута на актывы матэрыял, у прыватнасці Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага [34].

Манаграфіі, артыкулы, тэзісы. Даследаванне трансфармацыі шляхты Кіеўшчына і Вальні разглядае на старонках сваёй манаграфіі «Українська шляхта з кінца XIV до середыні XVII століття» Н. М. Якавенка [82]. Праца стала своеасаблівым узорам для даследавання рэгіянальных

еліт Украіны. Другое пытанне, якое хвалявала аўтарку – змена светопгляду чалавека на ўкраінскіх землях Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай, выкладзена ў манаграфіі «Паралельны свет». Вылучаецца кардынальнай змай метадалагічных падыходаў і ідэйным адыходзе ад наратыўнай пазытывісцкай гісторыі рэгіёна, які дамінуе да сёнешняга часу як ва ўкраінскай, так і сумежных гістарыяграфіях рэгіёна [81].

Тэксты Н. М. Якавенка, напісаныя ў 1990–2000-ыя гг., вылучаюцца эксперыментальнасцю. Яе погляд на гісторыю Украіны часоў Вялікага Княства Літоўскага паступова змяняецца: адбываецца адыход ад аналізу фактаў да аналізу ідэй. Аднак, эпоха Ягелонаў не была выразна адлюстравана ў некаторы асобны этап развіцця палітычнай, сацыяльнай, эканамічнай, сацыяльна-культурнай, рэлігійнай складаючых гістарычнага працэса на ўкраінскіх землях.

Кіеўска-валынская праблематыка была працягнута ў манаграфіі і асноўных працах 2000-х гг. Д. Вашчука. У 2009 г. пабачыла свет яго праца «Абыхмо деръжали ихъ посодлѣ права ихъ земъли» [21]. У якой аўтар разглядае пытанні кампетэнцый вялікакняжаскай ўлады ў рэгіёнах на прыкладзе Кіеўскай і Валынскай зямель у XV–XVI ст. Аўтар глядзіць на працэсы ў грамадстве праз змены дакумента і прававой культуры. А магчымасці міжнародных міждысцыплінарных праектаў дазволілі больш увагі надаць археаграфічнай працы [30]. Сумесна з А. Блануца выдаюцца не толькі кнігі Метрыкі Вялікага Княства, але таксама і комплексы дакументальных крыніц па рэгіянальнай гісторыі [1; 43; 45].

Даследчык ваеннай гісторыі і гісторыі міжнародных адносін у Прычарнаморскім рэгіёне Украіны супрацоўнік Інстытута гісторыі Украіны Б. Чэркас вылучае праблему станаўлення памежнай службы Вялікага Княства Літоўскага, аховы граніц, а таксама станаўлення казачтва на ўсходніх межах дзяржавы [74; 76; 78]. Яго высновы тычыліся праблемы знаходжання ўкраінскіх зямель у ваенна-палітычным супрацьстаянні Вільні, Масквы і Атаманскай Порты (непасрэдна праз Крымскае ханства) [75].

Манаграфія А. Блануца «Земельна політыка Ягеллонів на украінскіх тэрах Вялікага князівства Літоўскага» ў сукупнасці з шэрагам яго публікацый, прысвечана непасрэдна эпохе Ягелонаў у Вялікім Княстве Літоўскім і тычыцца развіцця маёмасных адносін на яго землях у часы кіравання вялікіх князёў Аляксандра, Жыгімонта Старога і Жыгімонта Аўгуста [2–4; 7–19]. Аўтара цікавіць эвалюцыя дзяржаўнай уласнасці Гаспадара, рэформы зямельнай маёмасці прыватнага дамена вялікай княгіні пры Боне Сфорца. А. Блануца не адасабляе ўласна ўкраінскія

землі ад беларускіх і літоўскіх зямель Вялікага Княства Літоўскага. Для яго працэс змены ў наданнях, статусе гаспадарчай маёмасці і г.д. не спыняецца і пасля Люблінскай уніі. Аўтар, які шмат займаецца па сутнасці археаграфічнай работай, шмат ўвагі прысвячае аналізу і рэтраспектыўнаму агляду гістарыяграфіі гісторыі ВКЛ у імперскай і нацыянальных гістарыяграфіях XX і пачатку XXI ст.

Другой складовай часткай даследчыцкай дзейнасці А. Блануца з’яўляецца праца з матэрыялам вялікакняжацкага архіва – кнігамі Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Сумесна з Д. Вашчуком былі падрыхтаваны і апублікаваны ў серыі «Lietuvos Metrika» Інстытута гісторыі Літвы кнігі запісаў 22 і 32 [83; 84].

Рэгіянальная гісторыя Украіны сярэдзіны XV – XVI ст. становіцца своеасаблівым кампрамісам у разглядзе «сваёй» і «несваёй» гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. Самі працэсы раскладання сістэмы зямель прыслухоўваючых Вялікага Княства Літоўскага, кансалідацыі рэгіянальных палітычных эліт, іх палітычная пераарыентацыя з вялікакняжацкага на каралеўскі палітычны эстэблішмент, структуры кіравання, эканамічнае і сацыяльнае развіццё структур, прававая сістэма – усё гэта становіцца аб’ектам асобных даследаванняў. Вынікі якіх толькі ўскосна знаходзяць запатрабаванасць у нацыянальным гістарычным наратыве, адлюстроўваюцца ў дыдактычнай літаратуры. Галоўнай прычынай бачым адсутнасць агульнаўкраінскага характару працэсаў (у параўнанні з татарскім нашэсцем, пераходам пад уладу вялікіх князёў літоўскіх ці Польскага каралеўства, казацкім рухам). Асноўная ўвага надаецца Валыні, Падоллю, Кіеўшчыне. Падае цікавасць да паўночна-ўсходніх тэрыторый.

Калі ў сваіх работах 1990-х гг. Н. Якавенка растаўляе пэўныя пытанні да гісторыі рэгіянальнай палітычнай эліты, то ў 2000-ыя гг. яны будуць пашыраны даследчыкамі другой хвалі.

Працэсы, якія былі запушчаны пры панаванні на Валыні вялікага князя Свідрыгайла Альгердавіча цалкам змянілі палітычную эліту і працэсы фарміравання сістэмы кіравання ды прававой статус зямлі і яе жыхароў.

У даследаваннях фарміравання рэгіянальнай эліты на працягу сярэдзіны XV–XVI ст. вылучаюцца працы Д. Вашчука [22–24; 26]. Вялікі пласт даследаванняў аўтара прысвечаны таксама развіццю і адаптацыі прававой сістэмы Вялікага Княства Літоўскага ў паўднёва-заходніх рэгіёнах: Валыні і Падолля [25; 30; 31; 86]. Маёмасныя адносіны і іх змены прававога статуса і практыкі на тэрыторыях Кіеўшчыны, Валыні

і Заходняга Падолля [27–29]. Даследчык актыўна працуе ў 2000-ыя гг. з фундамі Галоўнага архіву старажытных актаў у Варшаве і актавым матэрыялам Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Увядзенне ў абарот комплексаў крыніц і праца з дакументам дазваляюць разгледзіць на новым факталагічным матэрыяле працэсы элітарызацыі і паланізацыі палітычнай эліты паўднёва-заходніх рэгіёнаў Вялікага Княства.

Праблемай развіцця Луцка XVI ст. і сістэмы мясцовага кіравання ў 2000-ыя гг. актыўна займаецца Ул. Палішчук (Володимир Полішчук) [54; 56; 57]. Матэрыялы Луцкага гродскага суду дазволілі паглядзець на развіццё ў 1560-ыя гг. рэгіянальнай адміністрацыйнай сістэмы, зафіксаваць «літоўскія» нормы права Статута 1566 г. у перавазе перад новым прававым становішчам у складзе Польскага каралеўства пасля заключэння Люблінскай уніі. Рэгіянальныя валынскія эліты – князі Масальскія, – як аб’ект даследавання, спалучаюць аўтара з іншымі ўкраінскімі даследчыкамі, для якіх маргінэс біяграфічных і генеалагічных даследаванняў паступова пераўтвараецца ў своеасаблівы «другі фронт» па вылучэнню «рускай» знаці Вялікага Княства Літоўскага [55].

Сацыяльная гісторыя захаду Украіны акрэсленага часу прадстаўлена працамі В. Міхайлоўскага і Ю. Зазуляка (Юрій Зазуляк). Заходняе Падолле перажывае істотныя змены ў сістэме кіравання і землекарыстання ў XV – пачатку XVI ст. Гэтыя змены звязаны з пераходам тэрыторый з-пад улады Вялікага Княства Літоўскага да Польскага каралеўства пры непасрэдным удзеле прадстаўнікоў дынастыі Ягелонаў – Уладзіслава II, Уладзіслава III, Казіміра Ягелончыка, Яна Ольбрахта, Аляксандра. У сваіх працах 2000-х гг. В. Міхайлоўскі звяртае ўвагу на працэсы трансфармацыі сацыяльна-палітычнай структуры эліты і зямельна-маёмаснай палітыцы Гаспадароў [47; 49–52]. У 2010-ыя гг. усё часцей аўтар схіляецца да гісторыі ўкраінскага парламентарызму і працэсаў XVI ст. У працах жа Ю. Зазуляка выразна праглядаецца «галіцкі» накірунак даследавання сацыяльна-прававой гісторыі рэгіёна, які развіваецца ў каралеўскім рэчышчы прававой культуры Ягелонаў XV ст. [35–37].

Пачаткі працы над інтэлектуальнай гісторыяй Вялікага Княства Літоўскага былі падхоплены вучаніцай Н. М. Якавенка супрацоўніцай Інстытута гісторыі Украіны К. Кірычэнка. Штудыі над тэкстамі летапісання Вялікага Княства Літоўскага і легендарнымі часткамі ў тэкстах XV – першай паловы XVI ст. знайшлі адлюстраванне ў асобных публікацыях аўтара [38; 41; 42].

На сумежжы гістарычных перыядаў знаходзяцца працы ўкраінскіх даследчыкаў, якія займаюцца ўжо часамі Рэчы Паспалітай – апошняй

трэццю XVI ст. Пераважаюць тут тэндэнцыі апошніх двух дзесяцігоддзяў – гісторыя парламентарызму і рэгіянальных эліты. Працэсы якія магчыма разгледзіць праз нашмат лепей прадстаўлены і захаваны комплекс крыніц судовага справаводства. Навацямі, характэрнымі для ўсёй Усходняй Еўропы, з’яўляюцца даследаванні генеалогіі магнацкіх радоў, што не ў малой ступені звязана з юбілейнымі датамі і наяўнасцю раскіданых, але захаваных архіўных фондаў [44].

Канферэнцыі. Спецыялізаваныя часопісы. Спецыялізаваныя канферэнцыі па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і дынастыі Ягелонаў, у вузкім проблемным полі, – увогуле рэдкасць ва Усходняй Еўропе. Спецыфіка для ўсіх постсавецкіх гістарыяграфій аднолькавая – дынастычны перыяд, гісторыя манаршай дынастыі не маюць свайго фармата ў нацыянальным гістарычным наратыве. І хаця 1990-ыя гг. у праблематыцы Вялікага Княства Літоўскага былі «неўраджайнымі», XXI ст. дало падставы для правядзення юбілейных канферэнцый, прысвечаных ваенным і дзяржаўна-палітычным падзеям з эпохі Ягелонаў (500-годдзе Аршанская бітва, юбілеі ўнй Вялікага Княства Літоўскага з Польскім каралеўствам).

Акрамя юбілейных канферэнцый, прысвечаных узгаданым ваенным і палітычным знакавым падзеям. Трэба звярнуць увагу на серыю міжнародных навуковых конференцый у Камянцы-Падольскім «Украіна і Велике князівство Литовське в XIV–XVIII ст.: політычны, эканомічны, міжнацыянальны та соцыкультурны відносіны у загальноеўрапейскаму вымяры» [66–68]. Удзел у іх прынялі даследчыкі з Беларусі, Літвы, Польшчы, Расіі, украінскія калегі з розных навукова-даследчых цэнтраў. Вынікам падобных сустрэч становіцца магчымасць заснавання спецыялізаванага навуковага выдання па праблемам гісторыі Вялікага Княства Літоўскага. «Ukraina Lithuanica: студыі з історыі Великога князівства Литовського» [85]. У рэдакцыйную раду ўвайшлі вядомыя спецыялісты-літуаністы з усяго рэгіёна.

Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага эпохі Ягелонаў на старонках «Ukraina Lithuanica» была прадстаўлена як айчыннымі ўкраінскімі спецыялістамі, так і калегамі-за межамі. Аднак трэба адзначыць, што пул даследчыкаў насення вельмі абмежаваны і ад нумара да нумара ў прэзентацыях сваіх даследаванняў аўтары кансервуюць праблематыку і новыя пытанні не падымаюць.

Не абмінулі ВКЛаўскай праблематыкі і такія спецыялізаваныя па гісторыі Украіны выданні як «Украінський історичний журнал» [72], «Соціум: Альманах сацыяльнай історыі» [61], «Украіна в Цэнтральна-Східній Еўропі» [65]. Аднак склад аўтараў практычна той самы.

Фармат канферэнцыйных і тэматычных выданняў дазваляе акумуляваць вакол навуковых цэнтраў інтэрнацыянальны склад даследчыкаў, здымаць нацыянальныя межы ў вывучаймых падзехах Сярэднявечча і ранняга Новага часу. Пры гэтым фармат канферэнцыі дае магчымасць і гістарыёграфу ацаніць колькасны склад нацыянальнай украінскай гістарыяграфіі ў даследаванні праблемы ў параўнанні з іншымі нацыянальнымі гістарыяграфіямі.

Згадзімся з высновамі ўкраінскіх гістарыёграфаў, што ў XXI ст. украінская гістарыяграфія так і не зрабіла цэласнай пераацэнкі эпохі Ягелонаў, і ««літовська» складова історії» выкарыстоўваецца толькі як супрацьпастаўленне казацкаму і польскаму міфу ў гісторыі Украіны ранняга Новага часу [33, с. 37; 79].

Заўважым, што за два з невялікім дзесяцігоддзям ва ўкраінскай літуаністыцы адбываецца пераход ад беларуска-арыентаванай рыторыкі ў наратыве Вялікага Княства, да стрымана-партнёрскай дэкларацыі паміж украінскімі і літоўскімі калегамі. Відавочна, гэта праяўляецца ў літуанізацыі некаторых украінскіх выданнях (спецыялізаваных, дыдактычных) імён і прозвішчаў палітычных дзеячаў з неўкраінскіх зямель, гістарычнай тэрміналогіі, гістарычнай геаграфіі. Пры гэтым міжнародны статус праектаў прыводзіць да нівеліравання межаў – аўтары калектыўных выданняў радзей прытрымліваюцца сучаснага дзяржаўна-тэрытарыяльнага прынцыпу ў вылучэнні рэгіёнаў, імкнуцца дыстанцыравацца ад высвятлення «нацыянальнасці» прадстаўнікоў палітычнай эліты Вялікага Княства Літоўскага.

Калі ад канца XIX ст. і ў міжваенны перыяд украінскія даследчыкі знаходзіліся ў славянскім майнстрыме разгляду дуалізма Вялікага Княства Літоўскага і Рускага, і гэта было кананізавана ў грушэўскай традыцыі гісторыі Украіны-Русі, дзе беларускі кампанент выступаў разам з украінскім. То ў пачатку XXI ст. навацыйнай становіцца падзел Вялікага Княства Літоўскага і Рускага па іншай лініі.

Спіс літаратуры

1. Акти Волинського воеводства кінца XV – XVI ст. (із зібрання Пергаментных дакументаў Архіву галоўнага актів даўніх у Варшаві) / Підготовка до друку й авторський текст Андрія Блануца, Дмитра Вашука, Дмитра Вирського (латиномовні документи). – Київ: Інститут історії України НАН України, 2014. – 154 с.
2. Блануца, А. Господарська політика королеви Бони у Великому князівстві Литовському (за матеріалами 32 книги записів Литовської метрики) / А. Блануца // Україна в Центрально-Східній Європі. – Київ, 2011. – Вип. 11. – С. 191–206.

3. Блануца, А. Джерела до історії ринку землі у Великому князівстві Литовському у період дії I до II Литовських Статутів / А. В. Блануца // *Rynki lokalne i regionalne w XV–XVIII wieku.* – Białystok, Kraków, 2013. – С. 35–54.
4. Блануца, А. До історії земельних володінь князів Заславських на Рівненщині (кінець XV ст.) / А. В. Блануца // *Український історичний збірник.* – Київ, 2010. – Вип. 13. – С. 158–160.
5. Блануца, А. Земельна політика Ягеллонів на українських теренах Великого князівства Литовського (1440–1572 рр.) / А. В. Блануца. – Київ, 2017. – 423 с.
6. Блануца, А. Земельні володіння волинської шляхти у другій половині XVI ст. / А. В. Блануца. – Київ, Інститут історії України НАН України, 2007. – 248 с.
7. Блануца, А. Земельні надання Сигізмунда I Старого на українські землі Великого князівства Литовського / А. В. Блануца // *Україна в Центральній-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.).* – Київ, 2008. – Вип. 8. – С. 78–97.
8. Блануца, А. Земельні надання Сигізмунда II Августа на Волині: джерела дослідження / А. В. Блануца // *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць: Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету.* – Рівне, 2009. – Вип. 16. – С. 241–243.
9. Блануца, А. Земельные владения дворовой элиты Сигизмунда II Августа / А. В. Блануца // *Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй. Вторая международная научная конференция (Москва, 23–июня 2009 г.).* – М., 2009. – С. 25–26.
10. Блануца, А. Земельные пожалования Ягеллонов на Сиверскую землю (середина XV – начало XVI столетия) / А. В. Блануца // *Российско-польский исторический альманах.* – Ставрополь-Волгоград: Изд-во СГУ, 2008. – Вип. 3. – С. 117–122.
11. Блануца, А. Земська служба у Великому князівстві Литовському за документами книги записів № 39 Литовської метрики (середина XVI ст.) / А. В. Блануца // *Український історичний збірник.* – Київ, 2009. – Вип. 12. – С. 456–467.
12. Блануца, А. Литовско-московские войны первой половины XVI в. и фактор земельной политики Ягеллонов / А. В. Блануца // *Смутное время в России: конфликт и диалог культур: Материалы научной конференции (Санкт-Петербург, 12–14 октября 2012 г.).* – СПб., 2012. – С. 20–23.
13. Блануца, А. Надавча політика Казимира та Олександра Ягеллончика на Сіверську землю (за матеріалами Литовської метрики) / А. В. Блануца // *Література та культура Полісся.* – Ніжин, 2008. – Вип. 44. – С. 136–143.
14. Блануца, А. Надання та підтвердження Олександра Ягеллончика на українські землі Великого князівства Литовського / А. В. Блануца // *Terra cossacorum: студії з давньої і нової історії України.* Науковий збірник на пошану доктора історичних наук, професора Валерія Степанкова. – Київ, 2007. – С. 434–455.

15. Блануца, А. Політика земельних надань Олександра Ягеллончика на Волинську землю (кінець XV – початок XVI ст.) / А. В. Блануца // *Минуле і сучасне Волині та Полісся: Ковель і ковельчани в історії України та Волині. Матеріали ХХІХ Всеукраїнської наукової історико-краєзнавчої конференції, присвяченої 490-ій річниці надання Ковелю Магдебурзького права. Ковель, 5–6 грудня 2008 р.: Збірник наукових праць.* – Луцьк: Надстир'я, Ковель: ТОВ «Ковельська міська друкарня», 2008. – С. 238–241.

16. Блануца, А. Політика земельних надань Сигізмунда II Августа на українських землях Великого князівства Литовського: основні тенденції та джерела дослідження / А. В. Блануца // *Україна крізь віки: Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України професора Валерія Смолія.* – Київ, Інституту історії України НАН України, 2010. – С. 213–232.

17. Блануца, А. Політика земельних надань Ягеллонів на українських землях Великого князівства Литовського: історіографія проблеми / А. В. Блануца // *Україна в Центрально-Східній Європі.* – Київ, Інститут історії України НАН України, 2014. – Вип. 14. – С. 185–206.

18. Блануца, А. Старости/намісники в «окраїнних» прикордонних замках кінця XV – середини XVI ст. / А. В. Блануца // *Наукові записки. Серія: Історичні науки.* – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. – Випуск 20: Синьоводська битва 1362 року в контексті історії Східної Європи. – С. 177–184.

19. Блануца, А. Судові справи про маєткові спори у Великому князівстві Литовському в 1529–1566 рр.: фактор судової бюрократії / А. В. Блануца // *Dzieje biurokracji / Pod red. A. Górką, K. Latawca i D. Magiera.* – Lublin, Siedlce, 2011. – Tom IV. – Część 1. – S. 101–110.

20. Василенко, В. Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX – першої третини XX ст. / В. Василенко. Дніпропетровськ: Національний гірничий університет, 2006. – 659 с.

21. Ващук, Д. «Абыхмо дерьжали ихь псодлє права ихь земљи» (Населення Київщини та Волині і великокнязівська влада в XV–XVI ст.) / Д. П. Ващук. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. – 320 с.

22. Ващук, Д. Василь-Костянтин Острозький у документах Литовської Метрики / Д. П. Ващук // *Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.).* – Київ, 2008. – Вип. 8. – С. 269–284.

23. Ващук, Д. До історії родинної суперечки князів Сангушків на початку другої третини XVI ст. / Д. П. Ващук // *Український історичний збірник.* – Київ: Інститут історії України НАН України, 2009. – Вип. 12. – С. 468–474.

24. Ващук, Д. Документи до історії князівської родини Сангушків на Волині середини XVI ст. / Д. П. Ващук // *Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.).* – Київ, 2007. – Вип. 7. – С. 373–386.

25. Ващук, Д. Інститут «старини» й «новини» в правових та економічних джерелах Великого князівства Литовського (друга половина XV – XVI ст.) / А. Блануца, Д. Ващук // *Український історичний журнал.* – 2006. – № 2. – С. 11–23.

26. Ващук, Д. Князівський рід Масальських за матеріалами Литовської метрики (середина XV – XVI ст.) / А. Блануца, Д. Ващук // Український історичний журнал. – 2007. – №. 4. – С. 37–51.

27. Ващук, Д. Місто Луцьк у документах Литовської Метрики XVI ст. / Д. П. Ващук // З'їзд європейських монархів у Луцьку в 1429 року: Матеріали III Міжнародної наукової, історико-краєзнавчої конференції, присвяченої 580-й річниці з'їзду / Авт.-упор. Г. Марчук. – Луцьк: Твердиня, 2009. – С. 41–47.

28. Ващук, Д. Население и власть в Великом княжестве Литовском: соотношение права «старинны» и «новых» законов / Д. П. Ващук // *Dzieje biurokracji*. – Lublin, Toruń, Wrocław, 2013. – Tom V. – Część 1. – S. 157–165.

29. Ващук, Д. Система захисту в судочинстві Волині другої половини XV–XVI століття / Д. П. Ващук // Адвокатура України: забуте і невідоме. Серія «Нариси з історії адвокатури України». – Київ: КВІЦ, 2014. – Вип. 1. – С. 12–24.

30. Ващук, Д. Становлення та розвиток правової системи Великого князівства Литовського у другій половині XV – першій третині XVI ст.: на прикладі Київщини й Волині / Д. П. Ващук // Український історичний журнал. – 2015. – № 2. – С. 99–112.

31. Ващук, Д. Формування правової культури Великого князівства Литовського у другій половині XV – першій третині XVI ст. / Д. П. Ващук // Український історичний журнал. – 2014. – № 1. – С. 59–72.

32. Войтович, Л. В. Князівські династії Східної Європи (кінець IX – початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль / Л. В. Войтович. – Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2000. – 649 с.

33. Гошко, Т. Д. Чужа доба своєї історії: інтерпретації литовсько-польської доби в українському історіописанні / Т. Д. Гошко // Історія і суспільствознавство в школах України: теорія та методика навчання. – 2015. – № 6. – С. 29–37.

34. Жеребцова, Л. Ю. Формування митної системи на українських землях Великого князівства Литовського: джерела і методи дослідження [автореф.]: дис... канд. іст. наук: 07.00.06 / Л. Ю. Жеребцова; Дніпропетровський національний ун-т. – Дніпропетровськ, 2008. – 23 с.

35. Зазуляк, Ю. *Rebaptizatio ruthenorum*: подвійні імена та конфесійно-культурна ідентичність шляхти руського походження в Галичині XV ст. / Ю. Зазуляк // RUTHENICA. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2007. – Т. 6. – С. 275–298.

36. Зазуляк, Ю. Застави як елемент роздавничої політики Ягеллонів у Галицькій Русі в XV ст. / Ю. Зазуляк // Вісник Львівського університету. Серія історична. – Львів, 2000. – Вип. 35–36. – С. 43–57.

37. Зазуляк, Ю. Львівська конфедерація 1464 року: спроба прозографічного дослідження її учасників / Ю. Зазуляк // Записки Наукового товариства імені Шевченка. – Львів, 2000. – Т. ССXL: Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. – С. 396–415.

38. Кириченко, К. Галицько-Волинський літопис і створення легендарної частини 2-го зводу літописів Великого князівства Литовського / К. В. Кириченко // Український історичний журнал. – Київ, 2012. – № 6. – С. 111–129.

39. Кириченко, К. Історія Великого князівства Литовського в українській історіографії 1991–2003/4: основні тенденції / К. В. Кириченко // RUTHENICA. – 2005. – № 4. – С. 215–229.

40. Кириченко, К. Історія Великого князівства Литовського в українській історіографії 1991–2003/4: основні тенденції / К. В. Кириченко // Вялікае Княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: Матэрыялы міжнароднага круглага стала «Гісторыя вывучэння Вялікага Княства Літоўскага ў 1991–2003 гг.» (Гродна, 16–18 мая 2003 г.) / Рэдкал.: С. Б. Каўн (адказ.рэд.) і інш. – Мінск: Медисонт, 2006. – с. 484–495

41. Кириченко, К. Створення «замовних» творів історичного змісту на початку XVI ст.: Велике князівство Литовське та Московське князівство: збірник наукових трудов / К. В. Кириченко // Україна в Центрально-Східній Європі / Відп. ред. В. Смолій. – Київ: Ін-т історії України НАНУ, 2014. – Вип. 14. – С. 36–55.

42. Кириченко, К. Читацькі зацікавлення у Великому князівстві Литовському на початку XVI ст. та рецепція прочитаного (на матеріалі Віленського списку Хронографа 1262 р.) / К. В. Кириченко // Український історичний журнал. – 2011. – № 2. – С. 4–20.

43. Князі Масальські: документи і матеріали XVI ст. – Київ: Пульсари, 2007. – Вип. 1 / Підготовка до друку й авторський текст Андрія Блануци, Дмитра Ващука. – 176 с.

44. Князі Острозькі / О. Дзярнович, Р. Рагаускене, І. Тесленко, Б. Черкас. – Київ: Балтія Друк, 2014. – 280 с.

45. Литовська Метрика. Книга № 235 (1547–1549): 20-та Книга судових справ / Підготував Дмитро Ващук. НАН України. Інститут історії України. – Київ: Інститут історії України, 2019. – XX; 75 с.

46. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / Р. Лінднэр. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. – 540 с.

47. Михайловський, В. Велика земельна власність на західному Поділлі у XV ст. (на прикладі документів для Шафранців та Одровонжів) / В. М. Михайловський // Kamieniec Podolski: Studia z dziejów miasta i regionu / Pod red. Feliksa Kłyuka. – Т. 2. – Kraków: Wyd. Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2005. – С. 90–98.

48. Михайловський, В. Еластична спільнота. Подільська шляхта в другій половині XIV – 70-х роках XVI ст. / В. М. Михайловський. – Київ, 2012. – 448 с.

49. Михайловський, В. Матеріали до Itineraria подільських воєвод, каштелянів і старост у XV ст. / В. М. Михайловський // Молода нація. – 2001. – № 3. – С. 149–168.

50. Михайловський, В. Надавча поземельна політика володарів Західного Поділля (1402–1506 рр.) / В. М. Михайловський; Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01; Національний ун-т «Києво-Могилянська академія». – Київ, 2004. – 16 с.

51. Михайловський, В. Роздача земельної власності у Подільському воєводстві за Казимира IV (1448–1492) / В. М. Михайловський // Записки наукового товариства імені Шевченка. – Львів, 2006. – Т. 251. – С. 399–438.

52. Михайловський, В. Podole po Grunwaldzie (1410–1430): walka Witolda z Jagiełłą / В. М. Михайловський // *Jogailos ir Vytauto laikai. Mokslinių straipsnių rinkinys, skirtas Žalgirio mūšio 600-osioms metinėms.* – Kaunas: VDU, 2011. – P. 120–129.

53. На переломі: друга половина XV – перша половина XVI ст. / Упоряд. і передм. О. В. Русиної. – Київ: Україна, 1994. – 352 с.

54. Поліщук, В. Врядове виживство в структурі публічно-правових процедур (на матеріали луцьких замкових книг 1558–1567 рр.) / В. В. Поліщук // *Соціум. Альманах соціальної історії.* – 2002. – № 1. – С. 79–109.

55. Поліщук, В. Городенська гілка князів Масальських на Волині у XVI ст. (Руська титулована знать Великого князівства Литовського у структурі шляхетського землеволодіння) / В. В. Поліщук // *Український історичний журнал.* – 2008. – № 2. – С. 4–16.

56. Поліщук В. Луцький замковий уряд в адміністративній системі Великого князівства Литовського до реформи 1564–1566 рр. / В. В. Поліщук // *Український історичний журнал.* – 2003. – № 2. – С. 3–14; *Український історичний журнал.* – 2005. – № 1. – С. 108–125.

57. Поліщук, В. Офіційні свідки - вижі Луцького замкового уряду в 1566–1567 рр. (особовий склад та службове підпорядкування) / В. В. Поліщук // *Соціум. Альманах соціальної історії.* – 2005. – № 5. – С. 13–39.

58. Русина, О. В. Україна під татарами і Литвою / О. В. Русина; НАН України. Інститут історії України. – Київ: Альтернативи, 1998. – 320 с.

59. Русина, О. В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського / О. В. Русина. – Київ, 1998. – 244 с.

60. Собчук, В. Д. Від коріння до крони: Дослідження з історії князівських і шляхетських родів Волині XV – першої половини XVII ст. / В. Д. Собчук. – Кременець: Кременецько-Почаївський державний історико-архітектурний заповідник, 2014. – 508 с.

61. Соціум: Альманах соціальної історії // Електронні ресурс: Архіву випускає. – Режим доступу: shorturl.at/cwAT1. – Дата доступу: 25.05.2019.

62. Туронак, Ю. За кардонам Бацькаўшчыны: успаміны / Ю. Туронак. – Мінск: Медысонт, 2010. – 276 с.

63. Украина: литовский период истории (современная историография и историческое сознание) / А. Блануца, Д. Вашук // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai.* – Vilnius, 2009. – P. 321–336.

64. Україна // Вялікае Княства Літоўскае: гісторыя вывучэння ў 1991–2003 гг.: Матэрыялы міжнароднага круглага стала «Гісторыя вывучэння Вялікага Княства Літоўскага ў 199–2003 гг.», Гродна, 16–18 мая 2003 г. / рэдкал. : С. Б. Каўн (адказ. рэд.) і інш. – Мінск: Медысонт, 2006. – С. 484–536.

65. Україна в Центральній-Східній Європі // Електронні ресурс: Архіву випускає. – Режим доступу: shorturl.at/hjBV7. – Дата доступу: 25.05.2019.

66. Україна і Велике Князівство Литовське в XIV–XVIII ст.: політичні, економічні, міжнародні та соціокультурні відносини у загальноєвропейсько-

му вимірі: Тези доповідей II Міжнародної наукової конференції, присвяченої 75-річчю Інституту історії України Національної академії наук України (22–24 вересня 2011 р., Кам'янець-Подільський). – Київ, 2011. – 74 с.

67. Україна і Велике Князівство Литовське в XIV–XVIII ст.: політичні, економічні, міжнаціональні та соціокультурні відносини у загальноєвропейському вимірі: Тези доповідей III Міжнародної наукової конференції (16–19 жовтня 2013 р., Кам'янець-Подільський) / Ред. кол.: Смолій В. (відп. ред.), Боряк Г., Степанков в., Вашук Д., Блануца А., Жеребцова Л. НАН України. Інститут історії України; Міністерство освіти і науки України; Кам'янець-Подільський національний університет ім. І. Огієнка. – Київ, 2013. – 92 с.

68. Україна і Велике князівство Литовське в XIV–XVIII ст.: Політичні, економічні, міжнаціональні та соціокультурні відносини у загальноєвропейському вимірі: Міжнар. наук. конф. (Кам'янець-Подільський, 27–29 вересня 2007 р.). – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2007. – 71 с.

69. Україна: литовська доба 1320–1569. Вид. 2-ге, переробл. / Відп. ред. Ю. Ференцева; Климовський С., Сварник І., Войтович Л., Вашук Д., Блануца А., Черкас Б. – Київ: Балтія-Друк, 2017. – 176 с.

70. Україна: литовсько-польська доба 1320–1569 / О. Русина, І. Сварник, Л. Войтович, Д. Вашук, А. Блануца, Б. Черкас. – Київ: Балтія-Друк, 2008. – 176 с.

71. Україна: хронологія розвитку / Голова редкол. В. А. Смолій. – Київ: КРІОН, 2009. – Т. 3.: Від Батисевої навали до Люблінської унії. – 696 с.

72. Український історичний журнал // Електронні ресурс: Архів випускає. – Режим доступу: shorturl.at/jwRZ3. – Дата доступу: 25.05.2019.

73. Українська історіографія на зламі XX і XXI століть: здобутки і проблеми : кол. монографія / М-во освіти і науки України, Львів. нац. ун-т імені І. Франка; за ред. Л. Зашкільняка. – Львів: Львів. нац. ун-т імені І. Франка, 2004. – 405 с.

74. Черкас, Б. Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. / Б. В. Черкас // Український історичний журнал. – 2002. – № 1. – С. 53–67.

75. Черкас, Б. Політичні відносини Великого князівства Литовського з Кримським ханатом у 1533–1540 рр.: Сборник научных трудов / Б. В. Черкас // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2003. – Вип. 3. – С. 117–128.

76. Черкас, Б. Служиві татари в обороні українських земель Великого князівства Литовського XV–XVI століть / Б. В. Черкас // Надчорномор'я у IX ст. до н.е. – на початку XIX ст.: Студії з історії та археології. – 2007. – № 1. – С. 144–148.

77. Черкас, Б. Україна в політичному протистоянні Великого князівства Литовського з Московською державою і Кримом у 20-х – 30-х рр. XVI ст. / Б. В. Черкас // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. – Київ, 2003. – С. 11–24.

78. Черкас, Б. Українське козацтво наприкінці XV – першої половини XVI ст. / Б. В. Черкас // Український історичний збірник. – 2005. – № 8. – С. 64–74.

79. Шевченко, Н. «Ягелонська спадщина» у світлі сучасних українських історичних студій / Н. В. Шевченко // Історичний архів. Наукові студії. – Миколаїв, 2008. – Вип. 1. – С. 29–39.

80. Яковенко, Н. М. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття / Н. М. Яковенко. – Київ: Генеза, 1997. – 312 с. (Вид. 2-ге, перероблене та розширене: Київ: Критика, 2005. – 584 с.; Вид. 3-тє, перероблене та розширене: Київ: Критика, 2006. 584 с.).

81. Яковенко, Н. М. Паралельний світ: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. / Н. М. Яковенко. – Київ: Критика, 2002. – 416 с.

82. Яковенко, Н. М. Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII століття. Волинь і Центральна Україна / Н. М. Яковенко. – Київ: Наукова думка, 1993. – 416 с. (Видання друге, переглянуте і виправлене, 2008. – 472 с.).

83. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 22 (1547): Užrašymų knyga 22 / Parengė A. Blanuca, D. Vashchuk, D. Antanavičius. – Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2010. – 174 p.

84. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 32 (1548–1549): Užrašymų knyga 32 / Parengė A. Blanuca, D. Vashchuk, D. Antanavičius, E. Deveikytė. – Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2012. – XX, 144 p.

85. Ukraina Lithuanica: студії з історії Великого князівства Литовського // Електронны рэсурс: Архіў выпускаў. – Рэжым доступа: http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?&I21DBN=EJRN&P21DBN=EJRN&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=JUJ_all&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=I=&S21COLORTERMS=0&S21STR=UkrLith. – Дата доступа: 25.05.2019.

86. Vashchuk, D. Ukrainietišku Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės žemių teisinė sistema XV amžiaus antroje pusėje–XVI amžiaus pirmame trečdalyje: problemos formulavimas / D. Vashchuk // Lietuvos statusas ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajoriškoji visuomenė. Straipsnių rinkinys / Sudarė Irena Valikonytė, Lirija Steponavičienė. Vilnius, 2015. – P. 223–234.

ИСТОЧНИКИ

«MILITARES LIVONIENSUM»: РЭЕСТР ЛІВОНСКАГА ВОЙСКА ПАД ПАСВОЛЕМ У 1557 г. І ПРАБЛЕМЫ МІЛІТАРНАЙ ГІСТОРЫІ РЭГІЁНА

Ваенна-палітычная сітуацыя ў рэгіёне і «Пасвольская дэманстрацыя» 1557 г.

Падзеі, якія прывялі да ўзнікнення дакументу, вядомага пад назвай «*Militares Livoniensum*», адлюстроўваць ваенна-палітычную сітуацыю ў рэгіёне Усходняй Еўропы напярэдадні вялікага выпрабавання – Лівонскай вайны (1558–1583) і тэрытарыяльнага перадрэзу Балты, які адбыўся на працягу і ў выніку вайны. Але «Пасвольскі канфлікт» мае і свае спецыфічныя перадумовы і ўласнае палітычнае вымярэнне ў чатырохкутніку Лівонія – ВКЛ – Карона Польская – Прусае герцагства. Гэты канфлікт атрымаў у гістарыяграфіі сваю ўласную назву – «Вайна каад’ютараў».

Хутка пасля секулярызацыі ў 1525 г. Нямецкага ордэна ў Прусіі і ўтварэння Прускага герцагства новаабвешчаны герцаг Альбрэхт Брандэнбургскі-Ансбах (1490–1568) з дому Гагенцолернаў сфармуляваў ідэю падпарадкавання Лівоніі Ягелонам у якасці лена. Адразу гэта можа падацца парадаксальным, што чалавек, які ў якасці вялікага магістра прыклаў шмат намаганняў на тое, каб вызваліцца з-пад кантролю Ягелонаў і ў 1519–1521 гадах нават вёў вайну з Польшчаю, цяпер прапаноўваў Жыгімонту ўзмацніць яго ўладу над Балтыкай. Але герцаг Альбрэхт меў уласныя дынастычныя планы – з дапамогаю караля і вялікага князя Жыгімонта Старога ён разлічваў зрабіць свайго брата Вільгельма (1498–1563) арцыбіскупам Рыжскім, спачатку дамогшыся яго прызначэння каад’ютарам.

Гэта кадрава-дынастычнае прызначэнне адкрывала шлях да стварэння вялікай балтыйскай дзяржавы Гогенцолернаў з Прусіі і Лівоніі [27, s. 126; 6, с. 87–88]. І хоць апошняя мэта Альбрэхта так і не была рэалізавана, але ўдзел дыпламатыі Жыгімонта дапамог Вільгельму Брандэнбургскаму – у 1529 г. арцыбіскуп Рыжскі Томас Шёнінг (арцыбіскуп у 1527–1539) намінаваў яго каад’ютарам, а ў Лівоніі ўмацавалася партыя, якая звязвала будучыню краю ў цесным саюзе з ВКЛ і Польшчаю.

У сістэме рыма-каталіцкай царквы каад’ютар з’яўляецца тытулярным біскупам, гэта азначае, што ён мае ступень біскупа без адпаведнай

юрысыдыкцыі, як у ардынарнага біскупа. Каад'ютар таксама прызначаецца Святым Пасадам для ажыццяўлення біскупскіх функцый разам з дыяцэзіяльным біскупам з правам спадчыннага атрымання біскупскай кафедры. Гэта права было асобна абумоўлена Кодэксам кананічнага права (*Codex iuris canonici*). Абавязкам каад'ютара было супрацоўніцтва з дыяцэзіяльным біскупам па ўсіх пытаннях, якія тычыліся справаў кіравання дыяцэзіі, кансультаванне з ім па найважнейшых пытаннях, выкананне біскупскіх функцый паводле ўказання дыяцэзіяльнага біскупа і яго замяшчэнне ў час адсутнасці. У сваю чаргу ардынарны біскуп быў абавязаны аддаваць перавагу біскупу-каад'ютару перад іншымі біскупамі пры неабходнасці дэлегавання паўнамоцтваў асаблівай важнасці.

У 1552 г. тайная дыскусія пра перспектывы Лівоніі аднавілася (агляд гістарыяграфіі пра «Лівонскі крызіс» 1552–1561 гг. гл.: [38, р. 3–17]). Кароль Жыгімонт Аўгуст і герцаг Альбрэхт двойчы сустрэліся дзеля гэтага ў Крупішках і Брайтэнштайне (спасылкі на гэтыя перамовы маюцца ў лістах караля Жыгімонта Аўгуста да герцага Альбрэхта ў 1552 і 1553 гг. [22, р. 68, 70, 90]). Да гэтых перамоваў толькі часткова быў дапушчаны мальбаркскі ваявода Ахацы Цэма (*Achacy Sema, Achatius von Zehmen*), які стаў галоўным кансультантам караля ў лівонскіх справах – менавіта ваяводзе належала выказванне ў лісце да герцага Альбрэхта, што Лівонія павінна быць пераўтворана ў лен Ягелонскай манархіі, бо «ў супрацьлеглым выпадку яна падзе як здабыча Масквы» [33, s. 102]. Для Ягелонаў, як для польскіх каралёў, існавала яшчэ адна фармальная падстава ўмешвацца ў справы Рыжскага арцыбіскупства: у 1366 г. імператар Карл IV Люксембургскі прызнаў за Казімірам Вялікім тытул пратэктара Рыжскага арцыбіскупства, што адносілася не толькі асабіста да гэтага караля, але і да яго наступнікаў [42, s. 374].

У Вялікім Княстве партыю магнатаў, якія патрабавалі большага пранікнення ВКЛ у справы Лівоніі, узначальваў канцлер Мікалай Радзівіл Чорны. Можна меркаваць, што на той час быў сфармуляваны план трывалага далучэння Лівоніі да агульнай сістэмы абароны ад Расіі. У 1554 г. герцаг Альбрэхт падсумаваў вынікі перамоваў і ў тайным мемарыяле ад 13 жніўня (кампрамісным адносна інтарэсаў Вялікага Княства) прапанаваў каралю наступальную стратэгію: утварэнне добраахвотнага саюзу і аб'яднанне Польшчы, ВКЛ, Прусіі і Лівоніі («*die vortrewliche, einmütige Zusammensetzung und Voreinigung mit Polen, Litauen, Preussen und Lifland*»); рэалізацыя адносна Лівоніі таго ж сцэнару («*modus procedendi*»), які быў здзейснены ў дачыненні да Прусіі («*und*

dan, ob die Wege mit Lifland, wie alhe, Gott lob, zu Preussen geschehen, zu finden und zu behandeln») [20, S. 481–490; 29, s. 197; 41, s. 378]. У сваім адказе Жыгімонт Аўгуст пісаў, што Лівонія рэальна можа атрымаць дапамогу толькі з боку ВКЛ і Польшчы [20, № 26, S. 486–490]. Як бачым, сцэнар геапалітычнай трансфармацыі Лівоніі да сярэдзіны 1550-х гадоў быў ужо выпрацаваны. Як можна меркаваць, будучым леннікам караля мусіў стаць арцыбіскуп Вільгельм, які знаходзіўся ў жывых стасунках з Кёнігсбергам. Але заняцце Вільгельмам рыжскай арцыбіскупскай кафедры не вычэрпвала амбіцыі герцага Альбрэхта.

Унутраная вайна 1556–1557 гадоў стала першым выпрабаваннем для краю ў чарадзе далейшых драматычных падзей. Фармальна канфлікт разгарэўся з-за «справы каад’ютара» – герцаг Альбрэхт пры падтрымцы Жыгімонта Аўгуста імкнуўся правесці на пасаду каад’ютара рыжскага арцыбіскупа гэтым разам іншага свайго стаўленіка – васьмнаццацігадовага Крыштафа (1537–1592) з роду герцагаў Мекленбургскіх [44, р. 69–109]. Гэта супярэчыла лівонскаму праву, бо паводле пастановы Вольмарскага ландтагу 1546 г. рыжскім арцыбіскупам ці каад’ютарам ужо не маглі станавіцца члены герцагскіх родаў, якія паходзілі з-за межаў Лівоніі. Апроч таго, Крыштаф быў лютэранінам.

Але ў студзені 1556 г. мітрапалітальная капітула Рыжскага арцыбіскупства абрала Крыштафа каад’ютарам. Лівонскі ордэн запрагэставаў [24, s. 138–160; 21, р. 163; 35, р. 30, 50–62, 66; 42, s. 381]. Скліканы ў Вольмары ландтаг усё ж зацвердзіў гэтае абранне, але абумовіў яго абавязкам Рыжскай мітраполіі не заключаць дамоваў з Жыгімонтам Аўгустам. Вільгельм і Крыштаф не прынялі гэтай умовы, а высланы Жыгімонтам Аўгустам пасол Каспар Ласкі быў забіты. Улетку 1556 г. лівонскі магістр Генрых фон Гален (магістр у 1551–1557) узяў у аблогу Кукейнос, дзе знаходзіліся арцыбіскуп і яго каад’ютар, ды паланіў іх [12, с. 156–157]. Саюзнік арцыбіскупа Вільгельма ландмаршал Каспар фон Мюнстэр (?–1577) схаваўся ў Вільні. У Ордэна ў Лівоніі фактычна існаваў свой інстытут каад’ютарства – памочніка і спадчынніка магістра. Насуперак традыцыі ландмаршал не быў прызначаны каад’ютарам магістра Генрыха фон Галена. Прызначэнне ж каад’ютарам магістра Вільгельма фон Фюрстэнберга (які стаў магістрам у 1557 г.) выклікала напружанасць сярод лівонскіх эліт.

Кароль Жыгімонт Аўгуст, дзядзька арцыбіскупа, і герцаг Альбрэхт Брандэнбургскі, родны брат арцыбіскупа, распачалі свае адкрытыя акцыі супраць Ордэна ў Лівоніі. У Вялікім Княстве пад кіраўніцтвам ваяводы Троцкага Мікалая Радзівіла Рудога і старосты Жмудскага Яна

Геранімавіча Хадкевіча было мабілізаванае войска. Неспрыяльныя знешнія абставіны – трывожныя навіны з татарскага парубежжа і падазроная пазіцыя Масквы, – паўстрымалі гэтае войска ад выступлення ў паход.

Затое ў наступным 1557 г., з ініцыятывы герцага Альбрэхта і гданьскага каштальяна Косткі, сталі распрацоўвацца планы пабудовы ваеннага флоту. А ў сярэдзіне ліпеня, узяўшы пазыку ў 44 тыс. коп літоўскіх грошаў, Жыгімонт Аўгуст на чале войска ВКЛ выступіў з ваеннай маніфестацыяй з Вільні на Анікшты – да лівонскай мяжы. Войска ВКЛ у тым паходзе ацэньваецца ў 20 тыс. – такую лічбу называў кароль у лісце да герцага Альбрэхта (ліст ад 19.I.1557 [20, S. 652; 23, p. 120]). Мікалай Радзівіл Чорны пісаў да Мікалая Радзівіла Рудога, што пад лівонскай мяжою ўсвядоміў ваенную слабасць Вялікага Княства. Безумоўна, гэта паўплывала на яго антываенную палітыку адносна Масквы [24, s. 186; 42, s. 396, рг. 39]. Узбраенне войска ВКЛ таксама крытычна ацэньваў прускі пасол Брандт [20, S. 544, 554]. Да гэтых сілаў далучыліся 4 тыс. кароннай пяхоты і 2 тыс. вершнікаў пад кіраўніцтвам кароннага маршалка Яна Мялецкага.

Лівонскае войска, папоўненае наймітамі з Германіі, якіх набраў камтур Фелінскі Готгард Кетлер (Gotthard Kettler), падышло да Баўскі [41, s. 410; 42, p. 24]. Адначасова да Рагнеты¹ скіроўвалася прускае войска на чале з герцагам Альбрэхтам – каб злучыцца з сіламі Жыгімонта Аўгуста ля лівонскай мяжы пад Біржамі і Салатамі². Але перад уваходжаннем на жмудскую тэрыторыю герцаг атрымаў распараджэнне караля паўстрымацца ад пераходу мяжы. Гэта стала вынікам пасрэдніцтва імператара Фердынанда і дацкага караля [45, p. 153].

На перамовах у памежным Пасволі³ былі, нарэшце, улагоджаныя супярэчнасці паміж каралём і новым магістрам Вільгельмам фон Фюрстэнбергам – 14 верасня 1557 г. адбылося ўрачыстае падпісанне акту замірэння і паяднання (Tractatus Pacis inter Regiam Mtem Poloniae et Magistru Liuoniae de restitutione ac Rendissimi dni Archiepiscopi Rigensis [19, p. 210–221]). Фактычна ўтвараўся новы абарончы саюз ВКЛ і Лівоніі. Але поўная рэалізацыя гэтага саюзу мусіла распачацца праз 12 гадоў, таму што абодва контрагенты былі звязаныя дамовамі з самой Масквой:

¹ Прускі замак на беразе Нёману на мяжы са Жмудзю, ням. Ragnit, цяпер раённы цэнтр Неман Калініградскай вобл. Расійскай Федэрацыі.

² Saločiai Пасваліскага р-ну Панявежскага павету Літоўскай рэспублікі.

³ Сёння Pasvalys – раённы цэнтр Панявежскага павету Літоўскай рэспублікі.

ВКЛ было звязанае з ёй пяцігадовым перамір’ем, а Лівонія – 12 гадовай мірнай дамовай. У тых знешнепалітычных умовах кароль не захацеў пераўтварэння Лівоніі непасрэдна ў свайго васала [30, р. 26].

Але не ўсе, асабліва ў Польшчы, разглядалі Пасвольскую дамову як поспех. Паводле польскага гуманіста Лукаша Гурніцкага (1527–1603), які быў прыдворным Жыгімонта Аўгуста, «былі тыя, якія не ўхвалялі такога міру, паказваючы, што Кароль, меўшы такое вялікае войска і такія важныя падставы для наступу на Інфлянцкую зямлю, так проста ўсё ўпусціў» [28, s. 103]. Падобна, што на караля паўплываў Мікалай Радзівіл Чорны, які не хацеў інтэрвенцыі ў Лівонію [24, s. 186] (гл. таксама справаздачу Брандта ад 12.IV.1557 аб размове з Віленскім ваяводам [20, S. 679]). Асобна трэба адзначыць – заключэнне Пасвольскай дамовы азначала адыход Жыгімонта Аўгуста пад уплывам эліт ВКЛ ад падтрымцы праграмы герцага Альбрэхта па стварэнні дзяржавы Гогенцолернаў ад Віслы да Дзвіны ў цеснай сувязі з параднёнымі Брандэнбургам і Мекленбургам. У гэтым маштабным праекце Альбрэхт меў намер абапірацца на Рыжскае арцыбіскупства. Але Вялікае Княства ў той перыяд не захацела поўнага аслаблення Ордэнскай арганізацыі ў Лівоніі. Пашыраючы свой уплыў у Лівоніі, эліты ВКЛ перашкаджалі фармаванню з Прусіі і Лівоніі адзінай дзяржавы пад уладаю Гогенцолернаў і імкнуліся скіраваць энергічныя дзеянні Альбрэхта ў карыснае для ВКЛ рэчышча (Пасвольскую дамову менавіта як вынік зменаў у адносінах паміж ВКЛ і дынастыяй Гогенцолернаў разглядае Вігінтас Станцяліс [40, р. 285–298]).

Гісторыкі прызнаюць гэтую дамову за другі важны, пасля перамогаў над Прусіяй, этап змагання Ягелонаў за Балтыку – гэтым разам з боку ВКЛ [29, s. 198; 9, с. 109–114]. Праўда, пры гэтым забываюцца пра саюзную дамову 1501 г. паміж ВКЛ і Лівоніяй [7, с. 62–66]. Таксама спрэчным застаецца пытанне, ці сталі Пасвольскія дамовы *casus belli* для Масквы. Маскоўскія дыпламаты ў прычынах вайны ні разу не прыгадвалі гэтыя дамовы [12, с. 166–167].

Падзеі 1556–1557 гадоў, у якіх змяшаліся «аб’ектыўныя рэаліі» ды цынiчны разлік, маглі б утварыць новы этап у адносінах паміж ВКЛ і Лівоніяй. Але далей адбылося тое, што перакрыла па сваёй значнасці «Каад’ютарскую вайну» і Пасвольскую дамову, пра якія цяпер памятаюць толькі гісторыкі. Але тыя падзеі – змаганне за ўплыў над Лівоніяй і ваенная дэманстрацыя 1557 г. пад Пасволем, – пакінулі нам цікавы дакумент, які дазваляе лепш зразумець ваенна-палітычную сітуацыю ў рэгіёне Усходне-Паўднёвай Балтыі ў другой палове XVI ст.

Ваенна-мабілізацыйны патэнцыял Інфлянтаў праз прызму «*Militares Livoniensum*»

Мова ідзе пра дакумент, які мае назву «*Militares Livoniensum*» і практычна з’яўляецца рээстрам лівонскага войска пад Пасволем у 1557 г. Непасрэдна лакалізацыя складання тэксту ў дакуменце нідзе асобна не абгаворваецца, але структура актавых кніг, у якіх быў унесены тэкст, з высокай верагоднасцю дазваляюць зрабіць падобную выснову (гл. апісанне кодэксаў).

Зважаючы на агентурнае паходжанне падобных дакументаў у канцылярыі прускага герцага Альбрэхта 1552 і 1556/57 гг. (гл. ніжэй), можна выказаць меркаванне пра падобны, таксама агентурны характар атрымання Жыгімонтам Аўгустам Рээстру 1557 г. Потым тэкст быў упісаны ў актавыя кнігі канцылярыі Жыгімонта Аўгуста, прысвечаныя «лівонскаму пытанню». Такіх кніг вядома дзве: 1) «*Regum Livonicarum liber*», якая ўтрымлівае копіі актаў і карэспандэнцыю за 1556–1557 гады (захоўваецца ў Ягелонскай бібліятэцы ў Кракаве); 2) «*Akta Inflantskie za panowanie Zygmunta Augusta od 1556 do 1571*» (захоўваецца ў Бібліятэцы князёў Чартарыйскіх у Кракаве).

Дакумент створаны на лацінскай мове. Інфармацыя ў рээстры структурна арганізаваная – звесткі пра колькасць ваеннай сілы, якую выстаўляе Лівонія, пададзена паводле прававых суб’ектаў Лівонскай канфедэрацыі. Ужо ў XIII ст. Лівонія пачала афармляцца як канфедэрацыя царкоўна-феадальных дзяржаваў, якая ў XVI ст. складалася з наступных частак: уласна Лівонскага ордэна (59% усёй тэрыторыі Лівоніі), Рыжскага арцыбіскупства (16% тэрыторыі), біскупстваў Дэрпскага, Курляндскага, Эзэльскага⁴, Рэвельскага⁵ і 19 лівонскіх гарадоў, найперш – ганзейскага гораду Рыгі (25% пазасталай тэрыторыі). Ордэнскія землі былі раскінутыя па ўсяму краю, але найбольшая іх канцэнтрацыя назіралася на поўначы цяперашняй Латвіі і поўдні Эстоніі, а таксама ўздоўж правага берага Дзвіны. Увогуле Ордэн валодаў больш за палову ўсіх зямель Лівоніі. У сваіх уладаннях магістр, арцыбіскуп і біскупы былі суверэнамі, у крыніцах яны называюцца як *Landesherr*. Апроч таго, асобага статусу дамагалася Рыга, што пастаянна было падставай канфлікту гораду са сваім сеньёрам – рыжскім арцыбіскупам. Дадатковую аўтаномію гандлёвым гарадам Лівоніі (Рыга, Рэвель, Дэрпт) надавала іх

⁴ Ад нямецкай-лацінскай назвы эстонскай выспы Saaremaa.

⁵ Рэвельскі біскуп не меў тэрыторыі, дзе ён быў суверэнам, але яго імя таксама ўказвалася ў міжнародных дамовах Лівонскай канфедэрацыі.

членства ў Ганзейскім саюзе, у які Рыга ўступіла ў 1282 г. У адрозненне ад гэтых гарадоў Нарва не ўваходзіла ў Ганзейскі саюз, таму магла праводзіць самастойную гандлёвую палітыку адносна Пскова і Ноўгарада [8, с. 330].

У сваю чаргу Ордэн меў уласную рэгіянальную структуру, якая была створаная з улікам ваеннай каланізацыі набытых зямель – апорнымі пунктамі і структурнымі часткамі Ордэна былі правінцыйныя замкі, браты аднаго замку складалі канвент, сход братоў замка – капітул. Кіраўнікамі правінцыйных замкаў былі комтуры (кашталяны замкаў) і фогты (ордэнскія службоўцы, у руках якіх знаходзілася, у тым ліку, і судовая ўлада). Дзеля стварэння панарамы адносінаў паміж народамі ў нашым рэгіёне Еўропы варта адзначыць, што беларускае слова *войт* мае ў сваіх вытоках менавіта нямецкае слова – сярэдневерхнямецкае *Voget, Voit* ‘дазорца, валадар’ [16, с. 184–185]⁶.

У гэтым прысутнічае як апісанне вайсковых сілаў, якія выстаўляў Ордэн, так і аддзелаў лівонскіх біскупаў. Маецца спецыфіка ў тэрміналогіі: калі комтур вядомы паводле дакументу ў звычайнай форме – *comptor*, то фогт (войт) пазначаюцца як *audocatus*. Відавочна, тут маюцца на ўвазе судзібныя кампетэнцыя войтаў, якой яны валодалі ў адрозненні ад комтураў.

Выхад лівонскага войска на мяжу з ВКЛ летам 1557 г. і далейшая ваенная дэманстрацыя не засталіся незаўважаным тагачаснымі храністамі. Марцін Бельскі ацэньваў войска магістра ў колькасці 7000 рэйтараў, шасці аддзелаў кнехтаў, а таксама некалькі тысяч чаў апалчэнцаў [18, s. 1132]. Мацей Стрыйкоўскі [41, s. 410] указваў тую ж колькасць, толькі ўдакладняў, што апалчэнцы, нейкія «*gburzy*» былі латышамі, а таксама свае аддзелы прывялі біскупы дэрпцкі, гапсальскі (эзель-вікскі)⁷ і рэвельскі.

Тэрмін *gburzy*, які выкарыстоўваў як Бельскі, так і Стрыйкоўскі, патрабуе пэўнага тлумачэння. Этымалагічна гэты тэрмін паходзіць ад стара-верхне-нямецкага *giburo* і ў XV–XIX стст. пазначаў на Памор’і гаспадара, заможнага селяніна, уласніка вялікай гаспадаркі, так званнага *gburstwa* – ад аднаго да двух ланаў (старопольскі лан = 1 літоўская

⁶ Меркавання пра непасрэднае запазычанне выказвае Аркадзь Жураўскі [4, с. 61]. Найбольш жа пашыранае меркаванне пра запазычанасць з польскага *wójt*, якое, у сваю чаргу, ужо паходзіць ад с.-в.-ням. *Voget, Voit* (гл. [34, S. 393; 13, с. 335; 31, S. 115; 1, с. 67]).

⁷ Горад і замак Гапсаль (эст. *Naapsalu*, швед., нем. *Napsal*) на паўночным-захадзе Эстоніі – галоўная рэзідэнцыя эзель-вікскага біскупа, таму часам гэтае біскупства пазначалася як Гапсальскае.

валока = 30 моргаў). У большасці сваёй гэтыя сяляне былі вольнымі. Са стара-верхне-нямецкага тэрмін патрапіў у кашубскую мову ў форме *gbür* і ўжываўся адносна фермераў. У польскай жа мове ад XIX ст. гэты тэрмін набыў пеяратыўнае значэнне, а ў даўнейшыя меў яшчэ значэнне «прастак» [38, s. 138]. Такім чынам, Стрыйкоўскі, ужываючы тэрмін *gburzu* меў на ўвазе апалчэнцаў з простых станаў, ніжэйшых саслоўяў.

Між тым паведамленні пра колькасць рэйтараў у лівонскім войску выклікала сумневы ў гістарыяграфіі. Расійскія гісторыкі В. Папоў і А. Філюшкін мяркуюць, што гэтыя лічбы перабольшаныя: «Калі б Фюрстэнберг меў такое войска, то ён цалкам мог бы абараніць Лівонію ад польска-літоўскага ўварвання» [12, с. 158]. Асноўнымі лівонскімі сіламі ўважаецца невялікі аддзел нямецкіх наймітаў у раёне Баўскі, набраных Готардам Кетлерам.

Рэстр «*Militares Livoniensum*» дае нам вельмі важную інфармацыю да разумення ваеннага патэнцыялу Лівоніі на зыходзе яе суверэнітэту. Гэтая крыніца сведчыць пра колькасць рэйтараў, якіх выстаўляла Лівонская канфедэрацыя – 5200. З іх 1700 вершнікаў выстаўлялі арцыбіскуп Рыжскі і іншыя лівонскія біскупы (33%). Звесткі актавай крыніцы карэлююцца з паведамленнямі тагачасных наратыўных крыніц (Бельскі і Стрыйкоўскі), які называлі лічбу ў 7000 рэйтараў, не ўлічваючы пешых кнехтаў і апалчэнцаў з Латвіі. У Рэстры «*Militares Livoniensum*» маецца падказка, хто мог выстаўляць гэтых кнехтаў: «Калі толькі не гэтыя два гарады, Рэвель і Дэрпт, прымаюць ваяроў-пілігрымаў, бо, ([як] іншыя гарады), не могуць падтрымліваць са свайго ўласнага народу». Зыходзячы з тэкстаў гэтай дакументальнай, а таксама наратыўных (хранікарных) крыніц, мы можам дапусціць, што кнехты былі найманы гарадамі Рэвелем і Дэрптам.

Звяртае на сябе таксама наяўнасць у рэстры ваенных сілаў Рыжскага арцыбіскупства. Нагадаем, што арцыбіскуп Вільгельм і яго каад'ютар Крыштаф былі паланеныя сіламі Ордэна яшчэ ўлетку 1556 г. У такім разе робіцца відавочным, што пасля ізаляцыі кіраўнікоў арцыбіскупства, Ордэн здолеў кантраляваць арганізацыйныя структуры Рыжскага арцыбіскупства і мабілізаваць яго ваенны патэнцыял.

Яшчэ адзін сюжэт, які ўзнікае пры аналізе дакументацыі па мілітарным сілам Лівоніі – гэта вайскова-ўліковая тэрміналогія. У дадзеным выпадку мова ідзе пра значэнне тэрміна «конь» – «equo»/«Pferd» (лац./ням.). Менавіта ў «канях» вымяраецца асноўны вайсковы патэнцыял канфедэрацыі, які выстаўлялі магістр, комтуры, фогты, арцыбіскуп і біскупы.

Паводле аналогіі мы можам прыгадаць, што і ў шляхецкім войску Вялікага Княства Літоўскага XVI ст., паводле Попісу войска 1528 г., «конь» быў вайскова-ўліковай адзінкай [11, с. 47–172], якая, падобна, адпавядала рыцарскаму «кап’ю» – баявой адзінцы ў Заходняй Еўропе. Уліковы «конь» складаўся ўласна з узброенага вершніка на кані, зменнага каня (коней) і пяхотнага суправаджэння – збраяноса і пахолка (служы) ці пахолкаў. Таксама паняцце «конь» стала ўмоўнай адзінкай зямлі з сялянамі, з якой шляхта і іншае ваенна-служылае насельніцтва ВКЛ павінны былі выстаўляць у войска аднаго вершніка: адзін «конь» ставіўся з 5 вакаў [2, с. 243; 3, с. 69].

Звесткі Рээстра «*Militares Livoniensum*» і падобных яму крыніц пакуль не дазваляюць адказаць на пытанне, як выглядала структура лівонскага «*equo*»/«*Pferd*». Адзінае можна заўважыць, што ўзброены вершнік напэўна меў пешае суправаджэнне.

Звяртаючыся да праблемы колькасці лівонскага войска пад Пасволем, трэба прыгадаць, што яшчэ ў 1932 г. у Цюрынгскім універсітэце ў Ене была абароненая доктарская дысертацыя Аляксандра Зенінга «Паведамленні пра арганізацыю войска і кіраванне вайной у Старой Лівоніі ў момант яе падзення» [37]. Аднак аўтар гэтай працы не займаўся пытаннямі вайсковай статыстыкі, а скіраваў сваю ўвагу менавіта на розныя арганізацыйныя аспекты вайсковай дзейнасці Лівоніі ў перыяд пачатку Лівонскай вайны.

Але ў 1963 г. іншы нямецкі даследчык Фрыдрых Бенінгхофен (1925–2014) апублікаваў вынікі свайго аналізу матэрыялаў, якія былі выяўлены ў таемных пасланнях з Лівоніі да прускага герцага Альбрэхта 1552 і 1556/1557 гг. Самі гэтыя матэрыялы з XVI ст. захоўваліся ў Кёнігсбергскім Таемным Архіве, але ўжо ў часы Другой сусветнай вайны былі перамяшчаныя ў глыб Германіі, а ад 1953 г. захоўваліся ў Гёттынгене (Göttingen Staatliches Archivlager Preussischer Kulturbesitz) [5, с. 155], дзе з імі змог папрацаваць Бенінгхофен. У нашыя часы фонды былога Кёнігсбергскага архіву захоўваюцца ў Берліне.

У пасланні 1552 г. [25, К. 611] указваліся наступныя лічбы: Ордэн – 3000 вершнікаў; арцыбіскупства і біскупствы – 2000 вершнікаў; гарады Рыга, Рэвель, Дорпат – 2000 пешых. Як бачым, гэта вельмі абагульненыя лічбы, з круглымі лікамі. Разам колькасць войска Лівонскай канфедэрацыі, паводле дакументу, складае 7000 ваяроў, з іх 5000 – конных.

Наступнае пасланне 1556/1557 гг. [26, К. 616] паводле словаў самога Фрыдрыха Бенінгхофена [17, S. 604], больш кароткае, але адначасова «больш змястоўнае і дакладнае» для нашай тэмы. Гэтае сакрэтнае

пасланне дае больш падрабязную раскладку мілітарнага патэнцыялу Лівонскай канфедэрацыі з улікам яе структурных частак. Выніковая стацьтыка наступная: 4880 вершнікаў, 500 пешых.

Трэба ўлічваць, што ў дакуменце 1557 г., як 1552 і 1557/1558 гг., гаворка ідзе пра, як адзначае крыніца, «добра падрыхтаваных» ваяроў. Гэтую колькасць у 1557 г. – 5200 вершнікаў, – можна лічыць даволі добрай ваеннай сілай для таго часу.

ПУБЛІКАЦЫЯ КРЫНІЦЫ

Правілы публікацыі і кароткі палеаграфічны каментар

Пры публікацыі дакументу выкарыстаны метадычныя рэкамендацыі, распрацаваныя Алесем Жлутка [10]. У аснову перадачы тэксту пакладзены прынцып палітарнай яго перадачы. Такім чынам, тэкст публікуецца без купюраў і адвольных дапаўненняў, арфаграфія тэксту захоўваецца, словы не скарачаюцца. Усе наяўныя ў тэксце скарачэнні раскрываюцца. Гэтыя скарачэнні вельмі стандартныя для лацінскай мовы і таму спецыяльна не пазначаюцца ў публікацыі. Гэтыя выпадкі тычацца: канчаткаў прыметнікаў адміністратыўна-геаграфічнай прыналежнасці (**Curanien'** = **Curanien(sis)**); злучнікаў (**cu'** = **cu(m)**). Скарачэнні пазначаюцца ў тэксце арыгінала знакам, падобным на апостраф. Асобна трэба сказаць пра скарачэнні словаў **Archiepiscopatus** і **Episcopatus**, якія перадаюцца ў скарачэнным варыянце перадаюцца як **Archiepatus** і **Epus**. Знакам скарачэння ў такіх выпадках выступае вынасная хвалістая лінія, падобная на цітлы ў кірылічных тэкстах. У асобных, спрэчных выпадках скарачэнні змешчаны ў круглыя дужкі: **Schru(er)n**.

Апроч таго, у тэксце выкарыстоўваюцца іншыя надрадкавыя знакі: над злучнікам **a** прастаўляецца знак даўжыні ў выглядзе кропкі; маецца адзін выпадак ужывання знака кароткасці галоснага – **Rüigen** (гэта зроблена, відавочна, каб падкрэсліць наяўнасць літары **u**, якая ў напісанні падобная на **n**). Канец радка ў публікацыі пазначаны адной вертыкальнай рыскай |, канец аркуша – дзвюма рыскамі ||. Захаваная арыгінальная нумарацыя аркушаў (фаліяцыя). Пазначаныя ў кодексе нумары аркушаў прыводзяцца курсівам: *Fol. 71*; адвароты аркушаў (*verso*), не пазначаныя ў кодексе, заключаюцца ў квадратныя дужкі: [*Fol. 71 v.*].

Дакумент мае спецыфічную сістэму пазначэння лічбаў. Выкарыстоўваецца як напісанне словамі (напр., **centum**), так і стандартныя рымскія

лічбы, пры гэтым часам лічба з двух бакоў пазначаецца кропкамі (.V.); для пазначэння лічбы «4» выкарыстоўваецца чатыры вертыкальных рыскі (адзінкі): IIII. Найбольш адметнай з’яўляецца сістэма перадачы лікаў праз арабскія лічбы – лік «50» перадаецца як ½ сотні. Цэлыя сотні пры гэтым пазначаюцца цэлай адзінкай перад паловай сотні. Такім чынам, па ўсяму тэксту выкарыстання наступныя пазначэнні лікаў: 1½00 = 150; 2½00 = 250.

Асобную заўвагі заслугоўвае пунктуацыя тэксту. Яна больш падрабязная ў спісе з Бібліятэкі Чартарыйскіх (спіс С) і часам гэта мае сэнсавызначальнае значэнне пры перакладзе тэксту на беларускую мову. Таму адрозненні пунктуацыі пазначаюцца.

Пазначаны ўсе розначытанні ў двух спісаў дакументу. У сувязі з насьцяганасцю інфармацыі ў спасылках пры публікацыі арыгінальнага тэксту, было вырашана гісторыка-геаграфічныя каментары рабіць у перакладзе тэксту.

[1557 верасень. – Пасволь/Pasvalys]

*Рээстр лівонскага войска*⁸

Ар.: – Коп.: В) *Кракаў, Biblioteka Jagiellońska, Oddział Rękopisów, BJ 58, Fol. 71–72 v. (Папяровы зборнік XVI ст. «Rerum Livonicarum liber», continens acta a. 1556–1557); С) Кракаў, Biblioteka Czartoryskich, Rpis 302 IV, k. 179 / s. 355 – k. 180 v. / s. 358 (Akta Inflantskie za panowanie Zygmunta Augusta od 1556 do 1571).*

Тэкст паводле В
Fol. 71

Copiae militares Livoniensium | in terra Curawiensi⁹ |

Grebbin domus exigua,¹⁰ duodecim milliaria a terris Prussiae | distans, equos suggerit triginta¹¹. |

⁸ Аўтар выказвае шчырую падзяку за кансультацыі пад час падрыхтоўкі дакумента да публікацыі свайму калегу Алесю Жлутку.

⁹ В. Cz.: загаловак «MILITARES LIUONIENSIUM». «In terra Curanien(si)» вынесена ў асноўны тэкст.

¹⁰ Коска паводле В. Cz.

¹¹ В. Cz.: у канцы радка дапісана лічбай 30.

Comptor Vyndouiensis¹² |

Wyndow domus ad mare sita, quo et naves appellant, cum | subditis expedit equos triginta. || [Fol. 71 v.]

Comptor Boldingensis¹³ |

Durbben¹⁴ distat miliaria .VI.¹⁵ a Grubbin. |

Hasenpot milliaris¹⁶ III¹⁷ a Durben, nemo his duabus domibus in|habitat. Goldingen¹⁸ Arx praestantior terrae Curaniensis, milliaris¹⁹ | III²⁰ ab Alschwangen. Zabel²¹, in hac domo nemo habitat. |

Schrund(en) ad fluvium Window²² domus mediocriter munita, distat | milliaris²³ .V.²⁴ a Goldingen, cum | nobilitate equos praestat 250. |

Advocatus in Ca(n)dow²⁵ |

Candow cum suis subditis equos 150 praestat. |

Comptor Dublensis²⁶ |

Dublen attingit fines Lithuanorum²⁷ cum nobilitate equos | 150. Nienburgk equos 10. |

Capitaneus in Mitow. Marsalco | generalis²⁸
iste Capit(aneatus)²⁹ pertinet. |

Attingit fines Lithuanorum³⁰ cum nobilitate equos | dat centum³¹. |

¹² B. Cz.: паўсюль пасля загалоўкаў прастаўлены кронкі.

¹³ B. Cz.: Boldingen(sis).

¹⁴ B. Cz.: Durben.

¹⁵ B. Cz.: sex.

¹⁶ B. Cz.: miliaria.

¹⁷ B. Cz.: 4.

¹⁸ B. Cz.: коска.

¹⁹ B. Cz.: miliaria.

²⁰ B. Cz.: 4.

²¹ B. Cz.: коска.

²² B. Cz.: ad fluvium Window *вылучана коскамі.*

²³ B. Cz.: miliaria.

²⁴ B. Cz.: 5.

²⁵ B. Cz.: Candow.

²⁶ B. Cz.: Dublen(sis).

²⁷ B. Cz.: Lituanorum.

²⁸ B. Cz.: g(e)n(er)ali.

²⁹ B. Cz.: Capitaneatus.

³⁰ B. Cz.: Lituanoru(m),.

³¹ B. Cz.: 100.

Advocatus Powschensis³² |

Powsche domus mediocriter munita fines Lithuanorum³³ | attingit³⁴ cum Nobilitate dat equos 130. |

Ascherade domus mediocriter munita ad Dunam sita³⁵ cum | nobilitate dat equos 70. |

Advocatus Selburgensis |

Selburgk³⁶ ad Dunam sita,³⁷ fines Lithuanorum³⁸ attingit, dat | equos expeditos triginta³⁹. || *Fol. 72* |

Comptor Duneburgensis⁴⁰ |

Duneburgk⁴¹ finibus Lithuanorum⁴² adiacens, cum nobilitate equos dat 250. |

Advocatus Rositensis⁴³ |

Rositen finibus adiacet Polletschi⁴⁴. |

Ludtzen equos habet cum nobilitate 250. |

Comptor Marienburgensis⁴⁵ |

Adsel, Marienburgk⁴⁶ a Wenden distat⁴⁷ 20 miliaria, atque | fines Russorum attingit⁴⁸ cum nobilitate equos dat 150. |

Wenden |

Dominus magister cum curia sua equos 300. |

³² *B. Cz.: Powschen(sis).*

³³ *B. Cz.: Litanoru(m).*

³⁴ *B. Cz.: коска.*

³⁵ *B. Cz.: коска.*

³⁶ *B. Cz.: Selburg.*

³⁷ *B. Cz.: коска адсутнічае.*

³⁸ *B. Cz.: Litanoru(m).*

³⁹ *B. Cz.: 30.*

⁴⁰ *B. Cz.: Duneburgen(sis).*

⁴¹ *B. Cz.: Duneburg.*

⁴² *B. Cz.: Litanoru(m).*

⁴³ *B. Cz.: Rositten(sis).*

⁴⁴ *B. Cz.: Polotschi.*

⁴⁵ *B. Cz.: Marienburgen(sis).*

⁴⁶ *B. Cz.: Marienburg.*

⁴⁷ *B. Cz.: distat a Wenden.*

⁴⁸ *B. Cz.: (знак скарачэння).*

Trikaten, Wolmarn opidum⁴⁹ et arx parva in eo. |
 Burtnick, Rügen⁵⁰, Ermes. |
 Karchs,⁵¹ et Helmede dant magistro⁵² equos 150. |

Comptor Vellinensis⁵³ |

Vellin civitas et arx, sub se habet Anerpal, Tarvest, Laicz⁵⁴, | cum nobilitate equos habet 300. |

Advocatus Jervensis |

Wittenschein⁵⁵ cum nobilitate dat equos 150. |

Advocatus Wesenbergensis⁵⁶. |

Wesenbergk⁵⁷ cum districtu equos 300. |

Comptor Revalensis. |

Revel civitas et arx cum nobilitate equos dat 150. |

Advocatus Narwensis⁵⁸. |

Narve⁵⁹ Civitas et arx cum nobilitate simul dat equos 150. || [*Fol. 72 v.*] |

Advocatus Zolsburgensis. |

Zolsburgk⁶⁰ cum nobilitate equos octuaginta⁶¹. |

Advocatus Nienslattensis. |

Niensslate⁶² equos habet 20. |

⁴⁹ *B. Cz.*: oppidu(m),.

⁵⁰ *B. Cz.*: Ruigen.

⁵¹ *B. Cz.*: *коска адсутнічае.*

⁵² *B. Cz.*: mag(ist)ro.

⁵³ *B. Cz.*: Vellinen(sis).

⁵⁴ *B. Cz.*: Laits.

⁵⁵ *B. Cz.*: Wittenstein.

⁵⁶ *B. Cz.*: Veschenbergen(sis).

⁵⁷ *B. Cz.*: Veschenbergk.

⁵⁸ *B. Cz.*: Narven(sis).

⁵⁹ *B. Cz.*: Narvae.

⁶⁰ *B. Cz.*: Zolsburg.

⁶¹ *B. Cz.*: 80.

⁶² *B. Cz.*: Nieslate.

Advocatus Pernawiensis⁶³ |

Pernow⁶⁴ civitas et castrum⁶⁵ dat equos cum nobilitate 60. |

Advocatus Suneburgensis |

Suneburg iacet ad Osel, cum⁶⁶ nobilitate 150 equos. |

Segewalde, Nitow, Sthugen, Jurgensburgk⁶⁷, | Lemburgk⁶⁸, equos 60. |

Dunemundesis bene⁶⁹ munita domus. |

Neuenmulen et Rodenpeis, arx Riga, Kerchelm equos 30. |

Archiep(iscop)atus Rigensis⁷⁰ |

Sexcentos equos bene⁷¹ expeditos. |

Runeburgk⁷², Salis, Kakenhusen, Treden, Bebal, Lembsel, | Seswegen, Lodun, Marienhausen, Swanburgk⁷³, Smilten, | Creuczburg⁷⁴, Lennewerde, Uikel⁷⁵, Serben. |

Darbet Episcopatus⁷⁶ |

Equos dat 700. Civitas Darbt et castrum, Kyrgenpe⁷⁷, Ni|enhusen, Aldenthorn, Werbeck, Valckona. |

Ep(iscopat)us Curlaviensis et Oselensis |

Hi duo ep(iscop)atus dant equos 400. Pilten, Dondangen, | Nienhus, Arnssburgk⁷⁸, Hapsel, Lode. |

⁶³ B. Cz.: Pernavien(sis).

⁶⁴ B. Cz.: Pernaw.

⁶⁵ B. Cz.: castru(m).

⁶⁶ B. Cz.: cu(m).

⁶⁷ B. Cz.: Jurgensburg.

⁶⁸ B. Cz.: Lemburg.

⁶⁹ Над ь прастаўлена кропка: ь.

⁷⁰ B. Cz.: *напісана ў адзін радок*: Archiep(iscop)atus Rigen(sis) 600 equos b(e)n(e) expeditos.

⁷¹ Над ь прастаўлена кропка: ь.

⁷² B. Cz.: Runeburg.

⁷³ B. Cz.: Swanburg.

⁷⁴ B. Cz.: Creutzburg.

⁷⁵ B. Cz.: Uxkol.

⁷⁶ B. Cz.: Darbett episcopatus.

⁷⁷ B. Cz.: Kirpenge.

⁷⁸ B. Cz.: Arusberg.

Civitates nisi istae duae Revel et Darbt peregrinos⁷⁹ milites | suscipiunt, de proprio illorum⁸⁰ populo | suppeditare, aut ex Civita[tibus suis mittere non | possunt. |

Summa⁸¹ omnium equorum 5200. |

Апісанне кодэксу В (ВJ 58):

Вокладка кодэксу скураная, ціснёная пазалочанай фарбай. Захаваліся сляды ад дзвюх зашпілек. На пярэдняй вокладцы ў цэнтры – герб «Арол» (польскі) з манаграмай Жыгімонта Аўгуста (S. A.) на грудзі; на апошняй – «Пагоня».

Кодэкс XVI ст. «Regum Livonicarum liber» утрымлівае акты 1556–1557 гг. Лівонскія акты адносяцца да «Пасвольскай выправы» 1557 г. [46, s. 19].

Папера ў аркуш. 227 аркушаў і 7 пустых на пачатку і на канцы. Памеры аркушаў: 20,5 x 31 см. Філіграні на аркушах: «Сякера ў тарчы пад каронай» (блізкія варыянты датуюцца 1541–1584 гг. [32, p. 228, Nr. 1655–1669] і 1581–1586 гг. [15, с. 248–249, № 633–638]).

Загалоўкі раздзелаў выкананы чырвоным атрамантам; асноўны тэкст – цёмна-карычневым атрамантам.

Апісанне кодэксу С (В. Cz., Rpis 302 IV)

Кодэкс XVI ст. «Akta Inflantskie za panowanie Zygmunta Augusta od 1556 do 1571». 724 аркушы (паўаркушы) + 25 с. рэгістра XIX ст. (рукапіс паходзіць з калекцыі Тадэўша Чацкага, апрацаваны Лукашам Галенбёўскім – з укладаннем зместу на асобных старонках, размешчаных ад пачатку кнігі).

Аркушы 29 x 20 см. Старонкі кодэкса маюць падвоеную нумарацыю – фаліяцыю і пагінацыю. Першапачатковая нумарацыя (аркушы – karty) нанесеная справа ўверсе аркуша атрамантам; новая нумарацыя (старонкі) нанесена ніжэй простым алоўкам.

⁷⁹ B. Cz.: Civitates, Revel, et Darbt, nisi istae duae peregrin[os].

⁸⁰ B. Cz.: illoru(m).

⁸¹ B. Cz.: Sum(m)a.

ПЕРАКЛАД

Fol. 71

Лівонскія ваенныя сілы ў зямлі Куронскай⁸²

Гробін⁸³ – невялікая рэзідэнцыя, на адлегласці дванаццаці міль ад зямлі Прускай, пастаўляе трыццаць коней.

Комтур Віндаўскі⁸⁴

Віндаў – рэзідэнцыя, размешчаная каля мора, у якой таксама прычальваюць караблі, выстаўляе разам для паходу трыццаць коней. || [Fol. 71 v.]

Комтур Болдынгенскі (Голдынгенскі)⁸⁵

Дурбэн⁸⁶ знаходзіцца за 6 міляў ад Гробіна.

Газэнпот⁸⁷ за 4 мілі ад Дурбэна, ніхто не жыве ў абодвух гэтых рэзідэнцыях. Голдынген – выдатны замак Куронскай зямлі, за 4 мілі ад Альшвангена (Ашвангена)⁸⁸. Цабель⁸⁹ – ніхто не жыве ў гэтым уладанні.

Шрундэн⁹⁰, на рацэ Віндаве⁹¹, сярэдне ўмацаваны, знаходзіцца за 5 міляў ад Гольдынгена, з коньмі высакародных (дваранства) выстаўляе 250 (коней).

Войт у Кандаве⁹²

Кандаў з яго падданымі выстаўляе 150 коней.

Комтур Дубленскі (Добленскі)⁹³

Доблен прымыкае да рубяжоў літвінаў; з дваранствам [выстаўляе] 150 коней. Нойенбург⁹⁴ – 10 коней.

⁸² Куронія/Курляндзя – захад Латвіі: ням. Kurland, латыш. Kurzeme.

⁸³ Войтаўства Гробін: ням. Grobin, латыш. Grobiņa.

⁸⁴ Комтурства Віндаўскае: ням. Windau, латыш. Ventspils.

⁸⁵ Комтурства Голдынгскае, у крыніцы выкарыстоўваецца найперш форма Болдынгскае: ням. Goldingenn, латыш. Kuldīga.

⁸⁶ Дурбэн – ордэнскі замак: ням. Durben, латыш. Durbe.

⁸⁷ Газэнпот – горад, замак Курляндскага біскупа і ордэнскі замак: ням. Hasenpot, латыш. Aizpute.

⁸⁸ Ашванген – ордэнскі замак: ням. Aschwangen, латыш. Alsunga.

⁸⁹ Цабільн – ордэнскі замак: ням. Zabeln, латыш. Sabile.

⁹⁰ Шрундэн – ордэнскі замак: ням. Schrunden, латыш. Skrunda.

⁹¹ Віндава – рака: ням. Windawa, Windau, латыш. Venta.

⁹² Войтаўства Кандаўскае: ням. Kandau, латыш. Kandava.

⁹³ Комтурства Добленскае: ням. Doblén, латыш. Dobele.

⁹⁴ Нойенбург – ордэнскі замак: ням. Neuenburg, латыш. Jaunpils.

**Капітан у Мітаве⁹⁵. Маршал генеральны (ландмаршал)
з'яўляецца гэтым капітанам**

Прымыкаючы да рубяжоў літвінаў, з дваранствам дае сто коней.

Войт Поўшенскі (Баўскі?)⁹⁶

Поўшэ (Баўска?), рэзідэнцыя памяркоўна моцная, прымыкае да рубяжоў літвінаў, з дваранствам дае 130 коней.

Ашэрадэн⁹⁷, уладанне ўмерана моцнае, знаходзіцца на Даўгаве (Дзвіне), з дваранствам дае 70 коней.

Войт Зельбургскі⁹⁸

Зельбург знаходзіцца на Даўгаве (Дзвіна), прымыкае да рубяжоў літвінаў, дае трыццаць коней з рыштункам. || *Fol.* 72

Комтур Дынабургскі⁹⁹

Дынабург ляжыць пры рубяжах літвінаў, з дваранствам дае 250 коней.

Войт Рэжыцкі¹⁰⁰

Рэжыца ляжыць пры полацкіх рубяжах.

Люцын¹⁰¹ з дваранствам мае 250 коней.

Комтур Марыенбургскі¹⁰²

Адзэль¹⁰³, Марыенбург знаходзяцца за 20 міляў ад Вендэна¹⁰⁴, а таксама прымыкаюць да расійскіх рубяжоў, з дваранствам дае 150 коней.

⁹⁵ Комтурства Мітаўскае, з 1497 г. – капітанства: ням. Mitau, латыш. Jelgava.

⁹⁶ Існуюць праблемы з геаграфічна-тапанімічнай лакалізацыяй войтаўства Powsche – паводле наяўных крыніцаў такі пункт не выяўлены. Але паводле геаграфічнага размяшчэння – на мяжы з ВКЛ і на ўсход ад Куроніі, а таксама паводле адміністрацыйнага статусу – войтаўства, найбольш лагічным гэта магла быць Баўска: ням. Bauske, латыш. Bauska. Гэтай версіі спрыяе і стара-беларуская форма тапоніма: Бовьскъ, які мог трансфармавацца з Powsche.

⁹⁷ Замкавае комтурства Ашэрадэн: ням. Ascheraden, латыш. Aizkraukle. У XIII–XV стст. існавала як самастойнае комтурства, з 1519 г. вядомае як замкавае комтурства (гл.: [35, s. 110]).

⁹⁸ Комтурства Зельбургскае: ням. Selburg, латыш. Sēlpils.

⁹⁹ Комтурства Дынабургскае: ням. Dünaburg, латыш. Daugavpils.

¹⁰⁰ Войтаўства Рэжыцкае: ням. Rositten, латыш. Rēzekne.

¹⁰¹ Люцын – ордэнскі замак: ням. Ludsen, латыш. Ludza.

¹⁰² Комтурства Марыенбургскае: ням. Marienburg, латыш. Alūksne.

¹⁰³ Адзэль – ордэнскі замак: ням. Adsel, латыш. Gaujiena.

¹⁰⁴ Вендэн – горад, комтурства і войтаўства: ням. Wenden, латыш. Cēsis.

Вендэн

Пан магістр са сваім дваром – 300 коней.

Трыкатэн¹⁰⁵, Вольмар¹⁰⁶ – горад і невялікі замак у ім.

Буртнэк¹⁰⁷, Руен¹⁰⁸, Эрмес¹⁰⁹.

Каркус¹¹⁰ і Гельмет¹¹¹ даюць магістру 150 коней.

Комтур Фэлінскі¹¹²

Фэлін, горад і замак, пры ім маюцца Оберпален¹¹³, Тарваст¹¹⁴, Ляйс¹¹⁵ з дваранствам маюць 300 коней.

Войт Ервеньскі¹¹⁶

Вайсенштайн¹¹⁷ з дваранамі дае 150 коней.

Войт Везэнбергскі¹¹⁸

Везэнберг з акругаю – 300 коней.

Комтур Рэвельскі¹¹⁹

Рэвель, горад і замак, з дваранствам дае 150 коней.

Войт Нарвенскі¹²⁰

Нарва, горад і замак, з дваранствам разам дае 150 коней. || [*Fol.* 72 v.]

Войт Толсбургскі¹²¹

Тольсбург з дваранамі – 80 коней.

¹⁰⁵ Трыкатэн – ордэнскі замак: ням. Trikatēn, латыш. Trikāta.

¹⁰⁶ Вольмар – горад, ордэнскі замак: ням. Wolmar, латыш. Valmiera.

¹⁰⁷ Буртнэк – ордэнскі замак: ням. Burtneck, латыш. Burtnieki.

¹⁰⁸ Руен – ордэнскі замак: ням. Rujen, латыш. Rūjiena.

¹⁰⁹ Эрмес – ордэнскі замак: ням. Ermes, латыш. Ērgeme.

¹¹⁰ Войтаўства Каркус: ням. Karkus, эст. Karksi.

¹¹¹ Гельмет – ордэнскі замак: ням. Helmet, эст. Helme.

¹¹² Войтаўства Фэлінскае: ням. Fellin, эст. Viljandi.

¹¹³ Войтаўства Оберпаленскае (у XVI ст. войты не фіксуюцца, гл. [35, s. 116]): ням. Oberpahlen, эст. Põltsamaa.

¹¹⁴ Тарваст – ордэнскі замак: ням. Tarwast, эст. Tarvastu, ст.-бел. Тавьрусь.

¹¹⁵ Ляйс – ордэнскі замак: ням. Lais, эст. Laiuse.

¹¹⁶ Ервень – рэгіён: ням. Jerwen, эст. Järva Maakond, ст.-бел. Ерунь.

¹¹⁷ Вайсенштайн – горад, войтаўскі замак, цэнтр рэгіёна Ервень: ням. Weissenstein, эст. Paide, ст.-бел. Белый Камень.

¹¹⁸ Везэнберг – горад, войтаўскі замак: ням. Wesenberg, эст. Rakvere.

¹¹⁹ Рэвель – горад, замак комтура: ням. Reval, эст. Tallinn.

¹²⁰ Нарва – горад, замак войта: ням. Narwa, эст. Narva.

¹²¹ Тольсбург – замак войта: ням. Tolsburg (Zolsburg), эст. Toolse.

Войт Нойшлѣскі¹²²

Нойшлѣс мае 20 коней.

Войт Пернаўскі¹²³

Пернаў, горад і замак, з дваранамі дае 60 коней.

Войт Зонебургскі¹²⁴

Зонебург ляжыць на (выспе) Эзель¹²⁵, з дваранствам (дае) 150 коней.

[Комтур Зэгевольдскі]¹²⁶

Зэгевольде¹²⁷, Нітаў¹²⁸, Шуен¹²⁹, Юргенсбург¹³⁰, Лембург¹³¹ – 60 коней.

[Комтур Дзюнамондскі]¹³²

Дзюнамондэ¹³³ – добра ўмацаванае ўладанне.

[Комтур Рыжскі]¹³⁴

Нойрмюлен¹³⁵ і Родэнпойс¹³⁶, Рыжскі замак¹³⁷, Кірхгольм¹³⁸ – 30 коней.

Арцыбіскупства Рыжскае

Шэсцьсот коней, добра падрыхтаваных.

¹²² Нойшлѣс – замак войта: ням. Neuschloss (Niensslate), эст. Vasknarva.

¹²³ Пернаў – горад, порт, замак комтура: ням. Pernau, эст. Pärnu. Пернаў вядомы па дакументах як цэнтр комтурства, а не войтаўства, гл. [35, s. 116].

¹²⁴ Зонебург – замак войта: ням. Soneburg (Suneburg), эст. Maasi.

¹²⁵ Эзель – выспа: ням. Ösel, эст. Saaremaa.

¹²⁶ Загалавак уведзены пры публікацыі, каб падзяліць інфармацыю, якая адносіцца да розных адміністраўна-тэрытарыяльных адзінак Ордэна ў Лівоніі.

¹²⁷ Зэгевольде – замак комтура: ням. Segewolde (Segewalde), латыш. Sigulda.

¹²⁸ Нітаў – ордэнскі замак: : ням. Nitau (Nitow), латыш. Nītaure.

¹²⁹ Шуен – ордэнскі замак: : ням. Schujen (Sthugen), латыш. Skujene.

¹³⁰ Юргенсбург – ордэнскі замак: : ням. Jürgensburg (Jurgensburgk), латыш. Zaube.

¹³¹ Лембург – ордэнскі замак: : ням. Lemburg, латыш. Mālpils.

¹³² Загалавак уведзены пры публікацыі.

¹³³ Дзюнамондэ – замак комтура: ням. Dünamünde, латыш. Daugavgrīva, ст.-бел. Дынамондэ.

¹³⁴ Загалавак уведзены пры публікацыі.

¹³⁵ Нойрмюлен – ордэнскі замак: ням. Neuemühlen (Neuenmulen), латыш. Ādaži.

¹³⁶ Родэнпойс – ордэнскі замак: ням. Rodenpois (Rodenpeis), латыш. Ropaži.

¹³⁷ Рыга – горад, метраполіс Лівоніі: ням. Riga, латыш. Rīga. Апроч рэзідэнцый арцыбіскупа і магістра, тут дзейнічалі структуры курыі і Ордэна, у тым ліку і комтураў Рыгі і Рыжскага замка.

¹³⁸ Родэнпойс – ордэнскі замак: ням. Kirchholm (Kerchelm), латыш. Salaspils.

Роненбург¹³⁹, Заліс¹⁴⁰, Кокенгузэн¹⁴¹, Трайдэн¹⁴², Бэбаль¹⁴³, Лемзаль¹⁴⁴, Зэсвеген¹⁴⁵, Ляўдон¹⁴⁶, Марыенгаўзэн¹⁴⁷, Шванэбург¹⁴⁸, Смільтэн¹⁴⁹, Кройцбург¹⁵⁰, Леневардэн¹⁵¹, Юкскюль¹⁵², Зэрбен¹⁵³.

Дэрпцкае¹⁵⁴ біскупства

Дае 700 коней. Горад Дэрпт і замак Кірумпё¹⁵⁵, Нойгаўзэн¹⁵⁶, Ольдэн-торн¹⁵⁷, Варнбэк¹⁵⁸, Фалькенаў¹⁵⁹.

¹³⁹ Роненбург – горад, замак арцыбіскупа: ням. Ronneburg (Runeburgk), латыш. Rauna, ст.-бел. Рунемьборкъ, Руненьборкъ.

¹⁴⁰ Заліс – порт, замак рыжскага арцыбіскупа: ням. Salis, латыш. Salacgrīva.

¹⁴¹ Кокенгузэн – горад, замак рыжскага арцыбіскупа: ням. Kokenhusen (лац. – Kukuensis, Kukuenoys, Kakenhusen), латыш. Koknese, ст.-бел. Коконьгавьзень, Куконос.

¹⁴² Трайдэн – замак рыжскага арцыбіскупа: ням. Treiden (Treden), латыш. Turaida.

¹⁴³ Бэбаль – не ідэнтыфікавана; магчыма, Набэн – замак рыжскага арцыбіскупа: ням. Nabben, латыш. Nabe.

¹⁴⁴ Лемзаль – горад, замак рыжскага арцыбіскупа: ням. Lemsal (Lembsel), латыш. Limbaži.

¹⁴⁵ Зэсвеген – замак рыжскага арцыбіскупа: ням. Sesswegen (Seswegen), латыш. Cesvaine.

¹⁴⁶ Ляўдон – замак рыжскага арцыбіскупа: ням. Laudohn (Lodun), латыш. Ļaudona, ст.-бел. Левьданы.

¹⁴⁷ Марыенгаўзэн – замак рыжскага арцыбіскупа: ням. Marienhausen, латыш. Viļaka, ст.-бел. Мариенгавьзень.

¹⁴⁸ Шванэбург – замак рыжскага арцыбіскупа: ням. Schwaneburg (Swanburg), латыш. Gulbene, ст.-бел. Шванемьборкъ.

¹⁴⁹ Смільтэн – замак рыжскага арцыбіскупа: ням. Smilten, латыш. Smiltene.

¹⁵⁰ Кройцбург – замак рыжскага арцыбіскупа: ням. Kreuzburg (Creuczburg, Creutzburg), латыш. Krustpils, ст.-бел. Крыжборг.

¹⁵¹ Леневардэн – замак васала рыжскага арцыбіскупа: ням. Lennwarden (Lennewerde), латыш. Lielvārde.

¹⁵² Юкскюль – замак васала рыжскага арцыбіскупа: ням. Uexküll (Uikel, Uxkol), латыш. Ikšķile.

¹⁵³ Зэрбен – замак рыжскага арцыбіскупа: ням. Serben, латыш. Dzērbene.

¹⁵⁴ Дэрпт – горад, рэзідэнцыя дэрпцкага біскупа: ням. Dorpat (Darbet), эст. Tartu, ст.-бел. Дерптг.

¹⁵⁵ Кірумпё – замак дэрпцкага біскупа: ням. Kirrumpäh (Kyrgenpe), эст. Kirumpää.

¹⁵⁶ Нойгаўзэн – замак дэрпцкага біскупа: ням. Neuhausen (Nienhusen), эст. Vastse-Iiina.

¹⁵⁷ Ольдэнторн – замак дэрпцкага біскупа: ням. Oldenthorn (Aldenthorn, Altenturm), эст. Vana-Kastre.

¹⁵⁸ Варнбэк – замак дэрпцкага біскупа: ням. Warnbeck (Warbeck, Werbeck), эст. Uue-Kastre.

¹⁵⁹ Фалькенаў – цыстэрыянскі кляштар у Дэрпцікім біскупстве: ням. Falkenau (Valckona), эст. Kärkna.

Біскупства Курляндскае і Эзэльскае¹⁶⁰

Гэтыя два біскупствы даюць 400 коней. Пільтэн¹⁶¹, Данданген¹⁶², Нойгаўзэн¹⁶³, Арэнсбург¹⁶⁴, Гапсэль¹⁶⁵, Лёдэ¹⁶⁶.

Калі толькі не гэтыя два гарады, Рэвель і Дэрпт, прымаюць ваяроў-пілігрымаў, бо ([як] іншыя гарады) не могуць падтрымліваць са свайго ўласнага народу.

Сума ўсіх коней – 5200.

Спіс літаратуры

1. Булыка, А. М. Даўнія запазычанні беларускай мовы / А. М. Булыка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – 384 с.
2. Грицкевич, А. П. Хозяйственное и правовое положение военно-служилого населения в Слуцком княжестве в XVI–XVIII вв. / А. П. Грицкевич // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г. – Минск: Наука и техника, 1964. – С. 242–253.
3. Грицкевич, А. П. Формирование феодального сословия в Великом княжестве Литовском и его правовые основы (XV–XVI вв.) / А. П. Грицкевич // Первый Литовский Статут 1529 г.: (Материалы респ. науч. конф., посвящ. 450-летию Первого Статута). – Вильнюс, 1982. – С. 65–73.
4. Гурскі, М. І. Беларуская мова / М. І. Гурскі, М. Г. Булахаў, М. Ц. Марчанка. – Мінск: Вучпедвыд, 1958. – Ч. 1: Лексікалогія, фанетыка і марфалогія. – 392 с.
5. Дзярновіч, А. І. Кёнігсбергскі Таемны Архіў: Фармаванне калекцый, публікацыі дакументаў і важнасць архіва для вывучэння гісторыі Беларусі / А. І. Дзярновіч // Архіварыус. – Мінск, 2004. – Вып. 2. – С. 152–169.
6. Дзярновіч, А. І. «Прускі» сцэнарый для Інфлянтаў: да пытання выкарыстання катэгорый «інтэграцыя» і «інкарпарацыя» ў дачыненні да XVI ст. / А. І. Дзярновіч // Праблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі (Мінск, 15–17 кастрычніка 2009 г.). – Мінск: БПП Плюс, 2010. – С. 86–93.

¹⁶⁰ Эзельскае біскупства ахоплівала Заходнюю Эстонію і, найперш, як яе астраўную частку: ням. *Õsel* (Oesel; лац. *Osilien*), эст. *Saaremaa*.

¹⁶¹ Пільтэн – горад, замак і рэзідэнцыя курляндскага біскупа: ням. *Pilten*, латыш. *Piltene*.

¹⁶² Данданген – замак курляндскага біскупа: ням. *Dondangen*, латыш. *Dundaga*.

¹⁶³ Нойгаўзэн – замак курляндскага біскупа: ням. *Neuhausen* (*Nienhus*), латыш. *Valtaiķi*.

¹⁶⁴ Арэнсбург – горад, порт, замак эзельскага біскупа: ням. *Arensburg* (*Arnssburgk* *Arusberg*), эст. *Kuressaare* (у 1952–1988 *Kingissepp*).

¹⁶⁵ Гапсэль – горад, порт, замак эзельскага біскупа: ням. *Hapsal* (*Hapsel*), эст. *Naapsalu*.

¹⁶⁶ Лёдэ – горад, порт, замак эзельскага біскупа: ням. *Lohde* (*Lode*), эст. *Koluvere*.

7. Дзярновіч, А. І. Саюзы дагавор 1501 г. ВКЛ з Лівоніяй і дынастычны крызіс 1497–1499 гг. у Расіі / А. І. Дзярновіч // *Вестні Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук.* – 2003. – № 1. – С. 62–66.
8. Казакова, Н. А. Русь і Лівонія в 60–90-х гг. XV в. / Н. А. Казакова // *Международные связи России до XVII в. Экономика, политика и культура: Сборник статей / отв. ред. Л. Г. Бескровный.* – М.: АН СССР, 1961. – С. 306–338.
9. Круус, Х. Х. Балтыйский вопрос в XVI веке в зарубежной исторической литературе / Х. Х. Круус // *Вопросы истории.* – 1959. – № 6. – С. 109–114.
10. Метадычныя рэкамендацыі да публікацыі лацінскіх дакументаў XIII–XIV стст. / аўт.-склад. А. А. Жлутка. – Мінск: БелНДДАС, 2005. – 50 с.
11. Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Кн. публічных спраў 1 / Падрыхтавалі А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, М. А. Вайтовіч; НАН Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2003. – 444 с.
12. Попов, В. Е., Филюшкин, А. И. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 г. / В. Е. Попов, А. И. Филюшкин // *Studia Slavica et Balcanica Retropolitana.* – 2009. – № 1/2. – С. 151–184.
13. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер / пер. с нем. О. Н. Трубачева, под ред. и с предисловием Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 576 с.
14. Филюшкин, А. И. Закат северных крестоносцев: «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е годы / А. И. Филюшкин. – М.: Фонд «Русские Витязи», 2015. – 72 с.
15. Філіграні архіўных дакументаў Беларусі XVI – пачатку XX стст. / склад. В. С. Пазднякоў. – Мінск: БелНДДА, 2013. – 256 с.
16. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – Т. 2: в. – 344 с.
17. Benninghoven, F. Probleme der Zahl und Standortverteilung der livländischen Streitkräfte im ausgehenden Mittelalter / F. Benninghoven // *Zeitschrift für Ostforschung.* – 1963. – Bd. 12. – Heft 4. – S. 601–622.
18. Bielski, M. Kronika polska / M. Bielski. – Sanok: K. Pollak, 1856. – Т. II. – S. 700–1222.
19. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae / M. Dogiel. – Vilnia: Ex Typographia Regia, 1759. – Т. V. – 560 p.
20. Die Berichte und Briefe des Rats und Gesandten Herzog Albrechts von Preussen A[ha]sverus v. Brandt nebst den an ihn ergangenen Schreiben im Staatsarchiv zu Königsberg / Hrsg. von A. Bezzenberger. – Königsberg: Gräfe & Unzer, 1921. – H. 4 (1550–1559).
21. Dundulis, B. Lietuvos užsienio politika XVI a. / B. Dundulis. – Vilnius: Mintis, 1971. – 308 p.
22. Elementa ad Fontium Editiones. – Romae: Institutum Historicum Polonicum Romae, 1974. – Vol. XXXI: Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam spectantia, II pars / Edidit Carolina Lanckorońska. – 241 p.

23. *Elementa ad Fontium Editiones.* – Romae: Institutum Historicum Polonicum Romae, 1978. – Vol. XLIV. Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam spectantia, XIV pars, HBA, B 2b, 1546–1567. – 187 p.
24. Jasnowski, J. Mikołaj Czarny Radziwiłł (1515–1565). Kanclerz i marszałek ziemski Wielkiego Księstwa Litewskiego, wojewoda wileński / J. Jasnowski. – Oświęcim: Napoleon V, 2014. – 322 s.
25. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin-Dahlem (GStAPK). – HBA. – Abt. D. – Kasten 611. – Liefländische Sachen 1552.
26. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStAPK). – HBA. – Abt. D. – Kasten 616. – Zum Jahre 1555/56.
27. Gierowski, J. A. *Historia Polski 1505–1764* / J. A. Gierowski – Warszawa: PWN, 1988. – 319 s.
28. Górnicki, Ł. *Dzieje w Koronie Polskiej* / Ł. Górnicki / wyd. H. Barycz. – Wrocław: Ossolineum, 1950. – 195 s.
29. Kolankowski, L. *Polska Jagellonów. Dzieje polityczne* / L. Kolankowski. – Olsztyn: Oficyna Warmińska, 1991. – 305 s.
30. Kruus, H. *Vene-Liivi Sõda (1558–1561)* / H. Kruus. – Tartu: Loodus, 1924. – 158, [2] lk.
31. Kühne, H. *Polnische Lehnwörter im Weissrussischen* / H. Kühne. – Berlin: Freie Universität, 1960. – 121 S.
32. Laucevičius, E. *Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Atlasas* / E. Laucevičius. – Vilnius: Mintis, 1967. – 577 lp.
33. Małłek, J. *Prusy Książęce a Prusy Królewskie w latach 1525–1548* / J. Małłek. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1976. – 290 s.
34. Miklosich, F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* / F. Miklosich. – Wien: W. Braumüller, 1876. – 560 S.
35. Militzer, K. *Wykaz urzędów Zakonu Kawalerów Mieczowych i zakonu krzyżackiego w Inflantach z Estonia* / K. Militzer. // *Inflanty w średniowieczu. Władztwa zakonu krzyżackiego i biskupów.* – Toruń: TNT, 2002. – S. 107–121.
36. Rasmussen, K. *Die livländische Krise 1554–1561* / K. Rasmussen. – København: Universitetsforlaget, 1973. – 241 p.
37. Senning, A. *Beiträge zur Heeresverfassung und Kriegsführung Alt-Livland zur Zeit seines Unterganges* / A. Senning. – Jena: [s.n.], 1932. – 190 S.
38. *Słownik etymologiczny języka polskiego* / pod red. A. Brücknera. – Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927. – XIV, [2], 805, [1] s.
39. Stancelis, V. *LDK vaidmuo Livonijos krizėje 1552–1561 m.: svarbiausios istoriografinės problemos* / V. Stancelis // *Lituanistica.* – 1998. – Nr. 4 (36). – P. 3–17.
40. Stancelis, V. *1557 m. Pasvalio sutartys – permain Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės santykiuose su Hohencolern dinastija rezultatas* / V. Stancelis // *Lietuvos valstybė XII–XVIII a.* – Vilnius: LII, 1997. – P. 285–298.
41. Strykowski, M. *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi* / M. Strykowski. – T. I–II. – Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glüksberga, 1846.

42. Sucheni-Grabowska, A. Zygmunt August król polski i wielki książę litewski 1520–1562 / A. Sucheni-Grabowska. – Warszawa: Wydawn. Krupski i S-ka, 1996. – 448 s.

43. Sužiedelis, S. Lietuvos ir Livonijos konfliktas 1556–1557 m. / A. Sužiedelis // Athenaeum (Kaunas). – 1938. – T. 9. – P. 63–93.

44. Švābe, A. Sigismunda Augusta Livonijas politika / A. Švābe // Latvijas Vēstures institūta žurnāls. – 1937. – Nr. 1. – Lpp. 69–109.

45. Varakauskas, R. Lietuvos ir Livonijos santykiai XIII–XVI a. / R. Varakauskas. – Vilnius: Mokslas, 1982. – 328 p.

46. Wisłocki, W. Katalog rękopisów Biblioteki Uniwersytetu Jagiellońskiego / W. Wisłocki. – Kraków: W drukarni UJ, 1877–1881. – Cz. I. Wstęp. Rękopisy. – 1875. – 448 s.

ІЛЮСТРАЦЫІ І КАРТЫ

Іл. 1. Лукас Кранах Малодшы. Партрэт караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Аўгуста (фрагмент галерэі сям'і Жыгімонта Старога). Каля 1553 г. Мініяцюра, алей на медзі. Музей князёў Чартарыйскіх у Кракаве / Muzeum Książąt Czartoryskich w Krakowie, інв. XII-538.

Іл. 2. Лукас Кранах Старэйшы. Партрэт марграфы Альбрэхта Брандэнбург-Ансбах, герцага Прусіі. 1528 г. Алей на дрэву. Музей герцага Антона Ульрыха ў Браўншвайгу / Herzog Anton Ulrich-Museum, GG22.

Пл. 3. Надмагілле маркграфы Вільгельма Брандэнбург-Ансбах, апошняга арцыбіскупа Рыгі ў 1539–1563 гг. (каад'ютар у 1529–1539 гг.). Рыжскі Домскі сабор (малюнак з натуры быў выкананы баронам Карлам Унгерн-Штэрнбергам у 1826 г.). Паводле: Schieman, Theodor. *Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert*. Berlin, 1886. Bd. II. S. 225.

Пл. 4. Скульптура надмагілля герцага Крыштафа Мекленбургскага (каад'ютар Рыжскага арцыбіскупа ў 1555–1563/1569 гг.) і ягонай жонкі Лізаветы Шведскай (пахавана ў Упсале). Кафедральны сабор Святой Марыі і Святога Іаана ў Шверыне, паўночная капліца, 1594–1596 гг. (фламандскі скульптар Робер Коппенс).

Пл. 5. Бюст Ёгана Вільгельма фон Фюрстэнберга, лівонскага магістра ў 1557–1559 гг. Вестфальскі зямельны музей мастацтва і гісторыі культуры, Мюнстэр / Westfälisches Landesmuseum für Kunst und Kulturgeschichte.

Іл. 6. Групава партрэт Готгарда фон Кетлера і яго жонкі Ганны Мекленбург-Гюстравскай. Готгард Кетлер – апошні магістр Нямецкага ордэна ў Лівоніі (1559–1561 гг.) і першы герцаг Курляндыі і Земгаліі (1561–1587 гг.). Сярэдзіна XVI ст. Музей Рундальскага палацу.

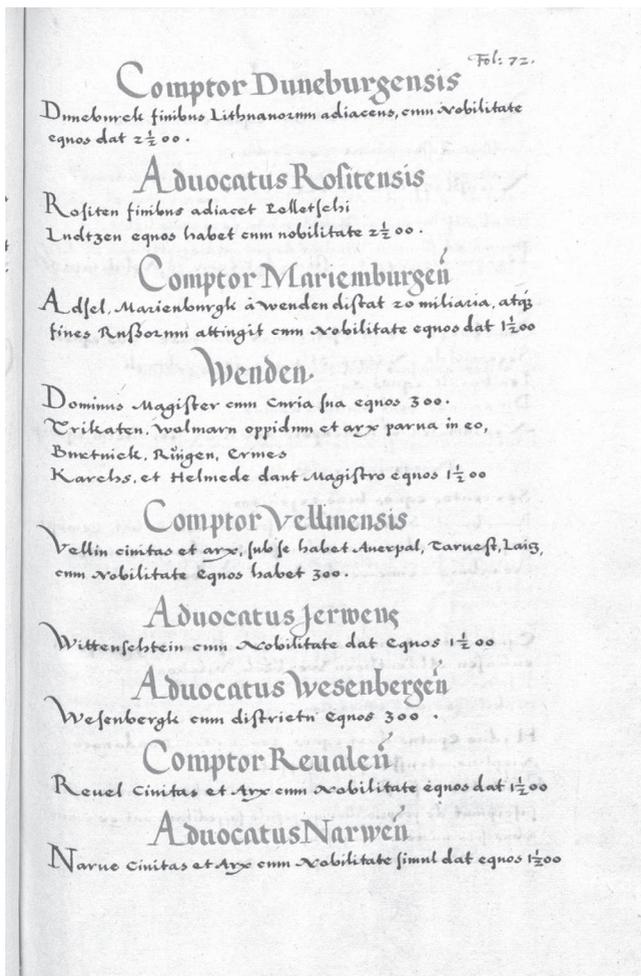
Іл. 7. Замак Рыжскага арцыбіскупа Кокенгузэн (ням. *Kokenhusen*, латыш. *Koknese*, ст.-бел. *Куюнос*), які ўлетку 1556 г. лівонскі магістр Генрых фон Гален узяў у аблогу, і дзе паланіў арыбіскупа Вільгельма і каад’ютара Крыштафа. План пачатку XVII ст. Ваенны архіў Швецыі / *Krigsarchivet, Stockholm*.

Іл. 8. Памяць пра Пасволь. Маўрыцы Готліб (Maurycy Gottlieb)
 «Прысяга Інфлянцкага ордэна перад каралём Жыгімонтам
 Аўгустам у Пасволі ў 1557 г.» 1874 г., Нацыянальная біблітэка,
 Варшава / Biblioteka Narodowa, Warszawa.

Іл. 9. Памяць пра Пасволь. Мемарыяльная шыльда
 ў гонар заключэння дамовы 1557 г. Пасваліс (Pasvalys),
 Літоўская Рэспубліка.

Лл. 10. Рэстр лівонскага войска пад Пасволем ў 1557 г.
 Biblioteka Jagiellońska, Oddział Rękopisów, BJ 58, Fol. 72.

Карта 1. Лівонія ў першай палове XVI ст.

Карта 2. Дыяцезы і тэрыторыі Лівоніі ў 1500 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Любы А. У.

АПОШНЯ ДВАЦЦАЦЬ ПЯЦЬ ГОД ГІСТОРЫІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ

Вялікае Княства Літоўскае ў XX ст. трывала ўвайшло ў нацыянальны гістарычны наратыў Беларусі як эпоха ўздыму і росквіту беларускай культуры. З канца 1980-х гг. ажыўляецца цікавасць да праблематыкі з боку беларускіх даследчыкаў палітычнай гісторыі, дыпламатыі, ваеннай справы, сацыяльна-палітычных і сацыяльна-эканамічных даследаванняў. У 1993 г. гісторыя Вялікага Княства была ўпісана як асобны этап у Канцэпцыю гісторыі Беларусі, уведзена ў дзяржаўны класіфікатар спецыяльнасці «айчынная гісторыя». Шлях інстытуцыяналізацыі гісторыі Вялікага Княства Літоўскага як самастойнага прадмета ў выкладанні айчыннай гісторыі абмяркоўваўся падчас Першай і Другой усебеларускіх канферэнцый гісторыкаў (у 1993 і 1997 гг. адпаведна). І, нарэшце, у 1994 г. на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта на базе рэарганізаванай кафедры гісторыі БССР была створана кафедра гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў (храналагічны перыяд – да канца XVIII ст. – як сімбіёз архаічнай марксісцкай і новамоднай на той час перыядызацыі доўгага Сярэднявечча Ж. Ле Гофа). На загадчыка кафедры адразу быў запрошаны перспектывыны ВКЛіст, выпускнік гістарычнага факультэта і вучань В. І. Мясешкі Павел Алегавіч Лойка. У планах кіраўніка факультэта П. А. Шупляка было адкрыццё спецыяльнасці «гісторыя Вялікага Княства Літоўскага», падрыхтоўка спецыялістаў вышэйшай катэгорыі з абаронай доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый па профілю кафедры. Хаця не ўсе пачынанні былі рэалізаваны. Аднак быў абноўлены прафесарска-выкладчыцкі склад кафедры – у 1990-ыя гг. тут працавалі А. П. Ігнаценка, У. П. Емельянчык, Л. А. Жылуновіч, Ю. Л. Казакоў, Л. М. Лыч, У. А. Сосна і інш. Да супрацоўніцтва прыцягваліся навуковыя кадры з Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі: Ю. М. Бохан, Г. Я. Галенчанка, В. Ф. Голубеў, Г. М. Сагановіч, А. Ю. Хадыка ды інш. Безумоўна падобныя намаганні не маглі не даць станоўчага выніку – павялічыліся наборы на спецыялізацыю (максімум прыпадае на пачатак-сярэдзіну 2000-х), праходзілі абаронены дыпломных і магістарскіх работ. У XXI ст. адбылося дзесяць абарон кандыдацкіх дысертацый

(улічваем абарону Дз. Скварчэўскага ў 2016 г., дзе ў якасці навуковага кіраўніка выступіў абаронены на гэтай жа кафедры ў 2000 г. дацэнт В. А. Варонін). На 2019 г. палова супрацоўнікаў кафедры з'яўляюцца яе выпускнікамі апошніх дваццаці год [1].

Супрацоўнікі кафедры актыўна далучыліся да напісання нацыянальнай гісторыі Беларусі. У 1990-ыя гг. у Беларусі пачынаецца праца над стварэннем школьных падручнікаў для сярэдняй школы. У аўтарскія калектывы па гісторыі Беларусі на працягу дваццаці пяці год уваходзілі П. А. Лойка, Ю. М. Бохан, У. А. Сосна, В. А. Варонін, А. У. Любы [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. У другой палове 1990-х гг. адчуваецца попыт на падрыхтоўчую літаратуру для абітурыентаў – аўтарамі па гісторыі XIII–XVIII ст. выступаюць А. Л. Абэцэдарская, У. П. Емельянчык, Л. А. Жылуновіч, Ю. Л. Казакоў [14; 15; 16]. Нарэшце ў 2008 г. у Беларускім дзяржаўным універсітэце распачынаецца падрыхтоўка чатырохтомнага выдання гісторыі Беларусі для гістарычных спецыяльнасцяў, якая была завершана і пачала друкавацца толькі з 2018 г. [17]. Аўтарамі першага і другога тамоў дапаможніка з'яўляецца калектыў кафедры.

Канферэнцыі па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, спецыялізаваныя і юбілейныя, становяцца візітнымі карткамі кафедры толькі ў XXI ст. Адною з першых у 2001 г. была праведзена канферэнцыя прысвечаная прафесару кафедры А. П. Ігнаценка. Яна сабрала спецыялістаў з розных навуковых і ўніверсітэцкіх устаноў Беларусі, былі ўзняты пытанні сацыяльна-эканамічнай гісторыі Сярэднявечча і ранняга Новага часу.

З 2010 г. кафедра распачынае шэраг круглых сталоў прысвечаных ключавым датам у айчыннай гісторыі: Так ў 2010 г. круглы стол быў прымеркаваны да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы, у мерапрыемстве прынялі ўдзел прадстаўнікі з ўніверсітэтаў Польшчы і Літвы. Надалей навуковыя мерапрыемствы становяцца рэгулярнымі. У 2011 г. сумесна з кафедрай Крыніцзнаўства быў праведзены круглы стол, прысвечаны 160-годдзю з дня нараджэння А. П. Сапунова, у 2012 г. – 1150-годдзю г. Полацка і гісторыі Полацкай зямлі IX–XVIII ст, а таксама асобнае мерапрыемства памяці беларускага гісторыка, загадчыка кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў Паўла Алегавіча Лойкі. У 2013 г. адбыўся круглы стол «Хрысціянскія традыцыі сярэднявечнай Беларусі (да 1025-годдзя хрысціянізацыі Русі)»; у 2014 г. два – «Айчынная гістарыяграфія на мяжы XX і XXI ст. : прысвечаны 20-годдзю кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў» і «Актуальныя пытанні ваеннай гісторыі Сярэднявечча і ранняга Новага часу : да 500-годдзя Аршанскай бітвы»; у 2015 г. – «Соцыум Вялікага Княства

Літоўскага: уладная, правая, эканамічная стартыфікацыя Беларусі XV–XVIII ст.»; у 2016 г. – «Асоба і Гісторыя (да 100-годдзя з дня нараджэння Л. С. Абэцэдарскага)»; у 2017 г. – «Сацыяльна-эканамічнае вымярэнне Беларусі (да Юбілеяў М. В. Доўнар-Запольскага і А. П. Ігнаценкі)»; у 2018 г. з прычыны гадавіны смерці прафесара кафедры Ю. М. Бохана быў праведзены круглы стол «Ад урбаністыкі да ўзбраення Вялікага Княства: памяці доктара гістарычных навук Юрыя Мікалаевіча Бохана». Такім чынам, пакрысе выбудоўваецца культура памяці айчынай медыявістыкі. Таксама ў 2018 г. намаганнямі супрацоўнікаў кафедры была праведзена асобная секцыя «Статуты Вялікага Княства Літоўскага: правая культура, сацыяльна-палітычныя працэсы, гістарычная памяць» у межах Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання» (сумесны праект юрыдычнага і гістарычнага факультэтаў БДУ).

Нарэшце, своеасаблівым этапам у стварэнні пляцоўкі для навуковага дыялога па праблемах гісторыі Вялікага Княства Літоўскага ў Беларускім дзяржаўным універсітэце можна лічыць правядзенне спецыялізаваных міжнародных канферэнцый, прысвечаных асобным праблемам з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і, адпаведна, двум знакавым юбілеям у яе жыцці – 60-годдзю з дня нараджэння П. А. Лойкі (1958–2010) і чвэрці стагоддзя існавання кафедры гісторыі Беларусі ў новым фармаце [18; 19].

Два апошнія гады дазволілі рэалізаваць даўнія задумы сяброў кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў. Адкрыта заявіць пра школу даследаванняў Вялікага Княства на гістарычным факультэце, якая безумоўна звязана з асобай П. А. Лойкі [20]. Менавіта яго намаганнямі былі перафарматаваны сацыяльна-эканамічныя даследаванні, звязаныя ў першую чаргу са становішчам падатковага насельніцтва Беларусі ў XVI–XVIII ст., у гісторыю шляхты, палітычных органаў Вялікага Княства, «літвінскага сепаратызма» апошняй трэці XVI ст., і развіцця Княства ўнутры федэратыўнай Рэчы Паспалітай. Таксама ў 2019 г. сіламі супрацоўнікаў кафедры ўдалося правесці чарговую міжнародную навуковую канферэнцыю, прысвечаную пытанням сацыяльна-палітычнай гісторыі Вялікага Княства Літоўскага XV–XVIII ст. – юбілейную для самой кафедры. Матэрыялы канферэнцыі знаходзяцца ў стадыі падрыхтоўкі да друку.

У 2018 г. у міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шляхта Вялікага Княства Літоўскага: палітычныя інтарэсы і сацыяльная актыўнасць» (да 60-годдзя з дня нараджэння Паўла Алегавіча Лойкі), якая праходзіла 7–8 чэрвеня 2018 г., прынялі ўдзел 69 навукоўцаў з розных універсітэцкіх і навукова-даследчых устаноў Беларусі і замежжа. У 2019 г.

на міжнароднай навуковай канферэнцыі «Сацыяльныя структуры ў Вялікім Княстве Літоўскім: індывідуальнае і калектыўнае вымярэнне (да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў БДУ)», якая праходзіла 6–7 чэрвеня 2019 г., прынялі ўдзел 60 даследчыкаў Вялікага Княства Літоўскага. Пры наяўнасці замежных калег, ацэнт усё ж быў зроблена на стварэнне пляцоўкі для міждысцыплінарнага дыялога для спецыялістаў з розных устаноў Беларусі [21; 22].

У гэтым жа рэчышчы на працягу пяці год працаваў навуковы семінар кафедры «*Seminarium: Прастора ВКЛ*». Больш за паўсотні выступленняў прафесуры, запрошаных замежных гасцей, аспіранты, маністранты і студэнты дазволілі абмеркаваць пытанні пошуку крыніц, вывучэння і прэзентавання вынікаў асобных навуковых праектаў па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, крыніцазнаўству Беларусі, гістарыяграфіі і метадалогіі вывучэння гісторыі Сярэднявечча і ранняга Новага часу, уключэння навуковых дасягненняў у культурніцкую палітыку і рэканструктарскі рух.

Такім чынам, гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта з’яўляецца адным з нешматлікіх навуковых асяродкаў у Беларусі, які падтрымлівае ў навейшай айчыннай гістарыяграфіі пастаянную канферэнцыйную пляцоўку для даследчыкаў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і кансалідуе вакол яе не толькі ўласна гісторыкаў, але і археолагаў, філолагаў, кнігазнаўцаў і г.д.).

Навуковую школу і актуальныя накірункі даследаванняў гісторыі Вялікага Княства на кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў БДУ насення можна ўжо вылучыць. Перспектыўныя ідэі П. А. Лойкі зводзіліся да разгляду сацыяльных і палітычных структур Вялікага Княства Літоўскага ўнутры Рэчы Паспалітай у якасці самадастатковага, самаразвітага і канфрантацыйнага цэнтра, які на працягу некалькіх стагоддзяў вызначаў палітычны і сацыяльны фон Беларусі. Адсоль запатрабаванымі становіліся пытанні даследавання шляхецкага саслоўя на тэрыторыі Беларусі, яго ўцягнутасці ў вырашэнне палітычных пытанняў дзяржавы (дзяржаўных інстытутаў, судовых органаў) і нарэшце – становішча асобных зямель Вялікага Княства Літоўскага ва ўмовах Рэчы Паспалітай, унутрыпалітычныя канфлікты і спосабы іх вырашэння. На кафедры ў канцы 1990-х гг. – першай палове 2000-х гг. рыхтаваліся кандыдацкія і доктарскія дысертацыі па праблемах дыпламатыі Вялікага Княства Літоўскага XV – першай паловы XVI ст., гісторыі рэлігійнай арганізацыі ў ранні Новы час, рэформам Рэчы Паспалітай XVIII ст. і інш.

Гісторыя вывучэння Вялікага Княства Літоўскага ў Беларускім дзяржаўным універсітэце пачынаецца ад самага заснавання ўстановы

і першапачаткова звязана з імям першага рэктара У. І. Пічэты. Аднак ні 1920-ыя гг., ні 1930-ыя (у межах створанага гістарычнага факультэта), ні пасляваеннае адраджэнне вывучэнне сярэднявечнай гісторыі Беларусі ўжо на асобнай кафедры гісторыі БССР (з 1958 г.) не дазваляюць казаць пра мэтанакіраванае вывучэнне гісторыі Вялікага Княства ці асобных этапаў ў яго развіцці, не стварылі сентэтычных прац і ўласнай навуковай школы. Аднак разварот беларускай гістарыяграфіі канца 1980-х – пачатку 2000-х гг. да праблематыкі гісторыі Сярэднявечча і ранняга Новага часу дазволіў часткова закрыць гэтыя лакуны ў межах мэтанакіраванай дзейнасці гістарычнага факультэта БДУ.

Спіс літаратуры

1. Кафедра гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <https://hist.bsu.by/kafedry/kafedra-istorii-belarusi-drevnego-vremeni-i-srednikh-vekov/sotrudniki.html>. – Дата доступа: 01.06.2019.
2. Гісторыя Беларусі: Вучэбны дапаможнік для 7-га кл. сярэдняй школы / П. А. Лойка. – Мінск: Народная асвета, 1993. – 191 с.
3. Гісторыя Беларусі: Вучэбны дапаможнік: для ліцэяў, гімназій і школ з палыбленым вывучэннем гуманітарных дысцыплін / А. Л. Абецэдарская і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 1996. – 494, [1] с.
4. Гісторыя Беларусі, XVI–XVIII стст.: Вучэбны дапаможнік для 7-га кл. агульнаадукацыйнай школы / Пад рэд. Г. Я. Галенчанкі. – Мінск: Народная асвета, 1998. – 213, [1] с.
5. Гісторыя Беларусі: 7-ы кл.: Эксперыментальны падручнік для школ з беларускай і рускай мовамі навучання / П. А. Лойка. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2000. – 226, [1] с.
6. Гісторыя Беларусі: XVI–XVIII стст.: Вучэбны дапаможнік для 7-га кл. устаноў, якія забяспечваюць атрыманне агульнай сярэдняй адукацыі, з беларускай і рускай мовамі навучання / П. А. Лойка. – Мінск: БДУ, 2004. – 190, [1] с.
7. Гісторыя Беларусі (XIX ст. – 1917 г.): Вучэбны дапаможнік для 8-га класа ўстаноў, якія забяспечваюць атрыманне агульнай сярэдняй адукацыі, з беларускай і рускай мовамі навучання з 12-гадовым тэрмінам навучання / У. А. Сосна, С. В. Марозава, С. В. Паноў. – Мінск: БДУ, 2005. – 166, [1] с.
8. Гісторыя Беларусі: канец XVII — пачатак XX ст.: Вучэбны дапаможнік для 9-га класа ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання / С. В. Марозава, У. А. Сосна, С. В. Паноў. – Мінск: БДУ, 2011. – 197, [1] с.
9. Гісторыя Беларусі ў 7 класе: Вучэбна-метадычны дапаможнік для настаўнікаў устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання / М. А. Краснова, Ю. М. Бохан. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2011. – 156 с.
10. Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да канца XV ст.: Вучэбны дапаможнік для 6-га класа ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай

мовай навучання: у 2 ч. / Ю. М. Бохан, С. М. Цемушаў. – Ч. 2. – Мінск: БДУ, 2016. – 146 с.

11. Гісторыя Беларусі, XVI—XVIII стст.: Вучэбны дапаможнік для 7-га класа ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання / В. А. Варонін і інш. – Мінск: БДУ, 2017. – 214 с.

12. Гісторыя Беларусі, канец XVIII – пачатак XX ст.: Вучэбны дапаможнік для 8-га класа ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання / С. В. Паноў, С. В. Марозава, У. А. Сосна. – Мінск: БДУ, 2018. – 158, [1] с.

13. Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да канца XVIII ст.: Вучэбны дапаможнік для 10-га кл. устаноў агульнай сярэдняй адукацыі (базавы ўзровень) / В. А. Белазаровіч, С. А. Кудраўцава, А. Ул. Любы. – Мінск: БДУ, 2019. – 280 с.

14. Дапаможнік па гісторыі Беларусі для паступаючых у вышэйшыя навучальныя установы / А. Л. Абецэдарская і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 1996. – 314, [1] с.

15. История Беларуси: Полный курс: Пособие для старшеклассников и поступающих в ВУЗы / В. П. Емельяничик, Ю. Л. Казаков, В. С. Космылев и др. – Минск: Юнипресс, 2003. – 414, [1] с.

16. Гісторыя Беларусі: Вучэбны дапаможнік / А. А. Абецэдарская, Л. А. Жылуновіч, А. П. Ігнаценка і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 1994. – 207 с.

17. Гісторыя Беларусі: Дапаможнік: у 4 ч. – Ч. 1.: Ад старажытнасці да першай паловы XVI ст. / П. І. Брыгадзін і інш. – Мінск: БДУ, 2018. – 351 с.

18. Праграма Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шляхта Вялікага Княства Літоўскага: палітычныя інтарэсы і сацыяльная актыўнасць, прысвечанай 60-годдзю з дня нараджэння Паўла Алегавіча Лойкі» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <https://hist.bsu.by/attachments/article/8069/Lojko.pdf>. – Дата доступа: 01.06.2019.

19. Праграма Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Сацыяльныя структуры ў Вялікім Княстве Літоўскім: індывідуальнае і калектыўнае вымярэнне (да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў БДУ)» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: <https://hist.bsu.by/attachments/article/8400/Programm.pdf>. – Дата доступа: 01.06.2019.

20. Сосна, У. А. Беларускія сяляне і шляхта ў даследаваннях Паўла Лойкі / У. А. Сосна // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 3. – Минск: 2010. – С. 315–324.

21. Любый, А. В. Международная научная конференция «Шляхта Вялікага Княства Літоўскага: палітычныя інтарэсы і сацыяльная актыўнасць» / А. В. Любый // *Журнал Белорусского государственного университета. История*. – 2018. – № 4. – С. 132–134.

22. Любы, А. Ул. Міжнародная навуковая канферэнцыя «Сацыяльныя структуры ў Вялікім Княстве Літоўскім: індывідуальнае і калектыўнае вымярэнне» / А. Ул. Любы // *Журнал Белорусского государственного университета. История*. – 2019. – № 3. – С. 152–154.

Риер Я. А.

**IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ИЗ СЕРИИ *COLLOQUIA RUSSICA*
«РУСЬ И ПОЛЬША (X–XIV вв.)»
(Перемышль, Польша, 5–8 декабря 2018 г.)**

В декабре 2018 года в Перемышле (Республика Польша) состоялась девятая Международная научная конференция из серии *Colloquia Russica*. Тематика конференции была посвящена истории Руси и Польши в X–XIV вв. Необходимо отметить, что *Colloquia Russica* имеет очень интересную специфику. Придерживаясь строгой древнерусской направленности, организаторы конференции каждый год выбирают одно из направлений исторических исследований для акцентирования внимания на той или иной дискуссионной проблеме.

Мероприятие было организовано Виталием Нагирным и Томашом Пудлоцким из Института истории Ягеллонского университета в Кракове при сотрудничестве с Перемышльским научным обществом, Перемышльской публичной библиотекой, а также Подкарпатским центром повышения квалификации. Заседания проходили во всех указанных перемышльских учреждениях.

Научный форум собрал исследователей из восьми стран Европы: Польши, Украины, Беларуси, России, Литвы, Чехии, Сербии и Словении. Наиболее многочисленными явились представительства Польши и Украины. Белорусские исследователи были представлены заведующим кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы Алексеем Мартынюком, доцентом кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета Степаном Темушевым, аспирантами Филипом Подберезкиным (Белорусский государственный университет) и Яниной Риер (Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова).

В рамках научного мероприятия прошли четыре открытые лекции, круглый стол, доклады участников и последующие дискуссии, а также презентация новейших научных изданий, посвященных истории Руси. Конференция продолжила традицию устоявшегося регламента с 45-минутными лекциями, 1,5-часовым круглым столом, пятнадцатиминутными докладами, получасовой дискуссией в конце каждой секции и небольшими перерывами между панелями, во время которых участникам представилась

возможность в неформальной обстановке обсудить заинтересовавшие их вопросы. Мероприятие стало образцом высокого уровня организации и научной эффективности. При этом наряду с высококвалифицированными и признанными историками в работе конференции традиционно приняли участие и начинающие ученые – студенты, магистранты, аспиранты, которые получили возможность не только послушать выступления старших коллег или поучаствовать в дискуссии, но и попробовать силы в представлении результатов своих исследований искусственной аудитории.

Открылась конференция 5 декабря 2018 года, когда с приветственным словом к участникам научного форума обратились директор Перемышльской публичной библиотеки доктор Матей Вальтос, заместитель декана Исторического факультета Ягеллонского университета профессор Станислав Срока, вице-директор Перемышльского научного общества, профессор Томаш Пудлоцкий и координатор проекта *Colloquia Russica* и главный организатор конференции, доцент Института истории Ягеллонского университета доктор Виталий Нагирный.

Первой открытой лекцией, представленной присутствующим, стало выступление профессора Варшавского университета Иеронима Грали на тему «На фоне Царьграда. Был ли византийский контекст польско-русских отношений в XII–XIV вв.?». Докладчик сконцентрировал свое внимание на двух основных моментах: участии анонимного правителя «*ton Lehon*» вместе с «*regon Ros*» и «*Ouggron*» в военных действиях против Мануила I Комнина и письме польского короля Казимира III к константинопольскому патриарху Филофею Коккину (1371 г.). Оба эти события были рассмотрены с учетом русско-польских отношений того времени. Лекция Иеронима Грали представила собой образец академической научной презентации результатов огромной и кропотливой работы и послужила настоящим вдохновляющим примером для присутствующих исследователей.

В этот же день прошла первая секция конференции. Ее открыл доклад Степана Темушева (Белорусский государственный университет), представившего проблему территориальных трансформаций на русско-польском пограничье в конце X – первой половине XI века. Следующими были доклады Артема Папакина (Киевский национальный университет им. Т. Шевченко) «Импорт или военная добыча на Руси? Проблема происхождения великопольских шлемов X – начала XI в.», Марека Мики (Центр исторических исследований, Варшава) «Где погиб великий киевский князь Святополк Владимирович?», Андрея Носенко (Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника) «Могли ли сыновья Изяслава Ярославича пребывать в землях Пястов в 1068–

1069 гг.?)» и Анджея Коперского (Перемышльское научное общество) «Раннесредневековые крестики с Перемышля – христианские знаки на границе Востока и Запада».

Во второй секции, работа которой состоялась на следующий день, приняли участие молодые исследователи из Польши и Украины. Так, с докладом о роли половцев в русско-польских отношениях в XII веке выступила Ирина Тымар (Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника), участие балтских воинов в русско-польских конфликтах показал Мариус Щавинкас (Клайпедский университет), значение и роль Туровского княжества в русско-польских контактах охарактеризовал Аркадиуш Сивко (Ягеллонский университет), польские археологические артефакты из русских земель презентовал Радослав Ливох (Археологический музей Кракова), а влияние мора и голода на ход русско-польских конфликтов в XII–XIV веках описал Илья Паршин (Львовский национальный университет).

Еще одной интересной формой работы конференции явились продолжившие второй день научные дебаты, в которых приняли участие Виталий Нагирный, Иероним Граля и Мирослав Волощук (Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника). Участники круглого стола провели интересную дискуссию по проблеме пребывания русинов в Польше и поляков на Руси в XI–XIII веках.

Второй день конференции продолжился эффектной, хотя и дискуссионной, открытой лекцией Александра Мусина (Институт материальной культуры Российской Академии наук) «Польша Пястов и Русь Рюриковичей: неизбежность невозможных сравнений». Настоящей жемчужиной этого дня работы конференции стала лекция Игоря Данилевского (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») «Образ поляков в древнерусской домонгольской литературе». Московский историк высказал интересное мнение о том, что, несмотря на периодические конфликты между жителями юго-запада Руси и «ляхами», при их описании русские летописцы практически никогда не высказывали негативных оценочных суждений в адрес поляков, а порой их характеристики выглядели вполне позитивными.

Завершился второй день конференции третьей секцией. Дмитрий Добровольский (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») показал религиозный аспект восприятия поляков русскими книжниками XI–XIII веков. Мария Лавренченко (Музей архитектуры им. А. Щусева) проанализировала титулатуру русских и польских правителей в XI–XIII веках. Василий Матвеев (Государственный

Эрмитаж) коснулся узкоспециализированной тематики керамических плиток в декоре храмов Руси и Польши. Представление русско-польского пограничья и его жителей в историографической традиции XII–XIII веков сделал Мариуш Бартницкий (Университет Марии Кюри-Скłodовской). Александра Суликовская-Белчовская (Варшавский университет) сравнила особенности распространения культа Богородицы на Руси и в Польше в X–XIV веках.

На третий день конференции, 7 декабря, участники прослушали лекцию Игоря Скочиляса (Украинский католический университет) «От византийской «симфонии» к западному «*ius patronatus*»: образование структур Католической церкви на русских землях Польского королевства в XIV в.», а также доклады двух секций.

Так, в четвертой секции Филипп Подберезкин (Белорусский государственный университет) представил доклад «Христианские князья и духовные ордена: общее и различное во взаимоотношениях полоцкого князя Владимира и мазовецкого князя Конрада с немецкими рыцарями в Ливонии и Пруссии (первая половина XIII века)». Интересными были доклады Норберта Мики (Центр исторических исследований, Варшава) – о миссии черниговского князя Михаила Всеволодовича в Силезию, Дюры Гарди (Университет в Новом Саде) – о польской политике князя Ростислава Михайловича, Александра Головки (Каменец-Подольский университет им. И. Огиенко) – о мазовецком княжестве в политике галицко-волинских Романовичей. Отдельно хочется отметить два доклада о битве «в Воротах» 1266 г. между русскими и польскими войсками. При этом Диана Бугай (Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича) охарактеризовала ее с исторической, а Виталий Ляска (Заповедник «Древний Плесненск») – с археологической точки зрения.

В пятой секции увлекательным был доклад, представленный Алексеем Мартынюком (Республиканский институт высшей школы), в котором исследователь представил Русь и Польшу на Эбсторфской карте XIII века, а также обратился к вопросу о механизме «ментальной картографии» эпохи Средневековья. Кроме того, надо отметить два выступления, посвященные дискуссионным вопросам военной истории. Андрей Федорук (Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича) описал причины отсутствия русских и польских войск в битве под Мюльдорфом 1322 г., а Тимур Горбач (Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского) – возможное участие русских войск в польско-орденской войне 1327–1332 гг. В завершающей части секции нашли свое место два доклада о русско-польских отно-

шениях времен Казимира III. Марчин Клеменский (Ягеллонский университет) охарактеризовал привилей короля городу Свиднице для торговли с Русью, а Андрей Стасюк (Национальный заповедник «Древний Галич») – место францисканцев в русской политике польского монарха.

Завершилась работа научной части конференции в субботу, 8 декабря, шестой секцией, в начале которой выступили два представителя Львовского национального университета. Наталия Лешкович провела просопографическую характеристику Сцибора из Сцибожиц, а Леонтий Войтович проанализировал участие силезского и галицкого рыцарства в битве под Никополем 28 сентября 1396 г. Ян Сигмунд (Университет им. Т. Масарика в Брно) посвятил свое внимание описанию Руси в «Хронике» Яна Длугоша. Янина Риер (Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова) представила дискуссионную проблему образа Гедимины и его политики в польских и западноевропейских хрониках и в белорусско-литовском летописании.

Логичным продолжением заключительного этапа работы конференции стала презентация научных трудов по истории средневековой Руси, увидевших свет в 2018 году.

Отдельно стоит упомянуть культурные мероприятия, организованные принимающей стороной во время работы конференции. В первый день, перед открытием конференции, организаторы предложили гостям принять участие в экскурсии по старому городу в Перемышле под руководством профессора Томаша Пудлоцкого. Во второй день конференции все желающие могли прикоснуться к древним фундаментам бывшей русской ротонды в подземельях современного кафедрального католического собора, расположенного в самом сердце Перемышля. Настоящим открытием для участников конференции стала поездка в находящийся в окрестностях Перемышля Красичинский замок, поразивший не только грандиозностью постройки, шикарным парковым ансамблем, но и интереснейшей портретной галерей, представляющей немалую ценность для любителей истории Великого княжества Литовского.

Подводя итог, хочется отметить, что в ходе конференции было проведено обсуждение сложнейших вопросов средневековой истории Руси, ее взаимоотношений с Польшей, осуществлен анализ летописных, иконографических, археологических источников, очерчен круг актуальных проблем современной историографии. В дружеской рабочей атмосфере молодые ученые получили возможность обсудить свои идеи со старшими коллегами. Неоценимым оказался обмен мнениями представителей различных национальных школ и направлений.

Риер Я. А.

**X МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИЗ СЕРИИ *COLLOQUIA RUSSICA* «ДИПЛОМАТИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ (X–XVI вв.)»
(Краков, Польша, 9–11 октября 2019 г.)**

В октябре 2019 года в Ягеллонском университете в Кракове состоялась десятая юбилейная конференция из серии *Colloquia Russica*, посвященная проблеме дипломатии средневековой Руси. Традиционно в ней приняли участие как опытные историки, так и начинающие ученые из одиннадцати стран (Польша, Украина, Беларусь, Россия, Литва, Чехия, Словакия, Словения, Сербия, Болгария, Турция).

Торжественное открытие конференции состоялось 9 октября под старинными сводами *Collegium Maius* Ягеллонского университета. С приветственным словом перед гостями выступила заместитель декана Исторического факультета профессор Юдита Родзинская-Новак, директор Института истории профессор Славомир Справский, директор музея Ягеллонского университета профессор Криштоф Стопка, глава Научного студенческого исторического общества Патрик Палка. Завершилась вступительная часть презентацией результатов работы конференций *Colloquia Russica* за прошедшие десять лет, подготовленной ее бессменным организатором, доцентом Ягеллонского университета Виталием Нагирным.

Заседания конференции начались с инаугурационной лекции профессора Малгожаты Сморог-Ружицкой (Ягеллонский университет), посвященной такому виду дипломатических подарков как книги и отображению этого явления в иконографическом материале. В центре внимания лектора оказались два знаменитых памятника – «Кодекс Гертруды» и «Изборник Святослава».

Следующей открытой, и не менее интересной, лекцией стала презентация исследований профессора Мирослава Волощука (Национальный университет им. В. Стефаника) на тему «Кого отправляли венгерские короли XI–XIII вв. in variis legacionibus nostris in Rutheniam: родовая принадлежность и социальный статус». Историк из Ивано-Франковска попытался идентифицировать летописных «мужей», отправляемых венгерскими королями на Русь в качестве послов. Среди них он выделил представителей родов Лудан и Гонт-Пазнан, проживающих в комитатах Спиш, Липтов, Шариш.

После инаугурационных лекций участники перешли к представлению докладов в рамках работы секций. Характерной чертой конференций *Colloquia Russica* является то, что одновременно проходит только один раздел научного форума, т.е. все секции проходят поочередно, таким образом, и участники, и гости имеют возможность прослушать все доклады. Каждый докладчик имел возможность представить на суд присутствующих результаты своих исследований, а также поучаствовать в живой и интересной дискуссии в конце секции.

Первая секция была посвящена дипломатии Руси в наиболее ранний ее период. Открыл ее доклад Конрада Левека (Ягеллонский университет) о печатях как свидетельствах дипломатических контактов между Русью и Византией в X веке. Владимир Кузовков (Николаевский национальный университет им. В. Сухомлинского) раскрыл проблему похода русов на Каспий и русско-хазарских отношений в контексте международных отношений первой четверти X века. Ивелин Иванов (Великотырновский университет св. Кирилла и Мефодия) охарактеризовал контакты Руси и Болгарии во второй половине X века. Остап Кардаш (Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника) попытался идентифицировать «*legati Ruscorum*», участвовавших в Кведлинбургском съезде 973 года. Каролина Мадея (Ягеллонский университет) сконцентрировала свое внимание на проблеме дипломатических отношений Руси с Венгрией в первой половине XI века. Одним из наиболее интересных в этой секции был доклад Артема Папакина (Киевский национальный университет им. Т. Шевченко) «Дипломатический дар как один из путей импорта престижного вооружения на Руси в X в.».

Продолжил данную тематику доклад из второй секции, представленный Ильей Паршиным (Львовский национальный университет им. И. Франко) «Оружие как дар в русской средневековой дипломатической практике». В этой же секции выступили: Мирослав Даниш (Университет им. А. Коменского в Братиславе) и Аркадиуш Сивко (Ягеллонский университет). Первый докладчик обсудил дипломатические сюжеты «Повести временных лет», а второй – русско-польский договор в Сутейске. Интересными были доклады словенского коллеги Симона Малменвалла (Люблянский университет) «Пилигримство как фактор (религиозных) международных отношений: образ «своего» и «чужого» в дневниках путешественника Руси игумена Даниила» и выступление Дюры Гарди (Университет в Новом Саде) «Рюрикович в роли дипломата: Ростислав Михайлович в болгарско-никейских переговорах 1256 года».

Второй день конференции начался с выступления Андрея Стасюка (Национальный заповедник «Древний Галич») «Духовные особы на дипломатической службе галицких князей в середине XII – первой половине XIII в.». Валерия Легета (Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича) зачитала доклад ««И прислаша Нѣмци послы своя»: дипломатические отношения городов Ливонии и Великого Новгорода перед Раковорской битвой 1268 г.». Киевский исследователь Тимур Горбач (Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского) представил результаты исследования о владимирском посольстве в Пруссию осенью 1325 года. К вопросу дипломатии Великого княжества Литовского в конце XIV века обратился литовский исследователь Витас Янкаускас. Работу секции завершил доклад Марчина Грали (Папский университет Иоанна Павла II) о проблеме «месячного суда» в отношениях новгородских епископов с Константинополем.

В этот же день состоялась открытая лекция московского исследователя Константина Ерусалимского (Российский государственный гуманитарный университет) на тему «От Литвы к Речи Посполитой: московская дипломатия перед лицом нового государства (1533–1584 гг.)». Российский историк хорошо показал, как менялись основные культурные параметры и задачи дипломатии во взаимоотношениях Москвы и Вильно в указанное время. Также он рассмотрел посольские миссии, методы их проведения, основные приемы работы дипломатов, особенности посланий и договоров, языковые и коммуникативные трудности во время обмена дипломатических миссий. Кроме того, лектор представил полуофициальные и тайные контакты и их роль в формировании политики Московского государства.

Четвертая секция была посвящена дипломатии Руси XIV века. Так, Андрей Федорук (Черновицкий университет им. Ю. Федьковича) представил доклад «Русское королевство и Подольское княжество: проблема дипломатических контактов в 1374 г.». Чешский исследователь из Либерца Павел Сврж презентовал проблему титулатуры представителей Ливонии, Новгорода и Пскова в русско-ливонских договорах конца XII – начала XVI века. Олег Луговой (Одесский национальный университет им. И. Мечникова) рассказал о византийском посольстве в Москву в 1415 году. Львовский исследователь Игорь Сkochиляс (Украинский католический университет) охарактеризовал место Галицкой православной митрополии в дипломатических отношениях Королевства Руси и Польского королевства в XIV–XV веках.

Третий день работы конференции был продолжен интересными докладами в пятой и шестой секциях, посвященных дипломатии Руси

конца XV – XVI века. Адиле Эминова (Стамбульский университет) охарактеризовала дипломатическую миссию Московского княжества в Османскую империю в 1496 году. Павел Бочек из Брно (Университет им. Т. Масарика) проанализировал дипломатию Ивана III, а Дана Пицкова из Праги (Карлов университет) – первые соглашения великих князей московских с правителями Священной Римской империи. Ирина Колузаева (Варшавский университет) презентовала доклад об обеспечении посольств на примере пребывания московской миссии в Орше, а Изабелла Корчагина (Варшавский университет) показала место алкогольных напитков в дипломатическом церемониале московского двора XVI века. К династическим бракам как форме дипломатии великих князей московских в XVI веке обратилась Юлия Закржевская (Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики»). Словацкий исследователь Лукаш Рыбар (Университет им. А. Коменского в Братиславе) поднял вопрос о дипломатических миссиях Николая Варкоча и Ази Хосрова к московскому царю в 1593 году.

Отдельно хочется сказать об участии в конференции делегации из Беларуси. Всего в научном форуме приняло участие четыре представителя белорусской медиевистики. Свои презентации в Кракове представили: Алексей Мартынюк (Республиканский институт высшей школы), вынесший на обсуждение проблему дипломатического обеспечения поездок иностранцев по землям Руси в первой половине XV века. Вопрос династических союзов как элемента дипломатии полоцких Рогволодовичей в X–XIII веках затронула Мария Самонова (Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины). Янина Риер (Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова) выступила с докладом «Отображение системы власти в Полоцке в международных договорах и дипломатической переписке XIV века», а Филипп Подберезкин (Белорусский государственный университет) поднял вопрос «норьевской дани» в ливонской дипломатии в период 1474–1554 гг.

Необходимо отметить, что, несмотря на свою относительную малочисленность, белорусская делегация приняла активное участие не только в работе секций конференции, но также в дискуссиях и обсуждениях по наиболее проблемным вопросам дипломатии средневековой Руси. Кроме того, Алексей Мартынюк стал участником круглого стола на тему «Австрийский мост контактов Руси с Западной Европой» вместе с Константином Ерусалимским и Мирославом Волощуком. В рамках данного круглого стола прошла презентация книги Алексея Мартынюка «До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональ-

ных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века)», вышедшей в Москве в 2019 году.

Завершающая часть работы научного форума была посвящена презентации новых изданий по истории Руси, увидевших свет в 2019 году, а также итогам десятилетней работы проекта *Colloquia Russica*. Были выдвинуты и обсуждены идеи о дальнейшем развитии проекта.

Помимо обширной научной программы, участников ждала насыщенная культурная жизнь. Так, сразу после приезда гости смогли насладиться всей красотой и атмосферой бывшей столицы Польского королевства, прогуляться по ее старинным улочкам во время интересной обзорной экскурсии, а также посетить увлекательную экспозицию Археологического музея. Ярким впечатлением первого дня работы конференции стало посещение музея Ягеллонского университета, во время экскурсии по которому можно было не только ощутить дух средневекового университета, но и прогуляться по залам, в которых когда-то учились Николай Коперник и многие другие знаменитые ученые. Не менее запоминающейся оказалась прогулка по подземельям Рынка, которая ждала гостей научного форума в конце второго дня конференции. А настоящим прощальным подарком для участников стало выступление участников клуба реконструкторов, разыгравших сцены из повседневной жизни средневековой Руси.

Важной отличительной чертой всех конференций проекта *Colloquia Russica* является академическая, но в то же время по-настоящему дружеская атмосфера, царящая в зале во время выступлений и дискуссий. Благодаря этому даже начинающие исследователи чувствуют себя уверенно и имеют возможность обсудить волнующие их научные вопросы с более опытными коллегами, многие из которых широко известны как выдающиеся специалисты в мире средневековой истории. По такой же устоявшейся традиции прошла и десятая юбилейная конференция *Colloquia Russica*. Мероприятие стало образцом высокого уровня организации и научной эффективности. В ходе выступлений участников и последующих дискуссий были обсуждены важнейшие вопросы дипломатии средневековой Руси во всех ее аспектах. Примером подлинного академизма и высокой научности оказались открытые лекции, прочитанные ведущими специалистами по истории Руси. Бесценным оказался обмен мнениями и взглядами по актуальным проблемам развития медиевистики в регионе Центральной и Восточной Европы. Конференция в Кракове стала достойным завершением десятилетнего периода работы проекта *Colloquia Russica* – и вселяет надежды на дальнейшее развитие проекта.

Подберезкин Ф. Д.

**«ДРЕВЕНА БАНЯ» ВИТАЛИЯ НАГИРНОГО:
ЛИЧНЫЕ ЗАМЕТКИ УЧАСТНИКА
К ДЕСЯТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПРОЕКТА
*COLLOQUIA RUSSICA***

Ex genere

«Золото и серебро утверждают стопы, но надежнее того и другого – добрый совет» (Сирах, 40:25). Пасхальным днем 2010 года в студенческом кафе близ Института истории Ягеллонского университета доктор Виталий Нагирный беседовал с двумя своими студентами – «отроками» Марчином Куменгой и Конрадом Левеком. В разговоре зашла речь о необходимости более интенсивного обращения к истории средневековой Руси, привлечения к этой тематике молодых ученых, в том числе студентов. Появилась идея: не создать ли научный «снемь» знатоков средневековой Руси и объединить в нем представителей разных научных школ и поколений исследователей? Запрос на такой «снемь» в научной среде появился давно, а традиции Ягеллонского университета позволяли рассчитывать на успех в этом начинании. Студенческая наука имеет в Кракове давнюю традицию: с 1892 года ведет свое начало Студенческое научное историческое общество Ягеллонского университета, а с 1983 года в Институте истории издается студенческий ежеквартальник «Societas Historicorum». Возникло предложение: не сделать ли нечто подобное на древнерусскую тематику?

Виталий Нагирный принадлежит к тому редкому виду научных менеджеров, которые «зрят из дебюта в эндшпиль»: недостаточно организовать хороший сборник, печатать знакомых мэтров и влачить безмятежную научную карьеру, не выходя за границы «малопольского виноградника». Для «утверждения стоп», помимо тематического периодического издания, обязательно нужен связанный с ним научный форум, где специалисты по древнерусской медиевистике с запада и востока Европы завязывали бы постоянные контакты, а «отроки» обучались бы ремеслу историка

Почуяв обильную жатву, Виталий Нагирный послал призыв о помощи к русинам, ляхам, словакам и жемайтам – к Мирославу Волощуку в Ивано-Франковск и Леонтию Войтовичу во Львов, к Станиславу Сроке

в Краков, к Мартину Хомзе в Братиславу и Витасу Янкаускасу в Каунас. Коллеги поддержали Виталия словом и делом – так начиналась *Colloquia Russica*.

Utraque unum

Проект *Colloquia Russica* задумывался в виде двух серий – «красной» (общей) и «синей» (более специализированной). Съезды «красной серии» проводились ежегодно, как правило, осенью, преимущественно на порубежье Руси с Латинским миром: Краков («Средневековая Русь и соседи», 2010 г.), Ивано-Франковск («Княжества Галицкой и Волынской земли в международных отношениях (XI–XIV вв.)», 2011 г.), Варшава («Русь в эпоху монгольских нашествий (1223–1480 гг.)», 2012 г.), Могильно («Рюриковичи в свете династических взаимосвязей: политика, повседневность, культура, религия (X–XVI вв.)», 2013 г.), Спишское Подградье («Русь и Центральная Европа (XI–XIV вв.)», 2014 г.), Краков («Русь и страны латинской культуры: общество, культура, религия», 2015 г.), Пльзень («Русь и мир кочевников (IX–XVI вв.)», 2016 г.), Львов («Религии и верования Руси (X–XVI вв.)», 2017 г.), Перемышль («Русь и Польша (X–XVI вв.)», 2018), Краков («Дипломатия средневековой Руси (X–XVI вв.)», 2019 г.).

Стратегическое руководство проектом взял на себя Виталий Нагирный; в то же время коллеги сосредоточили в своих руках большую часть организационных обязанностей, если *Colloquia Russica* проводилась в их городах. Так, основным организатором конференции в Ивано-Франковске в 2011 г. был Мирослав Волощук, в Варшаве в 2012 г. – Адриан Юсупович, в Могильно в 2013 г. – Дариуш Домбровский, в Спише в 2014 г. – Адам Месяркин, в Пльзене в 2016 г. – Павел Варека и Андреа Кьонигксмарова, во Львове в 2017 г. – Игорь Скочиляс и Андрей Ясиновский, в Перемышле в 2018 г. – Томаш Пудлоцкий. Во время краковских конференций (2010, 2015, 2019 гг.) – Виталий Нагирный.

«Красные серии» были наиболее многочисленными по количеству участников. Отличительной особенностью *Colloquia Russica* по сравнению с другими конференциями по древнерусской тематике являлось сочетание шести форм работы с вовлечением в них всех участников: открытые доклады-лекции с введением в проблемное поле; доклады на панелях; тематические дебаты; сессии с презентацией постеров; презентация новейших исследований из истории средневековой Руси; культурная программа. Не было традиционного деления на секции: докладчики (как «мужи старшей дружины», так и «отроки») объеди-

нялись по тематико-хронологическому принципу в панели, а их выводы представлялись для дискуссии всем присутствующим. Благодаря этому каждая конференция *Colloquia Russica* проходила как бы под покровительством древнего бога Таммуза, превращалась в очередной цикл научного плодородия, который в разной мере переживал каждый участник форума.

Вливание «молодой крови» в организацию и содержательное наполнение проекта *Colloquia Russica* является лейтмотивом каждой конференции с 2010 года и до сего дня. Молодые исследователи (студенты, докторанты, недавно остепененные историки) составляли до половины всех участников конференций «красной серии». «Отроки» составляли и основную организационную команду при подготовке конференций: встречали приезжавших и проводили уезжавших «старших мужей», договаривались о ночлеге, писали матрикулы, показывали путь, наливали кофе, вино и пиво. В итоге, иной «отрок» становился «дружинником»: теперь уже многих из них знают как состоявшихся восточноевропейских медиевистов. К их числу принадлежат: Моника Каминьска, Конрад Левек, Марчин Клеменски, Аркадиуш Сивко (все – Краков), Ирина Тымар, Остап Кардаш, Андрей Стасюк (Ивано-Франковск), Иванка Папа (Львов), Назарий Христан (Черновцы), Адам Месяркин, Лукаш Рыбар, Виктор Адамович (Братислава), Мария Лавренченко (Москва), Полина Скурко, Юрий Афанасенко, Родион Попель (Минск), Янина Риер (Могилев) и многие другие.

Собрания «синей серии» проводились нерегулярно и организовывались для узкого круга мэтров. Проблематика конференций была в этом случае более конкретной и собирала, как правило, специалистов на заданную тему. Удалось организовать 3 конференции «синей серии»: в Перемышле («Перемышль и Перемышльская земля в X – первой половине XIV в.», 2012 г.), в Каунасе и Тракае («Битва на Синих Водах в 1362 г.», 2012 г.), в Ивано-Франковске («Терминология истории средневековой Руси», 2017 г.). Господь не попустил созвать конференцию о «русском короле» Данииле Романовиче – но в 2017 г. увидел свет сборник «Данило Романович і його часи». Каждый из сборников «синей серии» являлся, по сути, коллективной монографией по избранной теме.

Bellatores Christi

Виталий Нагирный как «великий дворский» собрал вокруг себя многих «сильных мужей» восточноевропейской медиевистики. Назовем их имена: «понуждающий ляхов», кроткий дееписатель династии Рю-

риковичей Дариуш Домбровский; «премудрый книжник», специалист по герменевтике русского летописания Игорь Данилевский; муж «дерзок и храбр», разыскавший русь в Венгерском королевстве, Мирослав Волощук; «смиранный духом» историк Церкви Игорь Скочиляс; «мятежник», мастер острых дискуссий и первооткрыватель «австрийского вектора» истории средневековой Руси Алексей Мартынюк; «много-смешливый» и безгранично позитивный знаток эпохи царя Ивана IV Иероним Граля; «миротворец», рудокоп средневековых залежей центральноевропейских архивов Норберт Мика; «преблаженный» патриарх украинской историографии Леонтий Войтович; «всеименитый» толкователь именованья Рюриковичей Федор Успенский; «любящий русские вои», биограф Ростислава Михайловича сербский историк Дюра Гарди; «неверный галичанин» и специалист по русской позднесредневековой археологии Александр Мусин; «кроткий данщик» и штатный картограф проекта *Colloquia Russica* Степан Темушев; «в пиру веселящий», татаровед и античник в одном лице Борис Черкас; «елень у источника водного» южнорусского летописания Адриан Юсупович.

В кротости и смирении, только ради разнесения вести о своих находках, в разные времена форумы *Colloquia Russica* посещали Марта Фонт (Венгрия), Мартин Хомза (Словакия), Витас Янкаускас, Мариус Щавинскас (Литва), Йитка Комендова, Дана Пицкова (Чехия), Константин Ерусалимский, Светлана Валиуллина, Анна Литвина (Россия), Албена Стаменова (Болгария), Татьяна Вилкул, Вадим Аристов, Александр Головка, Владимир Александрович, Андрей Федорук, Игорь Коваль (Украина), Ян Тенговский, Анета Голембовска-Тобиаш, Малгожата Сморгонг-Ружицкая, Кшиштоф Стопка, Мацей Саламон, Михал Парчевский, Анджей Янечек, Анджей Колодейчик, Ярослав Никодем, Анджей Гиль, Мариус Бартницкий и многие другие. Трудно исчерпать все эпитеты «Галицко-Волынской хроники» и Священного Писания, чтобы описать доблести всех этих именитых мужей, которых Виталий все эти десять лет «усаживал» за свой круглый стол подобно королю Артуру из эпоса Томаса Мэлори. За одним столом сидели представители разных школ восточноевропейской медиевистики, которые до позднего вечера (а иной раз и до раннего утра) вели беседы об истории и культуре средневековой Руси и о судьбах ее наследия. С перспективы сегодняшнего дня уже можно сказать, что проект *Colloquia Russica* стал мощным импульсом для развития исследований по истории Руси и ее соседей, заметным фактором развития научного ландшафта в Центральной и Восточной Европе в начале XXI века.

Numeri

Всякое дерево доброе приносит добрый плод. Представим некоторые цифры. За десять лет существования проекта *Colloquia Russica* вышли 9 томов «красной серии» и 4 тома «синей серии», в этом году будет опубликован 10-й том «красной серии», посвященный дипломатии средневековой Руси. С 2010 по 2019 г. в конференциях приняло участие 363 человека. Прозвучали 32 открытые лекции, было организовано 16 научных дебатов, представлено 307 докладов и проведено 3 сессии постеров. Более 30 человек, которые начинали в *Colloquia Russica* еще как студенты и аспиранты, защитили кандидатские (PhD) диссертации и продолжают сеять доброе семя уже в качестве учителей. Цифры – слепые свидетели, в памяти же участников конференции проекта *Colloquia Russica* останутся, в первую очередь, добрые воспоминания о самой атмосфере совместного научного поиска.

Balneum

Напоследок вспомним поучительную метафору из начальной части «Повести временных лет». Святой апостол Андрей парился в новгородской бане – и оставил потомкам подробное описание сего «словенского дива». Образ бани может стать герменевтическим ключом для понимания коллективного проекта *Colloquia Russica*. В пасхальный день 2010 года Виталий Нагирный, Марчин Куменга и Конрад Левек задумали «затопить баньку», где отроки и дружинники «совлокуться» и «бьют» друг друга «едва живы» в дискуссиях, а затем «обливаются» древним способом на дружеской вечеринке. Главной проблемой восточноевропейской медиевистики, в настоящее время разбросанной по «национальным квартирам», является не отсутствие денег или новейших концептуальных подходов. Была необходима воля для совместного научного «мовенья» представителей уже сложившихся национальных школ, где «отроки» познают «прутье молодое». Заметим только, что новгородская баня топилась «по обычаю» и «по вся дни», а значит гарантией успеха проекта *Colloquia Russica* на новом этапе его существования является не только закрепление уже сложившейся традиции, но и регулярность дальнейших встреч, поиск новых форм работы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бенцианов Михаил Михайлович – кандидат исторических наук (Екатеринбург)

Введенский Антон Михайлович – научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Воронин Василий Алексеевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Беларуси Средних веков и начала Нового времени Института истории НАН Беларуси (Минск)

Дзярнович Олег Иванович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории НАН Беларуси (Минск)

Зимницкий Александр Антонович – магистр исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исторического музея Республики Беларусь (Минск)

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН (Москва)

Любый Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Нагирный Виталий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Восточной Европы Института истории Ягеллонского университета (Краков)

Подберезкин Филипп Дмитриевич – магистр исторических наук, аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

Рьер Янина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова (Могилев)

Русина Елена Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев)

Сердюк Богдан Владимирович – магистр исторических наук, аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

РЕЗЮМЕ

Кулаков В. И. *Пути торговли янтарем в юго-восточной Балтии во II веке н.э.* [15.01.2019]

За последние десятилетия развития балтской археологии накоплен мощный банк данных, позволяющий реконструировать трассы янтарной торговли в юго-восточной Балтии в раннеримское время. В статье проведен анализ версий северного отрезка Великого/Главного Янтарного пути и выяснены его основные параметры. Распространение в I веке н.э. в юго-восточной Балтии провинциально-римских фибул типа AIV,75 предполагает прохождение части Янтарного пути через ареал пшеворской культуры, носители которой охотно пользовались фибулами как продуктом янтарной торговли. Начиная с фазы B₁ вельбарские фибулы форм Hauptmann 1–9 поступают (очевидно, как в рамках торговых отношений, так и как результат матримониальных контактов) на юго-западную окраину балтского мира. Анализ погребальных комплексов, содержащий на могильнике Lauth/Б. Исаково такие фибулы, свидетельствует о том, что восточногерманские женщины, оказавшиеся в качестве невест/жен в балтской среде, как правило, до конца жизни сохраняли элементы своего приданого, выполненные в вельбарских традициях. Однако наличие отдельных балтских по своему происхождению компонентов погребального инвентаря в их захоронениях свидетельствует в пользу проведения заупокойных церемоний эстиями, носителями западнобалтских традиций.

Сердюк Б. В. *Какое христианство проповедовал Торвальд Путешественник?* [02.11.2019]

Статья посвящена выяснению конфессиональной принадлежности исландского миссионера Торвальда Кодранссона, проповедовавшего христианство на землях Полоцкого княжества в конце X века. Миссионерская деятельность исландца осуществлялась до официального раскола христианства в 1054 г. Тем не менее, значительно обострившиеся в конце первого тысячелетия н.э. противоречия между Западной и Восточной традициями, как и приверженность миссионера к саксонской богословской школе, настаивающей на *Filioque*, не позволяют считать Торвальда проповедником единого христианства.

Воронин В. А. *Белорусские земли и Чехия в X–XII вв.* [12.03.2019]

Белорусские земли, которые в эпоху европейского Высокого Средневековья входили в состав нескольких княжеств Древней Руси, под-

держивали связи с разными странами, в том числе с Чехией. В статье высказано предположение о том, что существовало родство между полоцкой и чешской правящими династиями. Оно нашло свое отражение и в их именовании. По всей видимости, с личностью гнезненского (Польша) архиепископа Радима (Гауденция), чеха по происхождению, связано представление о том, что славянское племенное объединение радимичей пришло в Посожье из Польши. Наконец, находки на территории Беларуси чешских монет и других ценностей свидетельствуют о том, что между странами существовал также хозяйственный обмен.

Нагирный В. Н. *Туровский посадник Жирослав Иванкович. Просопографический очерк* [12.06.2019]

В статье рассматривается биография туровского посадника Жирослава Иванковича. Подтвержденный источниками период его деятельности охватывает 1146–1158 гг. Автор приходит к выводу, что Жирослав родился не позднее конца 1110-х гг., происходил из Туровской земли, был сыном тысяцкого Иванка, свою карьеру начал при дворе князя Вячеслава Владимировича, а ее вершиной стала должность туровского посадника. После пленения в 1146 г. князем Ростиславом Мстиславичем судьба Жирослава прослеживается слабо. Возможно, что он продолжил служить Вячеславу Владимировичу, а после его смерти перешел на службу к киевскому князю Юрию Владимировичу. В 1158 г. Жирослав находился на службе у черниговского князя Святослава Ольговича и исполнял функции посла. После 1158 г. он исчезает со страниц летописей.

Зимницкий А. А. *Первые факты(?) использования Тевтонским орденом огнестрельного оружия против войск Великого княжества Литовского (по материалам хроники Матея Стрыйковского)* [30.06.2019]

Статья посвящена проникновению огнестрельного оружия на пограничье Тевтонского ордена и Великого княжества Литовского в XIV веке. Одним из первых, кто заинтересовался этой темой, стал историк XVI века, современник т.н. «военной революции» и первый историограф Великого княжества, Матей Стрыйковский. Именно в его хронике содержатся самые ранние упоминания об использовании этого оружия войсками Тевтонского ордена. Тем не менее, несмотря на скрупулезность работы М. Стрыйковского и широкую нарративную базу, которую он использовал, его сведения требуют анализа и перепроверки. Отдельное внимание в данном случае уделено популярному в белорусской научной и научно-популярной сфере эпизоду смерти великого князя Гедимина от выстрела из ружья при штурме одного из орденских замков.

Русина Е. В. *Средневековый Киев: город и миф* [29.05.2019]

В центре статьи – особая роль, принадлежавшая Киеву в жизни Восточной Европы в эпоху Средневековья. С конца X в. он был не только столицей, но и ведущим религиозным центром Руси. В середине XIII в. в результате монгольского нашествия в жизни города произошли кардинальные изменения. Киев перестал быть резиденцией «старейшего» князя-Рюриковича и митрополита. Однако ему удалось сохранить свой харизматический статус вопреки длительной десакрализации, начало которой положило разорение города в 1169 г. В статье рассмотрены также попытки перенять роль Киева как «святого города» военным и идеологическим путем.

Введенский А. М. *Новгородская владычная летопись как источник Летописи Авраамки* [14.06.2019]

Статья посвящена использованию составителем Летописи Авраамки текста Новгородской владычной летописи. Показано, что внутри летописного текста Летопись Авраамки использует текст Новгородской владычной летописи лишь однажды – под 1169 годом. Однако дополнительные материалы Летописи Авраамки содержат почти все списки-перечни и материалы юридического характера, которые находились в Новгородской владычной летописи. Летопись Авраамки является одним из главнейших источников для изучения этих дополнительных материалов, наряду с Комиссионным списком Новгородской первой летописи младшего извода.

Бенцианов М. М. «Литвины» и «паны». Выходцы из Великого княжества Литовского на московской службе в XV–XVI столетиях [15.05.2019]

Длительное соседство двух соседних государственных образований: Великого княжества Литовского и Московского государства приводило к постоянному взаимопроникновению представителей местных служилых элит. Процесс этот имел разную степень интенсивности, усиливаясь во время военных столкновений и внутривластных конфликтов. Одним из его результатов становилось появление на московской службе внушительного числа «литвинов», процесс интеграции которых в сложившуюся систему служебных отношений и в социальную среду местных служилых сообществ XV–XVI столетий являются предметом исследования статьи.

Подберезкин Ф. Д. *«Избегая даней прародителей»: вопрос о лене и дани в отношениях Великого княжества Московского и Священной Римской империи с Ливонией (XV – первая половина XVI в.)* [30.06.2019]

Статья посвящается малоизвестному аспекту взаимоотношений Великого княжества Московского и Священной Римской империи с Ливонской конфедерацией – вопросу о ленной и даннической зависимости ливонских владетелей от императора и великого князя московского. Казус актуализировался в связи с эскалацией русско-ливонского конфликта в 50-х гг. XVI в. из-за вопроса о «юрьевской дани». Цель исследования – выяснить статус Ливонии по отношению к императору и русскому царю накануне военного конфликта. По мнению автора, «двойные» даннические обязательства были обусловлены стремлением магистра Немецкого ордена, рижского и дерптского епископов заручиться поддержкой внешних сил для обеспечения лидерства внутри конфедерации. Пункт о «юрьевской дани» из псковско-дерптских договоров второй половины XV – первой половины XVI в. намеренно скрывался ливонцами от имперских сословий, требовавших во время рейхстагов уплаты общеимперских налогов. Таким образом, одной из причин Ливонской войны была плохая «плохая платежная мораль» ливонских представителей по отношению к своим сюзеренам – императору Священной Римской империи и великому князю московскому/русскому царю.

Любый А. В. *Между литовским и польским временем: современная украинская историография Великого княжества Литовского эпохи Ягеллонов* [31.05.2019]

В данной работе автор дает характеристику современной украинской историографии по проблемам Великого княжества Литовского в эпоху Ягеллонов. Автор выделяет два поколения исследователей, влияние первого поколения на проблематику и методологию второго. Далее автор оценивает потенциал подготовки и защит диссертаций по проблеме, дает характеристику изданию источников и обобщающих работ.

Дзярнович О. И. *«Militares Livoniensum»: Реестр ливонского войска под Пасволем в 1557 г. и проблемы военной истории региона* [30.04.2019]

События, которые привели к возникновению документа под названием «Militares Livoniensum», отображают военно-политическую ситуацию в регионе Восточной Европы накануне великого испытания – Ливонской войны (1558– 1583) и территориального передела Балтии, который произошел в течение и в результате войны. Но «Пасвольский конфликт» имеет и свои специфические предпосылки, и собственное политическое измерение в четырехугольнике Ливония – ВКЛ – Корона

Польская – Прусское герцогство. «*Militares Livoniensum*» фактически является реестром ливонского войска под Пасволем в сентябре 1557 года, где в военной демонстрации сошлись войска Ливонии и Великого княжества Литовского. Этот документ иллюстрирует военно-мобилизационный потенциал Ливонии середины XVI века.

SUMMARY

Kulakov V. I. *Ways of trade in amber in the southeastern Baltic region in the 2nd century AD*

Over the past decades of the development of Baltic archeology, a powerful data bank has been accumulated, which allows reconstructing the routes of amber trade in the southeastern Baltic region in early Roman times. The article analyzes the versions of the northern section of the Great/Main Amber Route and its main parameters are clarified. Distribution in the 1st century AD in the southeastern Baltic region, provincial-Roman brooches of type AIV, 75 involve the passage of part of the Amber Road through the area of the Przeworsk culture, the carriers of which willingly used the brooches as a product of amber trade. Starting from phase B1, the Velbar brooches of the Hauptmann forms 1–9 enter (obviously, both in the framework of trade relations, and as a result of matrimonial contacts) to the southwestern outskirts of the Baltic world. Analysis of burial complexes containing at the Lauth/B. Isakovo burial ground such brooches, testifies that East German women, who appeared as brides/wives in the Baltic environment, as a rule, retained elements of their dowry, made in Wielbark traditions, until the end of their lives. However, the presence of individual components of funerary equipment of Baltic origin in their graves testifies in favor of holding funeral ceremonies with Aestii, the bearers of West-Baltic traditions.

Serduk B. V. *What Christianity did Thorvald the Far Traveler preach?*

The article is devoted to identifying the confession of the Icelandic missionary Thorvald Kodransson, who preached Christianity on the lands of the Principality of Polotsk at the end of the 10th century. The missionary activity of the Icelander was carried out before the Great Schism of 1054. Nevertheless, significantly aggravated contradictions between Western and Eastern traditions at the end of the first millennium AD, as well as the missionary's commitment to the Saxon theological school, insisting on *Filioque*, do not allow Thorvald to be considered a preacher of united Christianity.

Varonin V. A. *Belarusian lands and Czech lands in 10th–11th centuries*

In a period of High Middle Ages Belarusian lands were a part of several principalities of Old Rus'. They contact with different European countries including Czech lands. A hypothesis about kinship between Polotsk and Czech ruling dynasties is claimed in this paper. This fact was reflected, among other things in their onomastics. Apparently, the idea of migration of East Slavic tribal union Radimichi in a region of Sozh river from Poland was connected with a person of Gnezno (Poland) archbishop Radim Gaudentius, who was a Czech by origin. Lastly, findings of Czech coins and other valuable things in the territory of Belarus evidence, that it was an economic exchange between these two countries.

Nagirnyy V. N. *Posadnik of Turov Zhiroslav Ivankovich. The prosopographic essay*

The article deals with the biography of the posadnik of Turov Zhiroslav Ivankovich. The period of his activity confirmed by the sources covers 1146–1158. The author concludes that Zhiroslav was born no later than in the end of the 1110-s, came from Turov land, was the son of a tysyatsky Ivanko, began his career at the court of Prince Vyacheslav Vladimirovich, and the position of the posadnik of Turov became the peak of his career. After his capturing in 1146 by Prince Rostislav Mstislavich, the fate of Zhiroslav is poorly described in the sources. It is possible that he continued to serve Vyacheslav Vladimirovich, and after his death he started to serve to the Prince of Kyiv Yuri Vladimirovich. In 1158, Zhiroslav was in the service of the Prince of Chernihiv Svyatoslav Olgovich as an ambassador. After 1158 he disappears from the pages of the annals.

Zimnitski A. A. *The first facts (?) of the use of the Teutonic Order of firearms against the troops of the Grand Duchy of Lithuania (based on the materials of the chronicles of Maciej Strykowski)*

The article is devoted to the penetration of firearms on the border of the Teutonic Order and the Grand Duchy of Lithuania in the 14th century. One of the first men who became interested in this topic was a historian of the 16th century, a contemporary of the so-called «Military revolution» and the first historian of the Grand Duchy, Maciej Strykowski. The earliest references to the use of this weapon by the troops of the Teutonic Order are contained in his chronicle. Nevertheless, despite the scrupulousness of the work of M. Strykowski and the wide narrative base that he used, his information requires analysis and double-checking. Special attention in this case is given to the episode of the death of Grand Duke Gediminas from a shot from a handbrake during the storming of one of the order castles, which is popular in the Belarusian scientific and popular science sphere.

Rusina E. V. *Medieval Kiev: the city and the myth*

The paper focuses on the unique role played by Kiev in the medieval history of Eastern Europe. Since the late 10th century it was not only the capital but also the most venerable religious centre of Rus' lands. In the mid-13th century Kiev experienced a catastrophic reversal of fortune in consequence of the Mongol invasion. The city lost its political and ecclesiastical significance which was determined by its role as the residence of the «senior» Rus' prince and the metropolitan of all Rus'. But in spite of its age-long desacralization Kiev managed to retain its charismatic status. The article examines also various attempts to inherit Kiev's position as locus sacer both by military and ideological means.

Vvedensky A.M. *Novgorod Bishop's Chronicle as a Source of the Chronicle of Abraham*

The article is devoted to the use by the compiler of the Chronicle of Abraham of the text of the Novgorod Bishop's Chronicle. It is shown that within the text of the Chronicle of Abraham uses the text of the Novgorod Bishop's Chronicle only once – under 1169. However, additional materials of the Chronicle of Abraham contain almost all scroll and materials of a legal nature, which were in the Novgorod Bishop's Chronicle. The Chronicle of Abraham is one of the main sources for studying these additional materials, along with the Commission list of the Novgorod first Chronicle.

Benizianov M. M. *«Litvins» and «pans». Natives of the Grand Duchy of Lithuania in the Moscow service in the 15th–16th centuries*

The long neighborhood of two neighboring state formations: the Grand Duchy of Lithuania and the Moscow State led to a constant interpenetration of representatives of local service elites. This process had a different degree of intensity, intensifying during military clashes and internal political conflicts. One of its results was the emergence in the Moscow service of an impressive number of «Litvins», the process of integrating which into the existing system of official relations and into the social environment of local serving communities of the 15th–16th centuries are the subject of research of the article.

Podberezkin Ph. D. *«Avoiding the tribute of fathers»: the issue of allegiance and tribute in the relations of Grand Duchy of Moscow and Holy Roman Empire with Livonia (15th – first half of 16th century)*

The article is dedicated to a little-known aspect of relations of Grand Duchy of Moscow and Holy Roman Empire with Livonian confederation – the issue of vassal and tribute dependence of Livonian authorities on the em-

peror and great prince of Moscow. The case of a double was actualized in connection with escalation of Russian-Livonian conflict because of «Dorpat tribute» during 50er of 16th century. The purpose of this study is to clarify the legal status of Livonia towards to emperor and Russian Tsar in 50er of 16th century before the Livonian war. The author states, that the double vassal dependence of Livonia was a result of internal conflict between the master of Teutonic order in Livonia, the bishops of Riga and Dorpat. These authorities searched for an external support in their struggle for an internal leadership in Livonia. The punct of «Dorpat tribute» in the Pskov-Dorpat treaties of the second half of 15th – first half of 16th century was deliberately not mentioned by Livonians in a communication with imperial estates while discussing the imperial taxes during the reichstags. Therefore, one of the reasons of Livonian war was «bad payment moral» of the Livonian authorities towards to their legal lords – emperor of Holy Roman Empire and great prince of Moscow.

Liuby A. V. *Between Lithuanian and Polish times: contemporary Ukrainian historiography of the Grand Duchy of Lithuania of the Jagiellonian epoch*

The author characterizes the modern Ukrainian historiography about development of the Grand Duchy of Lithuania at Jagiellonian epoch in this work. He identifies two generations of researchers and marks an influences of the first generation on a investigation field and a methodology of the second generation. The paper dills with an investigation potential for preparing and defending theses on this scientific area. The author paies attantion to publications of sources and conceptual works too.

Dziarnovich A. I. *«Militares Livoniensum»: Register of the Livonian Troops near Pasvalys in 1557 and the Problems of the Militaristic History of the Region*

The events that led to the emergence of a document called «Militares Livoniensum» reflect the military and political situation in the Eastern European region on the eve of the great ordeal – the Livonian War (1558–1583) and the territorial redistribution of the Baltic region, which occurred during and as a result of the war. But Pasvalys Conflict has its own specific prerequisites and its own political dimension in the quadrilateral: Livonia – GDL – Crown of Poland – Prussian Duchy. «Militares Livoniensum» is in fact the register of the Livonian troops under Pasvalys in September 1557, where the troops of Livonia and the Grand Duchy of Lithuania met in a military demonstration. This document illustrates the military mobilization potential of Livonia in the middle of the 16th century.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного сборника «*Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*» объявляет о подготовке к печати тринадцатого выпуска сборника. К участию в сборнике приглашаются ученые Беларуси, России, Украины и других стран, чьи научные интересы лежат в сфере исследования истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (до конца XVI века).

К публикации принимаются статьи (до 2 п.л.), рецензии (до 0,5 п.л.) и иные материалы. Рабочие языки сборника – русский и белорусский. К статье необходимо приложить справку об авторе (ученая степень и звание, должность, место работы, контактная информация) и резюме до 10 строк на русском и английском языках. Представление статьи в редакцию означает согласие на ее последующее размещение в открытом доступе в сети Интернет. Заявки на участие в сборнике и тексты материалов принимаются **до 30 июня 2020 года** по e-mail: a.martyniuk@mail.ru или по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская, 15, Республиканский институт высшей школы, кафедра историко-культурного наследия Беларуси, каб. 319.

Просим Вас обратить внимание на нижеследующие требования к оформлению материалов, которые продиктованы требованиями ВАК Беларуси.

ПРАВИЛА оформления статей

1. В редакцию предоставляется электронный файл с текстом статьи (название файла – фамилия автора). Текст статьи следует набирать в редакторе Word (гарнитура – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5, поля со всех сторон – 20 мм).

2. Ссылки на использованную литературу и источники приводятся в порядке цитирования, порядковый номер и страница даются в квадратных скобках после цитаты/упоминания (например: [1, с. 44]). Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен в соответствии с требованиями ВАК Беларуси. Более подробно с инструкцией по оформлению списка литературы можно ознакомиться на сайте ВАК Беларуси www.vak.org.by.

3. При необходимости использовать в статье иллюстрации, таблицы, графики и т.д., автор должен обратиться в редакцию за дополнительными сведениями об их должном оформлении.

4. В случае передачи статьи автору на доработку, в редакцию необходимо вернуть первоначальный и окончательный варианты.

5. Представленные к печати материалы проходят независимое рецензирование. Редакция оставляет за собой право отбора статей по теме издания.

6. Статьи, оформленные с нарушением вышеприведенных правил, редакцией не принимаются.

С уважением, Редколлегия

Научное издание

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Научный сборник

Выпуск 12

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. В. Мартынюк*
Компьютерная верстка *А. Г. Седро*

На обложке: замок ливонского магистра в Вендене (Цесисе).
Рисунок Иоганна Кристофа Бротце, конец XVIII века
(к статье О. И. Дзярновича)

Подписано в печать 25.11.2019. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 13,37. Уч.-изд. л. 12,65. Тираж 100 экз. Заказ 97.

Адрес редакции: ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.
Республиканский институт высшей школы,
кафедра историко-культурного наследия Беларуси.
Тел.: +375(17) 219-06-68. E-mail: a.martyniouk@mail.ru.

Издатель и полиграфическое исполнение:
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/174 от 12.02.2014.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.